

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Болдырев (Курск)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

10/2020

Содержание

ПРОЗА

Владимир ЧОЛОКЯН. Железный повод. Роман.	3
Мария КОСОВСКАЯ. Барби. Рассказ.	76
Денис СОРОКОТЯГИН. Лето. Кока-кола. Бах. Рассказ.	92
Нурайна САТПАЕВА. Кара. Рассказ.	107
Владислава ВАСИЛЬЕВА. Перчатка. Рассказ.	117
Алина ПОЖАРСКАЯ. Ветрянка. Рассказы.	126

ПОЭЗИЯ

Светлана МИХЕЕВА. Лестница на улице Грязнова. Стихи.	73
Александра МАЛЫГИНА. Цветущий папоротник. Стихи.	89
«С черного входа украдкой». Екатерина Малофеева, Роман Поплавский, Наталья Добаркина, Ева Райм, Павел Сидельников. Стихи.	102

ДРАМАТУРГИЯ

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ. Шаман. Горно-алтайская быль. Пьеса в одном действии.	133
--	-----

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Алексей ЧЕБОТАРЁВ. Оружейная коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея.	164
--	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Заметки на полях

Константин КОМАРОВ. Зерна и плевелы.	177
--	-----

Книжная полка

Вячеслав ЛЮТЫЙ. «По равновеликим краям материнской земли...»	183
--	-----

Картинная галерея «Сибирских огней»

Владимир ЧИРКОВ. Сергей Дыков, идущий сквозь сны. Искусствоведческие письма.	187
--	-----

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Владимир ЧОЛОКЯН

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОВОД

Р о м а н

Глава 1

Спустившись с третьего этажа, Иван привычным взглядом осмотрел свою машину, ютившуюся в палисаднике. На улице стабильные февральские десять градусов, и можно парковаться, где расчистишь, не боясь возмущенных окриков соседских стариков. Иван уже направился к остановке, когда поворотники моргнули, мягко щелкнули замки, из открытой двери подъезда вышла жена в короткой, но пышной шубе — и села в их «шевроле-круз».

Не было ничего необычного в том, что на машине ездила жена. В конце концов, именно она стала инициатором этой обременительной покупки — Ивану вполне хватало автобуса. Что поделывать, ради поддержания имиджа в глазах коллектива сотруднице страховой компании можно и поговеть каких-то пять лет. Тем более что экватор пройден и осталось два года.

Существует представление, что фасовщица с мясокомбината не притронется к колбасе, повар из забегаловки быстрого питания предпочтет сварить пельмени, банковский работник стороной обойдет ипотеку. Иван когда-то много рассуждал об этом. Работая в автосалоне менеджером по продажам, он никогда не находил во вращении баранки особого шарма.

Подходя к крыльцу дилерского центра, Иван по привычке поднял глаза на огромную синюю вывеску «Карград», словно за четыре года не посмотрелся. Сегодняшний день не предвещал никаких эксцессов, однако, как известно, мы ничего не можем знать наверняка. Было еще рано, павильон простаивал без посетителей, поэтому директору ничего не мешало начать орать, только завидев Ивана.

— Бучков! Ты какого хрена творишь?!

— Вхожу...

— Ты вчера автовоз принимал?

— Ну, я. Кто еще...

— В акте приемки у тебя написано, что машины в порядке. В каком, на хер, порядке?

— Так. Что случилось?

— Смотреть надо было, вот что. Пошли.

Иван с директором вышли на задний двор. Скромная прямоугольная стоянка, с двух сторон зажатая дорогой, была присыпана снежной панировкой. Вокруг крутились сторож, еще один менеджер и старший механик кузовного цеха (так гордо именовали маленький ремонтный бокс на три машины и четыре сотрудника; младших механиков среди них не было).

— Вот, полюбуйся!

Директор ткнул в заднее левое крыло серебристой «гранты», на котором отчетливо виднелась неглубокая, но обширная вмятина.

— Не было этого, я же смотрел.

— Уж не знаю, куда ты смотрел. Ладно там сколы на краске или трещины на бамперах, но такое-то ты как мог проглядеть? Ты что, вчера родился?

— Отвечаю — не было.

— Да он, может, в темноте чего не разглядел. Вчера в шесть часов только привезли. С фонарем разве увидишь, — вступился за Ивана сторож. Еще одному менеджеру это явно не понравилось.

— Ага, так можно и машину целиком проглядеть!

— Чего скажешь, Серега? Дорого обойдется? — обратился директор к старшему механику.

— Местами до грунта слезло. Вытянуть-то легко, но элемент красить...

— На самарской трассе, говорят, одни ремонты: все перекопали. Могло и прилететь, — продолжил сторож.

— Явно видно, что это ударили. Никакой булыжник так не прилетит, тем более сбоку, — заметил Иван.

— Да какая уже разница. Дело сделано, — ехидно добавил менеджер.

— Ты подписал машину — ты и в ответе, сам знаешь. Поэтому решайте как хотите, но вмятины чтоб не было.

— Сделаю я все, чего на парня наехали, — сообщил механик Серега. — Все равно бокс простаивает.

— Ничего, недолго это продлится! В общем, Бучков, в твоих интересах, чтобы машину сделали демократично. Проставишься товарищу, раз такое дело, — заключил директор.

Иван поблагодарил механика, и все стали возвращаться к своим постам. Его не покидало ощущение несправедливости ситуации, но особых сил спорить не наскреблось. Директор был человеком себе на уме, считавшим, что только он знает, как надо правильно работать, в каком направлении двигаться. И не так важно, что практически все решения,

которые он искренне считал своими, были ненароком предложены кем-то из сотрудников или где-то подсмотрены.

Несколько лет назад, когда Иван еще знать не знал о существовании этого заведения и даже не получил водительского удостоверения, зародилась идея переформатировать автосалон под реализацию автомобилей из Китая. Серьезные компании братья за такое не решались, а скромным конторам типа «Карграда» это могло помочь выжить в условиях жесткой конкуренции. Расчет оказался верным: во времена упитанного рубля продажа дешевых, сомнительных по надежности, но щедро нафаршированных всевозможными кондиционерами, электропакетами, литыми дисками и прочей «цыганщиной» машин позволяла не только оставаться на плаву, но и неплохо зарабатывать.

После же очередной подлой подножки экономике от кого-то там (Иван не помнил, от кого, но об этом постоянно твердил телевизор) желающих приобрести дары коммунистического Востока на свои кровно заработанные и обесцененные как-то поубавилось. В связи с этим автосалон несколько месяцев лишь реализовывал остатки машин и был на грани закрытия, так до конца стоянку и не расчистив. Поэтому получение лицензии на торговлю автомобилями народного бренда «Лада» трактовалось директором как историческое событие, его персональная победа в противостоянии с кошельками сограждан.

Но с ажиотажем как-то не заладилось. Еще бы, купить сегодня «Ладу» не составляет ни малейшего труда. Иной раз кажется, что сама «Лада» хочет тебя купить, ведя круглосуточную слежку с рекламных билбордов, моргая раскосыми фарами с телеэкранов и занимая холлы торговых центров. Неудивительно, что появление в ассортименте «Карграда» данной продукции никого, кроме директора, не взбудоражило.

Иван бесцельно крутился в павильоне, двигаясь от одного окна к другому, лавируя среди немногочисленных выставочных машин. Редкие посетители предпочитали хлопать дверьми, щупать обивку сидений и стучать по пластику салона, разнося уличную грязь и мокрый снег, а на стандартный вопрос о помощи обычно тушевались и вскоре исчезали. Но, если кто-то отвечал утвердительно и начинал проявлять интерес, этого человека тут же перехватывал второй менеджер и обрабатывал единолично.

— Сань, вообще, это был мой клиент, — возмутился Иван.

— Я же не виноват, что они обратились ко мне.

— Ну да, только ты меня перебивал.

— Ой, ладно. Я же не продал ничего, — ухмылялся Саня, второй менеджер.

Ивану была знакома эта ухмылка. Те полтора года, что Саня работал в автосалоне, их взаимоотношения находились, как натянутая струна, в постоянном напряжении. От любого дуновения, коих при подобной работе бывает немало, струна резонировала гулом по помещению, на радость окружающим. С особым интересом следили за этим сотрудницы

кредитного отдела, которые большую часть времени страдали от безделья, предпочитая разводиться сплетни и без причины хохотать. Саня был немногим младше Ивана, и его манера заискивать перед начальством вкупе с желанием выставить себя в лучшем свете за счет слабых не могла не бесить. Да, Иван уже давно признал себя слабым, подкаблучником, не умеющим и не желающим давать отпор и что-то решать. Вот только в случае с клиентами, которых видишь первый и последний раз, можно всегда вести себя иначе, по настроению. Прикидываться не тем, кем являешься на самом деле. Но куда труднее это делать под постоянным наблюдением.

Иван давно заметил, что Саня его подсиживает. Преследовал он корыстные цели или это был лишь способ заглушить собственные комплексы — сложно сказать. Долгое время это ограничивалось перехватом клиентов, но на почве безнаказанности и вседозволенности рано или поздно должны были взрасти новые плоды. Иван догадывался, что произошедшее сегодня напрямую связано с этим, вот только грамотно взвесить аргументы и найти доказательства не хватало энергии. Полусонный организм, как допотопный компьютер, уходил в глубокую задумчивость, стоило его загрузить чем-то нестандартным.

После обеда Иван все же нашел в себе силы уточнить у сисадмина Коли:

— У нас же есть во дворе камера?

— Ну?

— Можно посмотреть съемку за ночь?

— Эмм... сейчас. Погоди, — неохотно отозвался Коля, сворачивая гору вкладок в браузере и закрывая какую-то игру. За спиной нарисовался Саня.

— Интересная у тебя работа, Николай.

— Не жалуюсь, — ответил тот без видимой охоты.

Спустя некоторое время видеофайл предстал на экране компьютера едва различимым изображением, засвеченным от дорожного фонаря. На нем с трудом можно было опознать машину.

— Промотай помедленнее, — попросил Иван.

— Камера простенькая, снимает с задержкой. Не знаю, что ты хочешь тут увидеть.

Иван внимательно смотрел в монитор. Где-то позади чувствовался пристальный взгляд Сани. Сложно было сфокусироваться, но ничего необычного на записи не происходило. Предположение провалилось.

— Ты думал — кто на стоянке ее тюкнул? — поинтересовался Саня. — Да разве с нашим сторожем такое провернешь. Его будка прямо напротив, муха не пролетит.

— Я просто проверил, — отмахнулся Иван.

— Ой, ладно, не расстраивайся. Никто с тебя не будет взыскивать, мы эти машины недели за три максимум втюхаем. Еще и премию выйдем.

— Ага, было бы неплохо...

Лишняя копейка Ивану оказалась бы кстати. Подходил платеж по кредиту, почти совпадающий с днем рождения жены. Раньше, в первые годы знакомства и совместного проживания, приходилось тратиться на всевозможные цацки: ожерелья, серьги, кольца. Чем дольше они были знакомы, тем дешевле и символичнее становилась покупка. К счастью, перечень конечностей, куда можно нацепить очередную безделушку, закончился и появился шанс обойтись просто духами. Эх, нет занятия скучнее, чем искать жене подарок: мало того, что это крайне изнурительно, так еще деньги отдавать!

Остаток рабочего дня ничем не запомнился.

Глава 2

Снегопад опасен для города. Еще опаснее он для города российского. По совершенно необъяснимой причине именно у нас в стране, знакомой со снегом издревле, стихия каждый сезон вызывает истинное недоумение и чуть ли не панику на всех уровнях городского управления, от губернаторов и мэров до работников ЖКХ и дорожников. Эмпирическим путем выясняется, что улицы сами себя не чистят, тротуары не сбрасывают наледь, как ящерицы, а крыши не предназначены для хранения снега и он с них иногда десантируется на чьи-то головы. Пожилые водопроводные трубы не выдерживают и норовят оросить проезжую часть кипятком, чтобы хоть немного помочь растопить бело-желтые сугробы.

Для автолюбителей снегопад становится большой бедой, для пешеходов привычное передвижение по улицам превращается в экстремальное приключение, и только Иван по-детски радовался разбушевавшейся метели. Автобусы начинали ходить медленнее, и это отличная причина вернуться домой позднее. Дождавшись нужного маршрута, он пробился до любимого места у окна, прямо за центральной площадкой, и, довольный, снял шапку. У этого места есть одно очень важное преимущество: сюда крайне сложно забраться старухам, а значит, уступать им не придется.

Уже давно стемнело. Медленно проплывали ряды пробок, моргали спецсигналами коммунальные машины, фонарные столбы прятались за испускаемым ими светом. Народу набивалось все больше, и приходилось протирать рукой стекло, чтобы продолжать держать связь с внешним миром и не остаться наедине с душным, переполненным суетливыми пассажирами салоном. В такие моменты Ивану хотелось думать о чем-то важном, интересном, что никогда не приходит на ум дома или на работе. Это была некая буферная зона, тропинка между сугробами однообразия и скуки. Казалось, инцидент с вмятиной на машине случился очень давно, настолько, что сложно даже воспроизвести его детали. Впрочем, это и было давно. Единственный маячок, по которому можно было ориентироваться во времени, — день рождения жены — неумолимо приближался и тянул за собой платеж по кредиту. Вот бы автобус ехал всегда...

Дома жена смотрела телевизор. С животным гоготом она потешалась над юмористической передачей. Был в этом смехе какой-то неестественный автоматизм, словно ей щекотали пятки. Еще будучи в коридоре, Иван услышал в этой передаче знакомые фразы — ее повторяли раз в пятый. На этот раз он поздоровался.

— Привет. Что по еде?

— Пельмени. Наверное, уже остыли, ты сегодня задержался.

— Пробки.

— А я до них успела. Посиди со мной, — произнесла жена мягким голосом.

Иван вошел на кухню. На вымытом столе была тарелка с пельменями, стакан чая, небольшая ваза с конфетами и салфетница. Все аккуратно расставлено, как в столовой. Иван сунул чай вместе с тарелкой в микроволновку. Потом притащил все это на табуретке в зал и сел рядом с женой.

Телевизор показывал уже другую передачу. Она тоже считалась юмористической, однако эту Иван уже не помнил. Разыгрываемые там ситуации казались ему глупыми и пошлыми, и это было не смешно. Только вот сложно сдерживать смех, когда кто-то рядом тебя провоцирует. Иван заметил, что тоже начинает хохотать. Поначалу его это смущало, но потом пельмени и горячий чай подействовали на организм умиротворяюще, и он расслабился.

Уже пошли новости. Так и просидел бы Иван на диване с женой, если бы не зазвонил телефон. Взяв аппарат с тумбочки, он пошел на кухню, захватив с собой тарелку. На экране было написано «Стас».

— Здорово, братан! Как дела? — послышалось из динамика.

— Да обычно, по-тихому.

— Ты дома уже?

— Ну да.

— Я сам только прикатил. Погода дала оторваться, конечно. Автобусы-то ходили?

— Ходили, чего им будет.

— Слушай, это... может, по пиву? В честь выходных.

Иван покосился на календарь на стене. Пятница.

— Там же метет, да и замотался я за день. Давай завтра?

— Ну как всегда, больно ты там устал. Уж пройдешь квартал, не унесет ветром.

— Нет, давай все-таки завтра, — стоял на своем Иван.

— Ладно, только не вечером, окей? А то моя запряжет по магазинам ездить, день в трубу. Так хоть свалить успею.

— Я не против. Созвонимся.

— Отлично. Бай.

Иван разложил диван, застелил и лег. Голова, будто налитая свинцом и едва державшаяся на шее, продавила подушку и больше не поднималась. Жена еще некоторое время смотрела телевизор.

Глава 3

Субботнее утро на то и субботнее, чтобы наступать к полудню. Лишнее цели, в остальном оно мало чем отличается от обычного, буднего. Разве что завтрак не стоит готовым на столе — биологические часы жены довольно сильно рассинхронизированы с часами Ивана, и только работе удастся их кое-как соотнести. Созвонившись со Стасом, он договорился встретиться в кафе через пару кварталов. Градусник на заиндевевшем окне показывал минус пятнадцать — надо одеться теплее.

Улица предстала перед Иваном во всей своей зимней очаровательности. После сильного снегопада небо очистилось и ударил мороз. Шаги хрустели, от яркого вертикального солнца щипало глаза, нос почти сразу покраснел и начал барахлить. Окрестности были погружены в легкую задумчивость, отовсюду веяло ленью: автомобили, закиданные снегом, отдыхали от тяжелой трудовой недели, редкие люди неторопливо плелись, боясь поскользнуться, кошки, разморенные теплом, спали у теплотрассы, оставив без внимания шныряющих по тротуарам голубей, где-то вдалеке тархтел трактор, вычищая остаток двора. Центральная улица микрорайона была обильно посыпана реагентами, отчего тротуар покрылся грязно-коричневым месивом, прилипающим к подошвам.

Внутри кафе оказалось малоллюдно. Пахло мытыми полами и свежесваренным кофе. Иван занял столик глубоко внутри зала, ничего не заказывая. Прошло двадцать минут, Стас на горизонте не появлялся, а телефонные гудки, не находя адресата, улетали в пустоту. Можно было смело прийти позднее и ничего не потерять, но Иван решил, что коротать время здесь всяко лучше, чем дома. Чтобы не огорчать девушку-кассира, он заказал капучино с ореховым сиропом. Отпив треть стакана и протерев салфеткой рот, Иван увидел на входе знакомый силуэт.

Стас был одноклассником Ивана и по совместительству единственным человеком, с которым он продолжал поддерживать по-настоящему товарищеские отношения. В школе они понимали друг друга с полуслова, да и сейчас от этой сердечности кое-что осталось. Стаса вряд ли можно было назвать активистом или большим хулиганом, поэтому флегматичное начало Ивана легко находило с ним общую тональность.

— погоди, возьму чего-нибудь.

Стас доковылял, прихрамывая, до столика, поставил стакан пива и снял куртку, повесив ее на пустой стул.

— Ты чего хромаешь? — любопытствовал Иван.

— Да упал вчера и ногу подвернул, пока до машины шел. Болит — жуть, но хоть не сломал. Чего толку — песочницу по улицам разводят, только грязь одна.

— Хреново. Как же ты сюда-то дошел?

— На такси, как еще.

Иван почему-то живо представил себе падение своего друга, и это его немного позабавило. Стас был среднего роста, однако изрядно раздобревший, с начинающим закруляться брюхом и широким лицом, где нашлось место как паре подбородков, так и легкой россыпи подростковых прыщей. Полные люди обычно кажутся старше, чем есть, вот и Стас со своими мешками под глазами, первым признаком хронической усталости, походил на сорокалетнего, хотя было им с Иваном меньше тридцати. Трудился он в известной сотовой компании, дослужился до старшего сотрудника и зарабатывал по местным меркам очень неплохо.

— Как работа? Еще не закрылись? — спросил Стас.

— Да ничего, директор говорит, выкарабкаемся. Стали вот «Ладами» торговать...

— Кому они нужны, кто на них ездит вообще?

— Полно кто. На улице по сторонам посмотри, — заметил Иван.

— На гнилье старинном тоже ездят, показатель разве?

Хлебнув пены из бокала, Стас непроизвольно зажмурился от удовольствия. Белая окантовка обрисовала его рыхлый, широкий рот.

— Новая машина уж получше старой будет. И такие в кредит берут.

— Да уж раз так — взяли бы что-нибудь нормальное, — настаивал на своем Стас.

Повисла небольшая пауза. В кафе зашла молодая пара и села у окна. Через стойку кассы были видны только обернутые шарфами головы. Парень с девушкой о чем-то весело болтали, отголоски их разговора немного разбавили музыкальный шум, в котором угадывались звуки популярных песен.

— А у тебя что на работе? — из вежливости спросил Иван. На самом деле ему не было до этого никакого дела.

— Все хорошо. Сегодня «собеседовал» нового сотрудника.

— Подошел?

— Да нет, дурак дураком. Учился у нас в универе на заочке.

— На менеджменте?

— Вроде на туризме или на чем-то таком. Какая разница. Чему сейчас там научат...

— Можно подумать, нас научили, — заметил Иван. Стас это воспринял не столь однозначно.

— Как бы то ни было, все же нормально устроились. А то бы вагоны разгружали...

Ивану этот аргумент показался глупым, но оспаривать его не хотелось.

— Кстати, самое главное, что хотел сказать. Ты знаешь, что в следующую субботу будет? — спросил Стас.

— Нет. Что?

— Встреча выпускников. Мне Марина писала недавно, сказала сообщить всем, кого увижу.

— Так она же в начале февраля обычно.

— Это персональная, для нашего класса. Вроде как подготовка основательная, соберутся чуть ли не все: Свидлов, Леха Порывалов, Лось даже обещался, Диман Елисеев, Танька Семенова...

— Она ж Ежова теперь, — поправил друга Иван.

— Уж развелась давно. В общем, все, кто ни разу не появлялся. Даже Олеська со своим этим приедет, ну, ты понял.

— Из Америки?

— Да. Только не знаю, или он ее одну не пускает, или она сама его как экспонат хочет приволоочь, — предположил Стас.

— Так чего Марина мне не написала, если даже в Штаты умудрилась достучаться?

— У тебя профиль ведь сменился? Не нашла, наверное.

— Ничего у меня не менялось...

Стас уже добил остатки пива и бесцельно крутил бокал толстыми пальцами. Иван же умел растягивать кофе надолго.

— Давай не пойдем, нечего там делать, — предложил Иван.

— Дата круглая, десять лет как-никак. Неудобно будет не прийти. Да и посмотрим, кто кем стал. Интересно же.

— Не очень. Всех, кого хотел бы, я и так могу увидеть. Начнется это хвастовство, сколько у кого квартир, машин, детей...

— Подумаешь. Все же не чужие люди, учились вместе одиннадцать лет.

— Ты сам-то чего рвешься? Пузом своим потрясти и процентом по ипотеке?

— Ну почему, фотки сына покажу. Пусть мини-Стаса заценят.

Ивана раздражали даже мысли о встрече с одноклассниками. Но фраза про мини-Стаса смогла разжечь его еще сильнее, хотя он и старался быть спокойным.

— Это все чушь. Вспомни, как на второй годовщине было: кучка балаболов обсуждала на весь класс, как они оценки исправляли и курить бегали, а остальные сидели тухлые и затирали часы. Никому дела нет. А это два года всего!

— Ты слишком негативно настроен. Все равно я тебя уговорю, а нет — так в машину затолкаю и привезу. И хрен ты от меня оторвешься. Я Марине обещал.

— Сдалась тебе эта Марина. Что, забыл уже, как она тебе в рожу плюнула?

— Не было такого, — утвердительно заявил Стас и покраснел. Неясно только, это пиво разогнало кровь или Иван знал, за какие ниточки дергать.

— Ну, я образно. Отшила тебя перед всеми, а ты даже не понял.

— Она о другом говорила...

— Да все потом обсуждали. Я, конечно, понимаю, что плохое свойственно забывать, все дела, но и нечего ей потакать. Подумаешь, Марина сказала.

Иван почувствовал, что его начало заносить, и решил сбавить обороты.

— Но ведь написала... — зачем-то сказал Стас.

— Короче, мне эта затея не нравится, вот. Делай что хочешь, — отрезал Иван.

— Хочу еще пива. Чего ты свое кофе сосешь, как хипстер. Пошли по бокальчику зацепим.

— Еще чего.

— Ты просто нормального пива не пил. Сейчас все будет.

Стас зачем-то взял свой бокал и пошел к кассе. Довольный, он вернулся с пополнением и поставил на стол две тары с пенным напитком. В одном бокале было какое-то темное, плотное пиво, а Ивану предназначалось светлое, но выглядело оно жидким и почти бесцветным. Попробовав пару глотков и решив, что не все так плохо, Иван откинулся на спинку кресла и расслабился. Они еще долго о чем-то говорили.

Глава 4

Воскресенье в семье Ивана было особым днем. Нет, конечно, любой выходной всегда ожидаем и радостен. Вот только не все его проводят, как Иван. Если поставить его перед выбором: выйти на полную смену работать или провести полдня так, как сложилось у них в семье, то он поразмышляет совсем недолго, а затем выберет совсем не то, о чем можно подумать.

Каждое воскресенье Иван вынужден видаться со своей тещей и целой свитой родственников жены, что само по себе напрягает, дабы отстоять воскресную службу, что напрягает еще сильнее. Местом действия для этого обряда служит недавно отреставрированный храм. Вокруг него запрещено было строить высотные здания, поэтому этот массивный памятник русского классицизма восседал в центре города, занимая вместе с парковой зоной пространство небольшого стадиона. Для тещи хождение по святым местам было возведено в ранг навязчивой идеи. Каждый год она путешествовала по стране и обивала челом пороги самых разных церквей и соборов, как свежестроенных, так и полуразваленных, хотя была женщиной, в общем-то, не старой.

Во время первого знакомства с семьей невесты Иван не заподозрил ничего странного. Подумаешь, иконы в комнатах висели — у кого их нет? Ну что с того, что подшивки «Благовеста» лежали стопкой на самом видном месте? Никаких неудобных вопросов ему не задавали, и ладно. Тем более жена не выглядела человеком воцерковленным и всячески подтверждала это своими деяниями, что Ивана очень даже устраивало. Но стоило появиться печати в паспорте, как в контрольный список

внесли новое имя. Конечно, от зятя с дочерью не требовалось полного послушания, но четыре раза в месяц являться на службу быстро превратилось в обязанность, не требующую уточнений. Что происходило бы в случае неявки, Иван не знал, но догадывался: теща была не сказать что-бы крикливой, но очень уж словоохотливой, постоянно причитающей без повода.

Обычно в храмах службы совершаются до четырех раз в день — для максимально широкого охвата аудитории. Какой же тогда был смысл обязательно приезжать к утренней, начинающейся в семь? Вставать с первыми петухами, в состоянии аффекта от недосыпа ехать по мрачным зимним улицам, едва отличая светофоры от вывесок магазинов, и затем стоять в переполненном зале, вдыхая пары парафина с ладаном?

Можно предположить, что священники действенные молитвы и проповеди читают только в первый раз, пока они еще в настроении, а к концу дня устают и их слова уже не способны транслировать все те благие пожелания, которые Господь направляет своим почитателям. В таком случае, думал Иван, надо приходиться хотя бы ко второй службе, потому что в существование людей, способных столь рано быть бодрыми и читать на протяжении полутора часов церковнославянский манускрипт, он не верил. Однако же такие люди всегда находились, что вызывало у Ивана неподдельное удивление.

Подъехав к шлагбауму парковки при храме и взяв из аппарата чек, Иван нашел ближайшее ко входу место и остановился. Площадка была практически пустой, и Иван всегда радовался за тех, кто в законный выходной мог распоряжаться своим временем. К слову, временем могла распоряжаться и его жена, предпочитавшая дремать в пути, пока рулем орудует редко допускаемый к нему муж. Постепенно светало. У большой деревянной двери, отделанной витиеватыми резными узорами, уже столпились как незнакомые, так и вполне свои.

— Привет, мам, баб, тетя Валь, Клавдия Семеновна, — произнесла жена без особого энтузиазма. На службу всегда являлась ведомая тещей целая делегация пожилых родственников. Иван называл их так для простоты. Последние две вроде бы были соседками и никакого отношения к семье не имели, однако он так и не решался узнать это наверняка, чтобы никого не смутить или, не дай боже, обидеть.

— Здравствуй, доченька, — ответили чуть ли не хором все перечисленные.

— С добрым утром, Иван, — сказала высокая женщина в дымчатом пальто до колен, высоких сапогах и красном шарфе.

— Здравствуйте, Светлана Евгеньевна, — произнес Иван.

Светлана Евгеньевна и была его тещей.

— Скоро там? Холодно стоять, — поинтересовалась жена.

— Скоро, скоро, доченька, — ответил кто-то из толпы.

Дело в том, что до начала службы в храм почему-то никого не пускали, и прихожане вынуждены были даже зимой торчать у двери, ожидая приглашения. Снег уже давно не шел, дворник вяло, без охоты шаркал лопатой по мощеному тротуару. Пара цыганят в распахнутых куртках и водолазках навывпуск крутились возле него.

— Как у вас дела? Как работа? — поинтересовалась Светлана Евгеньевна у супругов, смотря, однако, на Ивана. С дочерью она и так периодически созванивалась.

— Нормально.

— Закрываются не будете?

— Нет, все идет в гору.

— Это прекрасно, — произнесла она, не спуская глаз с зятя.

В пятнадцать минут восьмого дверь отворилась, и порог храма переступили немногочисленные подмерзшие прихожане. Началась служба. Священник в нарядном золотистом облачении, над черной бородой которого под определенным углом и при должном внимании можно было разглядеть сравнительно молодое лицо, стал перед алтарем и начал свою работу. Иван мало что понимал из речей этого человека — не столько потому, что был сонный, сколько из-за общей труднодоступности языка. Тот странный случай, когда слова по отдельности вроде бы ясны, но вместе никак не стыкуются, оставаясь тарбарщиной.

Попав сюда впервые и увидев эти сосредоточенные и внимающие каждому звуку лица, Иван чувствовал себя идиотом и неучем, так как думал, что он один ничего не понимает. Однако постепенно к нему стали снисходить тайны сего действия. Выяснилось, что понимать ничего не нужно, дело совсем в другом — нужно верить. Верить и креститься каждый раз, как все это делают, то есть стабильно после фразы «Господи, помилуй!» и далее по обстоятельствам. Дело это оказалось нехитрым, и Иван быстро освоился, производя благое впечатление на приставучих старух, которые раньше постоянно его поправляли.

— Сынок, неправильно крестишься. Надо справа налево, а ты что? Неужель тебя мать с отцом не научили?

— Научили, позабыл, — отмахивался Иван, стараясь не быть грубым.

— Э-эх, что за молодежь, — досадовала старуха. — Ну-ка, посмотри на меня... Не те глаза, веры в них нет... ты крещеный хоть?

— Крещеный. Как же нет, может, плохо видно? — находил силы ехидничать Иван.

— Мне все видно, сынок. Я сюда ходила знашь скока, во время войны даже ходила. Когда тут склад был продуктовый. Стояла у дверей и молилась. Опыта у меня, у-у, много, — старуха как-то странно посмотрела на Ивана, — взгляд у тебя печальный, тяжелый, — и мелкой поступью продвинулась вглубь зала.

Иван встречал ее на протяжении целого года, а потом она куда-то пропала. Но на ее месте мог быть кто угодно: готовых давать дельные советы и оценивать степень верования беглым взглядом в храмах всегда достаточно, словно это и не храм вовсе, а почта или троллейбус.

Стоя на протяжении часа-двух на месте и слушая возвышенные речи, Иван иногда размышлял о вере. Вот он окружен верующими людьми, они приходят сюда целенаправленно для получения благословения, для отпущения грехов, заказывают молитвы за здоровье и упокой — делают это осознанно. Существуют люди неверующие, атеисты, которые принципиально считают все тут происходящее нелепым цирком и не хотят даже слышать о нем, не то что участвовать. Но есть третий тип людей, которые вроде бы выстаивают на месте в свой положенный выходной день два часа, покладисто крестятся, демонстрируют сосредоточенные гримасы, но при этом не могут до конца определиться, верят они или нет. Что если ему, Ивану, не хочется отвечать на этот сложный, фундаментальный вопрос? Считается ли тогда грехом его нахождение среди верующих?

Иван никогда не видел, чтобы какие-нибудь старухи подходили к Светлане Евгеньевне и смотрели ей в глаза. Он связывал это с тем, что к ней уж точно относились как к своей, раз она так часто здесь бывала. Однако Иван пробовал краем глаза посмотреть на тещино лицо и понять, по каким же критериям может быть считана эта вера. Ничего особенного, усталое вытянутое лицо, довольно худое, со впалыми щеками и острыми гранями носа, что делало ее некрасивее, но моложе. Сложно было судить, верит она или нет, но, если бы не верила, тогда зачем тратить столько времени на все эти поездки, на постоянные походы по храмам и молитвы? Только если ее зацепила эта культура с эстетической стороны или же дома с мужем было элементарно скучно.

Это место, действительно, имело свой шарм. Отделка золотом, расписные потолки, образа в резных рамах, лампы, свечи, попы в рясах, пение хора — здесь было что полюбить и чем любоваться. Конечно, если не видишь это в сотый раз...

Служба закончилась, и народ постепенно потянулся к выходу. У дверей, как обычно, дежурила группа попрошак. Они стояли вдоль стены, укутанные во что попало, в ногах у кого-то лежала мятая коробка от бигмака для сбора мелочи. И лишь двое цыганят ходили промеж людей с протянутыми руками, кланчили деньги.

— Иван, — теща взяла его за рукав, — давай пройдемся? Вот тут, по парку.

— Холодно ведь, — вполне справедливо заметил Иван.

— Ничего, не заболеем.

Теща взяла зятя за руку и отвела в сторону. Жена печально посмотрела на них, попрощалась со сворой родственников и пошла греться в машину. Иван знал, о чем будет разговор. «Я, конечно, понимаю, что

это, может быть, не мое дело, но всё же...» — примерно так начинался каждый разговор-совет, разговор-напутствие. Долгий разговор.

— Я, конечно, понимаю, что, может быть, это и не мое дело, но позволь поинтересоваться. Как у вас с моей дочерью дела на... этом фронте?

— Ну... в смысле, нормально, — стушевался Иван. Этот вопрос постоянно фигурировал в ее дискурсе, но он все равно не мог не вздрогнуть. Зимой это сошло за естественную реакцию организма, хотя, в сущности, было в этом дергании что-то невротическое.

— Нормально — это как? Вы взрослые люди, пять лет живете вместе, а детей не родили?

— Разве стоит это снова обсуждать?

— Ты знаешь, дорогой мой, мне кажется, стоит... Ты любишь мою дочь? — начала Светлана Евгеньевна, как всегда, в лоб.

— Раз женился, значит, люблю.

— Ребенок — это ведь не что иное, как плод любви. Он создает семью. Нет ребенка, нет и семьи.

— Много семей живет прекрасно и без детей. Я не вижу смысла торопить события.

— Ты просто не знаешь, какое это счастье, ты не познал радости отцовства. А годы бегут, оглянуться не успеешь... Девушкам сложнее эти дела даются с возрастом...

— Наверное, вам это лучше обсудить с дочерью, — посоветовал Иван.

— Твоя главная жизненная функция — продолжение рода. На то ты и мужчина. Иначе и быть не может, — Светлана Евгеньевна начала повышать голос.

— Знаете, я думаю, мы все-таки сами в состоянии решить такие вопросы.

— Поэтому я и провожу эту разъяснительную беседу, пытаюсь донести до тебя какие-то прописные истины, которые твоими родителями, может, были упущены.

— Я не вижу здесь прописных истин. Всему свое время.

— Если женщина живет с мужчиной столько лет и не имеет детей, то это вызывает подозрение. Ты хочешь идти против природы, а так делать нельзя. Вы же ходите в церковь. Люди смотрят. Неужели не стыдно?

— Мы сюда ходим, потому что вы так хотите. На лбу у нас не написано.

— Моя дочь православная девушка, ты тоже крест носишь. Вам надо молиться Господу, чтобы ребенка послал. Я давала ей молитвенник, вы читаете его на ночь?

— Да, — соврал Иван. Прозвучало неубедительно.

— Врешь ведь, ничего вы не читаете. Я за вас каждый вечер это делаю, но результатов нет. Так дело не пойдет, Ванечка, надо что-то решать.

— Я уже сказал все, что думаю.

— Пойми меня, я женщина и хочу при жизни увидеть, как растут мои внуки. Ты не только себя лишаешь счастья, ты нас с Павлом Максимовичем внуками обделяешь и своих родителей тоже.

— Мои родители терпеливые, — огрызнулся Иван.

— Еще бы, я не сомневалась... Ты в больнице когда последний раз проверялся? Может, у тебя есть какие-то проблемы и ты их скрываешь? А, Вань? Сказал бы сразу, мы люди понимающие. Знаю одного игумена, который...

— Все у меня в порядке. Извините, Светлана Евгеньевна, давайте этот разговор прекратим.

— Прекратим мы его только в одном случае. А так — только отложим. Хорошо, не буду тебя задерживать, у нас скоро автобус придет.

— До свидания, — отрезал Иван и быстро пошел на парковку.

— Господь с тобою, Ванечка, — теща перекрестила спину уходящего зятя, вернулась к старухам, и они ушли вглубь парка, к остановке.

Жена сидела за рулем. Иван завалился на пассажирское кресло, пристегнулся и стал отогревать руки.

— Быстро ты отделался, — заметила жена.

— Ну да, старался...

На обратном пути они почти не говорили. Жена никогда не показывала своего отношения к вопросу деторождения и занимала позицию нейтрального согласия: если что, я не против, но если нет, то и ладно. Однако Иван понимал, что продолжаться вечно это не может и что чаша весов должна куда-нибудь склониться, ведь явно разговоры об этом велись на оба фронта и часто. Все равно, будь что будет.

Глава 5

Жизнь шла своим чередом. Зима давала слабину, но в схватке с теплой погодой еще находила силы сопротивляться. Несколько раз табло за окном показывало счет их противостояния равным нулю, отчего по улицам вмиг начинали течь мутные реки снежной грязи, с крыш и козырьков раздражающе капало, обманутые птицы заводили преждевременные песнопения, а выйти в магазин, не испачкав штаны и не промочив ноги, считалось редкой удачей.

Незаметно подошел момент платежа по кредиту. Деньги были заранее отложены, дабы не сеять соблазн их растратить. Ивану лишь требовалось пойти в банк и отдать, оторвать от сердца кровно заработанные купюры. Иван утешал себя тем, что есть люди, которые вынуждены отдавать куда больше и дольше, — на фоне ипотечной кабалы Стаса покупка иномарки тянула на легкомысленную шалость.

Да, хоть в чем-то Ивану повезло — квартира, в которой они живут, всецело принадлежала им и была подарком на свадьбу. Своеобразным...

Это была квартира бабки жены по отцу, которая как-то очень вовремя померла прямо перед свадьбой, и, решив разбавить грусть, родители невесты торжественно передали ее молодоженам. Правильно люди говорят: нет худа без добра. Вот только за все эти годы до нормального ремонта дело так и не дошло, отчего однокомнатная хрущевка продолжала хранить в себе ароматы и предметы далекого прошлого.

Проблема, впрочем, была не в платеже, а в дате, что следовала сразу за ним. День рождения жены был совсем близко, и что-то Ивану подсказывало, что затея с духами, на которую он так надеялся, не срабатает.

Иван легко понимал намеки. Как-то вечером, крутясь по комнате, жена ковырялась в телефоне.

— Хватит! Сколько можно, — сказала она и швырнула его на диван.

— Чего это ты? — удивился Иван.

— Да надоел глюками своими. Старый хлам.

Телефон, действительно, был не самый навороченный, но доселе жена не была замечена в пренебрежительном отношении к предметам обихода. Более того, свои немногочисленные функции он выполнял и поэтому особого гнева никогда не вызывал.

— Разобьешь еще, нечего швырять.

— Да и пусть. Не жалко, — заявила жена, добавив: — И вообще Android говно.

Иван все понял. Не ясна была лишь степень тяжести грядущей проблемы. До определенной поры.

— Знаешь, Вань, Настя с айфоном теперь ходит, — сообщила как-то жена, сидя на кухне.

— С каким? — спросил Иван. Кто такая Настя, он тоже понятия не имел, но об этом решил не спрашивать.

— С новым. Ну, где экран один только, кнопок совсем нет. А разблокировать его можно лицом. Такие деньги за телефон отдать... И на столе ведь не оставишь. Ну не дура?

— Дура, — согласился Иван.

— Вот и девчонки говорят, что дура. Могла бы не выпендриваться и восьмой купить. Хотя чего ей, она, что ли, купила...

— Это с работы? — все же поинтересовался для отчетности Иван, видя, что разговор надо как-то развивать.

— Кто? А, ну да, я же рассказывала. Настя, которую взяли недавно. Хотя как недавно, уж с полгода. Мы еще удивлялись, чего ей при таком мужике упакованном здесь работать. Пристроили хоть куда, наверное...

Опасаясь услышать что-то запредельное, Иван все-таки решился узнать:

— Дорого — это сколько?

— Сто тысяч, — жена увидела, как искривилось лицо Ивана, и поспешила добавить: — Но это бред. Только тупые мажорки их берут.

А вот «восьмерку» можно купить за шестьдесят. Да, там будет памяти меньше, но кто увидит...

За эту сумму можно было купить не только «восьмерку», но «девятку», «десятку» или старенькую иномарку. Иван догадывался, что овес нынче дорог, но чтобы так... Неужели люди столько зарабатывают? Жена определенно намекала ему на айфон, вот только потянуть он такой подарок не мог никак. В иной ситуации Иван пропустил бы это мимо ушей и купил духи за три тысячи, но, учитывая повышенное внимание тещи к их отношениям, надо было всеми силами продолжать подпитывать нейтралитет жены. И это был весомый аргумент.

Где взять такую сумму? Свободных денег наскребалось едва ли тысяч пятнадцать, а телефон нужен позарез. Проконсультировавшись с интернетом, Иван нашел прайс-лист, в котором были и куда более привлекательные суммы. Например, точно так же выглядящий айфон семь оценили в сорок тысяч. В чем разница? Надо узнать мнение экспертов.

В обеденный перерыв в автосалоне Иван подошел к столам кредитного отдела и заговорил с девушкой, лучше всех ему знакомой.

— Слушай, Катя, какой у тебя телефон? — поинтересовался он.

— Хм, айфон, а что? — подозрительным взглядом посмотрела Катя.

— Модель?

— Пять эс...

— Вот представим, что ты очень хочешь восьмой. А тебе вместо этого дарят седьмой. Какова твоя реакция?

— Вань, ты дурак, что ли? Ты мне собрался айфон дарить? — недоуменно спросила Катя.

— Да ты при чем? Ответь на вопрос.

— Ну, радость, вау-вау. Какая еще может быть реакция?

— Но ведь седьмой — не восьмой...

— И? Главное, не шестой... Так ты что, жене подарить хочешь?

— Вроде того.

— Ого как. Это твоя инициатива или тонкий намек?

Иван несколько призадумался.

— Моя. Хочется приятное сделать.

— Молодец. Правильно научился чувствовать женскую натуру.

Иван собрался уже было дальше идти ничего не делая, но все-таки уточнил:

— А почему не шестой?

— Да будет глючить. Старый хлам.

Жаль. Шестой был вариантом куда более реальным. После работы решил набрать Стаса, чтобы поинтересоваться о вероятности получения займа.

— Не, братан, столько нет. У меня бабло вмиг разлетается: то комбинезончик купить, то игрушки, памперсы видел бы сколько стоят... Плюс ипотека, сам знаешь. Баба моя еще какую-то кроватку модную присмо-

трела, хрен отвяжется теперь. А тебе куда? Жене снова побрякушки выбираешь?

— Да вот рассматриваю варианты...

— Подешевле не нашел ничего?

— Надо, чтобы понравилось. В этот раз особенно.

— Ну ты какого-то совсем из себя муженька строишь... Могу тысяч десять дать, устроит?

Еще бы. Однако это была не вся сумма, и надо где-то раздобыть оставшуюся. Обидно порой, что время так несговорчиво и его не подкупить. Пришлось пойти на крайние меры.

Иван редко что-то просил у родителей, потому что взять с них особо нечего. Если бы они, скажем, были бизнесмены или депутаты какие, то сам бог велел, но что-то не срослось. Жили на отшибе в двухэтажном доме барачного типа, куда ехать приходилось до конечной и еще пешком минут двадцать. Дом, конечно, старый, но в сравнении с другими ухаженный. Сносить его тут никто не собирался, поэтому выкручивались как могли. Раньше клозет был общим — на улице, а баня — через квартал, у бумажного комбината, но в период сытой стабильности кое-что удалось благоустроить, и теперь удобства переместились внутрь.

Мать Ивана работала в школе учителем математики, гордилась своей профессией и на жизнь особо не жаловалась. Отец же прямым текстом называл себя человеком потерянным, жертвой эпохи обмана и свержения идеалов. В общем, отгораживал себя от упреков и порицаний, чтобы спокойно пить и всегда находить этому оправдание. Пил он всегда, сколько Иван себя помнил, и пока это не вредило работе, сходило с рук. Тем более трудиться в ЖЭКе трезвым тяжело — опрокинуть стопку для нормальных отношений с сотоварищами было обязательным условием.

Добравшись до родного дома и зажав три знакомые кнопки на кодовом замке, Иван вошел в подъезд и оказался у нужной квартиры. Темнело.

— А, привет, Ваня. Почему не позвонил? Я бы приготовила чего, — устало сказала мать.

— Да ладно, я ненадолго.

Иван зашел в зал. Квартира была небольшой, с двумя комнатами. От одной из них откусили половину в пользу кухни, у другой забаррикадировали угол для уборной. Каждый свободный метр пространства был заставлен какими-то тумбочками, швейной машинкой, никогда не работавшим торшером без лампочки — в общем, всем тем, что давно пора выбросить, но жалко. Старый лакированный стол у окна освещался маленькой настольной лампой и был завален учебниками, тетрадами и всякой канцтоварщиной.

— Домашку проверяешь?

— Как всегда. И контрольные. Садись, чего встал.

Иван сел на диван.

— Чай будешь?

— Да нет, не хочу. Жарко что-то...

— Ну смотри, — сказала мать и вернулась к проверке тетрадей. — Как дела?

— Нормально. А вы как?

— Живем вроде... На работе наладилось?

— Более-менее.

Наступила пора молчания. Настенные часы «Янтарь» нудно шелкали над головой. Иван водил глазами по корешкам книг, которыми была заставлена вся стенка. Никто к ним давно не прикасался.

— На службы ходите? — поинтересовалась мать.

— Куда деваться, ходим.

— Ну, может, оно и к лучшему. Я сама бы с радостью для разнообразия, да ездить больно далеко. А Светлане этой позвонишь — она говорит: мы сами на автобусе, куда деваться. Что, правда так? Муж не возит их?

— Он на рыбалке, наверное, или где-то еще. Я давно его не видел... А наш отец где?

— Отец-то? Да шут его знает, — мать отодвинула штору, поправила очки и посмотрела в окно, — в гараже с мужиками вон, раз свет горит. Там у Пальча юбилей, это теперь долгая песня.

— У моей тоже послезавтра. — Иван обрадовался такому простому способу перевести разговор к делу.

— Хмм. Эти дома собирать будут? — поинтересовалась мать.

— Вроде. Вас не звали?

— Нет, и ладно. Мне надеть нечего... Дарить что решил?

— Да как всегда. Браслет один присмотрел...

— Снова за пятнадцать тысяч?

— Ну как сказать. Побольше...

Мать оторвала взгляд от тетрадей, опустила очки и как-то злобно посмотрела.

— Так ты для этого сюда пришел?

— Нет, нет...

— Ну ты и нахал, Ваня, — резко заговорила мать. — У тебя зарплата какая? Не стыдно?

— Только кредит заплатил... — попытался дать заднюю Иван.

— Зачем было тогда брать эту машину, чтобы зубы на полку?

— Чего ты начала. Я не прошу ничего.

— Да знаю я тебя. Можно подумать, ты часто навещаешь нас просто так.

— Не хочешь — не давай, — огрызнулся Иван.

— Куда я денусь-то. Ты тоже меня знаешь, иначе бы не пришел, — мать вдруг заговорила обычным тоном, даже в чем-то снисходительным. — Сколько?

— Сколько не жалко...

— Это не ответ, — мать подошла к серванту. За стеклянной дверцей стояла резная шкатулка с узорчатой крышкой. Она поставила ее на стол, открыла и стала считать.

— Четыре, шесть, восемь... Хватит?

— Ну-у...

— Точно нахал, — ухмыльнулась мать, но уже не злобно, — двенадцать, четырнадцать... Больше не дам — это последняя заначка, за дополнительные уроки. Сейчас с этим туго — в школе нельзя заниматься, а через сайты эти ваши я не умею.

В коридоре послышался шум. Дверь открылась, и кто-то, не разуваясь, протопал на кухню, открыл буфет...

— Эй, мать! Ты куда бокалы с ножкой дела? — послышался голос отца.

Мать спрятала купюры под тетрадки, а шкатулку поставила за шторы на подоконник.

— Какие бокалы? — недоуменно спросила она.

— Которые нам на свадьбу дарили, — пробубнил отец и объявился в дверном проеме. — О, какие люди. Иван, подь сюды.

— С какой стати им на кухне быть?

Иван нехотя встал и вошел на кухню. Отец обхватил его рукой за плечи. От него несло водкой.

— Сын, найди мне один бокал. Срочное поручение.

— Зачем он тебе? — сердито спросила мать.

— Палыч будет из него за здоровье пить, в честь своего... так сказать... юбилея.

— Это хрусталь, дубина. Вы же разобьете.

— Ты че, хорошему человеку стекляшку заглобила? — отец посмотрел сквозь Ивана на стену. — Значит, за тебя не будут пить.

— Да ладно, батя, реально ведь разобьете, — сказал Иван.

— Ну и ты туда же. Вырастил на свою голову. Ничего не будет вашему стакану. Ма-ать!

Мать в это время уже выгащила из серванта один бокал.

— Вот только попробуй разбить!

— Верну целым и невредимым. Вань, пойдем, за дядь Палыча тоже выпьешь. Одевайся, — шатаясь, предложил отец и пнул стоящие в проходе ботинки Ивана.

— Нет уж, сами пейте.

— Еще ребенка надоумь с вами, алкашами, тусоваться, — выпалила мать.

— Ла-адно. Не буду, — отец выбрался в коридор. Затем приоткрыл дверь и засунул в проем почти вишневое лицо. — А за тебя вот все равно выпью, Вань!

Иван с матерью вернулись в комнату.

— Держи. Повезло тебе, что он такой сегодня, — узнает, визжать будет поросенком.

— Спасибо.

— Давай, купи что-нибудь действительно хорошее, — сказала напутственные слова мать, улыбнулась и аккуратно прикрыла входную дверь.

Иван вышел из подъезда и пошел в сторону остановки. Из гаражных рядов доносились громкие речи, играло радио «Дорожное» и цокала поезда. Уже стемнело.

Глава 6

«Шевроле-круз» бодро летел по проспекту. Назойливое солнце приходилось гасить козырьками, хотя сегодня был редкий день, когда эта яркая, игривая погода, напоминающая о скорой весне, могла найти отклик в окоченевшем от месяцев мороза нутре. Машина нырнула в правый ряд для маневра, в лобовом стекле нарисовалась филейная часть грузовой «газели», разгружаемой каким-то мужиком в синей спецовке. Жена мягко осадил машину, щелкнула рычажком поворотника и стала внимательно вглядываться в зеркало. Серебристая «семерка» остановилась и моргнула фарами — «круз» аккуратно вырулил на вторую полосу и продолжил движение. Иван протянул руку к кнопке аварийки и ткнул, подержав пару секунд. Из подстаканника заиграла мелодия. Жена на ощупь, довольно неуклюже схватила телефон и поднесла его к уху. На обратной стороне корпуса красовалось надкусанное яблоко.

— Да, мам, мы почти на месте.

Машина свернула в переулок, прошелестела в арку и оказалась во дворе многоэтажки брежневского времени...

За накрытым столом в центре комнаты сидело много человек. Были это как родственники жены, так и все те же соседки: тетя Валя и Клавдия Семеновна. Они рассказывали какие-то неуместные истории из детства именинницы, хихикали, перебивали друг друга, не забывая обновлять тарелки салатами. Удивительно быстро действовала на них настойка. Бабка помнила куда меньше историй и не решалась с ними соревноваться, а просто ела, пила и иногда отстаивала честь внучки.

— Не было такого!

— Ну ты скажешь, весь двор видел, как они с Витькой в кусты бегали, — торжественно заявила тетя Валя. Ее широкое лицо искривилось в улыбке.

— Мы в прятки играли, и не с Витькой, а со всеми. В школу даже не ходили еще, какие кусты, тетя Валь, — решила оправдаться жена.

— Правильно, дочка. Перед мужем неудобно, — усмехнулась Клавдия Семеновна, медлительно вытирая рот рукой и причмокивая. Все щелкнули взглядом по Ивану.

Но Ивана эти рассказы не задевали. Не имея желания больше смотреть на эти рожи, он нашел удобную точку на стене — гвоздик от когда-то висевшей там картины — и отстраненно разглядывал его, изредка отпивая из стакана апельсиновый сок. Вошла теща и внесла целую кастрюлю мятой картошки с котлетами по-киевски. На время говорливые соседки оказались заняты, так что стол притих, оголяя приглушенный шум телевизора. Долго это продолжаться не могло.

— Тост!

Тонкий мужчина с седыми усами аккуратно приподнялся, отодвинув стул и зацепив скатерть. Женщина, с которой он пришел и сидел рядом, машинально поправила скатерть и отодвинула тарелку подальше от края.

— Дорогая моя! В этот прекрасный день я хочу поздравить тебя... с твоим днем. Ты еще такая молодая, но уже не такая, как была пару лет назад...

— Ну-у, загнул!

— Скажешь тоже!

— Самый лучший возраст, — слышались наперебой голоса и смешки.

— Не перебивайте! Мы все не молодеем, чего тут такого? Так вот. Раз у вас все есть, желаю обзавестись... самым главным. Не тратьте время зря!

— Ура!

— Хорошо сказал!

— Выпьем! — рюмки и бокалы взмыли вверх. Иван допил сок и больше не наливал.

— Отец чего молчит? Давай, папашка, не отсиживайся, — подала голос из-за края стола неприметная сухая старуха, вызывающе накрашенная, с красными губами и фиолетовыми волосами. Она не выпускала бокал из рук. Видимо, это была родственница тестя, потому что Иван никак не мог ее узнать за тонной грима.

Тесть встал и какое-то время просто стоял, конструируя речь.

— Доченька! Хотелось бы присоединиться к поздравлениям твоего дяди... моего брата... мы старались тебя обеспечить и образованием, и работой, и воспитать как следует. Все у вас с Иваном есть... так пора подарить и нам, старикам, маленькую радость...

— Внуков давайте! — крикнула тетя Валя. Стол мгновенно отреагировал.

— Правильно!

— Выпьем!

— А у них что, детей нет? — слышался недоуменный вопрос откуда-то.

Тесть немного потерялся, не ожидая, что его оборвут на самом важном.

Все дружно выпили. Начали задавать неудобные вопросы. Иван отговаривался какими-то глупыми фразами. Жена по большей части невинно улыбалась и молчала. Иван тыкал вилкой в одноразовую салфетку, желая разругать ее пополам. Не получилось.

Наконец кто-то нащупал новую тему для разговора, и о внуках забыли. Постепенно начались хмельные споры о прошлом, о работе, о стране. Динамика дискуссии то снижалась до бубнежа, то резко взрывалась чьим-то воплем.

— Да что ты врешь! Я и в Чехословакию ездила по путевке, и в Таллин, и в ГДР... Как откуда? С завода выдавали, — оживилась родственница с фиолетовыми волосами.

— И кем вы там работали? Уж не гайки явно крутили, — парировала Клавдия Семеновна.

— Было время, и гайки крутила, и ящики таскала.

— Я на комбинате фасовщицей отработала тридцать лет и что-то никуда не ездила, — впряглась в разговор бабка.

— Плохо фасовала, значит. Кто хотел — те ездили. Нечего говорить, что нельзя было, — не унималась родственница.

Тетя Валя на удивление не вступала в полемику и как-то потерянно соскабливала с тарелки остатки еды, попивая из бокала шампанское. В этих разговорах ей не было места, поэтому она решила сменить повестку другим способом и распустила душу:

— Огней так мно-ого зо-олоты-ых...

— На улица-ах Сара-атова, — подхватила Клавдия Семеновна.

— Парней так много холосты-ых....

Стол, как это обычно бывает после тостов и болтовни за жизнь, запел. Жена, давно сидевшая в айфоне, раздраженно оглядела родственников и ушла на кухню. Тесть сидел грустный, жевал пирог. Затем он перевел взгляд на Ивана и стал показывать ему на дверь в другую комнату.

— Вань, давай с тобой... серьезно поговорим, — начал тесть, закрыв дверь, — как мужик с мужиком.

В комнате было темно, и только где-то за окном торчал фонарь.

— О чем?

— О том! А то не знаешь. Почему у вас нет детей?

— Да сколько можно, Павел Максимович! Нет — и нет, — отрезал Иван и нажал на выключатель. Комнату озарил яркий свет.

— Ты что, импотент?

— Это уже оскорбление!

— Я не знаю, как еще это объяснить. Мы дочь родили сразу после свадьбы, а вы пять лет живете вхолостую.

— Что, ребенок — это какой-то показатель?

— Да. Да! Вы нормальные люди, живете в нормальном обществе. Тут так принято. Мужчина — отец, женщина — мать. Это закон природы.

— Доисторический закон. Мы в двадцать первом веке, и тут каждый сам решает, что он хочет и когда.

Тесть тяжело дышал, его глаза не могли сфокусироваться и беспорядочно металась по комнате. Он был на голову ниже Ивана.

— В нашей семье у всех были дети! Поэтому с тех пор, как ты часть семьи, на тебе ответственность... за продолжение рода.

— Почему вы всегда лезете не в свое дело?

— Это наше дело! Мы родители и хотим, чтобы наша дочь была счастлива, чтобы люди на нее не смотрели искоса, — тесть завелся и говорил отрывисто, точно задыхаясь.

— Кто на нее смотрит искоса? Вы о чем вообще?

— Светлана говорит, что весь приход церковный бубнит: нет детей, как же так, не по-христиански. Побойся Бога, Ваня!

— Болтать не нужно, вот и все. Да и что-то я давненько вас в воскресенье не видел.

— Потому что я занят.

— Рыбалкой? Не боитесь Бога?

— Я свою главную функцию выполнил. А ты против природы прешь...

Иван вышел из комнаты и снова сел за стол. Тесть пошел курить на лестничную площадку. Гости продолжали горланить песни — в меру своих вокальных способностей. Теща принесла десерт — яблочный пирог собственного изготовления. По его аккуратно закругленным краям и равномерно пропеченной корочке видно было, что сделан он с душой. Но никто особого энтузиазма не проявил — предыдущих блюд было с лихвой. Однако для порядка целостность пирога все же нарушили и у каждого на отдельной тарелке лежало по куску.

Музыкальная пауза сошла на нет — все наконец устали, но расходиться не торопились. Родственница тестя с фиолетовыми волосами переместилась на диван и задремала. По телевизору начинался очередной выпуск новостей, дядька стал искать пульт, чтобы прибавить громкость. Гости уставились в экран.

Пора идти. Попрощавшись со всеми и извинившись, что дольше оставаться никак не могут, супруги покинули квартиру. Тесть где-то бродил и только поднимался по лестнице. Он холодно пожал зятю руку. Вести машину предстояло Ивану, так как жена за свое здоровье пару бокалов все-таки осушила. Немного, но достаточно, чтобы глаза захмелели, а движения стали смазанными.

— Мне кажется, ты слишком груб с моими родителями, — заявила жена.

— Они лезут не в свое дело.

— В какой-то степени они правы, их можно понять...

— Мы все уже решили с тобой давно. Ребенка нам сейчас еще не хватало.

Жена отвлеклась на чтение какого-то сообщения в ленте соцсети, а затем возразила:

— Люди и с меньшим достатком рожают. Ничего, живут.

— Конечно, прекрасная жизнь! Без фитнеса с девчонками, без машины, без ненужных шмоток, — Иван покосился на жену, — без айфона.

— Ой, ну все, — сказала она и спрятала телефон в карман пальто.

— Ну а что, скажи: я не прав? Посмотри, как Стас живет: пеленочки, носочки, кровати, крики по ночам. Скоро начнутся ясельки, потом школа, учебники, двойки...

— Рано или поздно ведь придется...

— Вот я для нашего общего блага и пытаюсь отсрочить этот момент.

Остаток дороги супруги провели в тишине.

Глава 7

Местоположение школы было довольно странным. С одной стороны, условный центр города — то есть главная площадь с пешеходной улицей, опоясанная бутиками разной степени нарядности, торговыми центрами, точками стихийного и франшизного общепита, — был от нее в десяти минутах езды или сорока минутах прогулочного шага. С другой — находилась она в районе глухом, чуть ли не вплотную примыкала к промзоне, фасадом выходила на корпус бывшего машиностроительного завода, где уже давно квартировала мебельная фабрика и с десятков фирм поменьше. От жилых домов школа отделялась железной дорогой, по которой продолжали периодически что-нибудь неспешно таскать потрепанные маневровые тепловозы.

Иван со Стасом пришли немного раньше срока и стояли у входа, ожидая встречи со знакомыми физиономиями. Охранник наотрез отказался пускать их внутрь. Парковка у школьного забора пустовала, начав заполняться машинами лишь спустя сорок минут. За это время Иван уже успел подмерзнуть, поэтому, когда вопрос допуска в здание был улажен и люди потянулись по родным коридорам, он даже немного обрадовался, правда, исключительно теплу. Толпа проследовала до кабинета английского, и все стали рассаживаться по памяти на свои места. Это было глупостью, учитывая, что в старших классах сидели как хотели, а более раннюю раскладку уже не вспомнить. Иван со Стасом проследовали на камчатку, чтобы не мозолить никому глаза.

Кабинет не претерпел никаких качественных преобразований: все было ровно так, как запомнилось со школы. Даже классная руководительница, Елена Сергеевна, хоть слегка прибавила в морщинах, не сильно изменилась — словно и не было этих десяти лет.

Встреча проходила согласно ожиданиям Ивана. Кучка самых болтливых оккупировала первые парты и слушала рассказ Олеси о доме в

США, наперебой комментируя каждую ее фразу, пытаясь таким образом то ли понравиться, то ли внести в повествование свой вклад.

Олеся не могла ответить всем сразу (и вряд ли хотела), поэтому вела беседу по собственному руслу:

— Нет, не работаю. Я «хаусвайф», занимаюсь собой, — сообщила она.

— Эх, круто не работать!

— Неужели не скучно?

— Я, как второго родила, тоже «хаусвайф».

— Муж не ревнует?

С мужем в это время пытался наладить межкультурные связи Леха Порывалов. Одиннадцатый класс он умудрился закончить с пятеркой по английскому и с того момента, видимо, считал, что язык перед ним капитулировал.

— Эй, Майкл, хау абаут маней? Ну, ёр ворк хау мач пей?*

— Oh, pretty decent, pretty decent. Quite enough**, — отвечал Майкл из вежливости, слабо понимая, чего от него хотят. Остальные боялись что-либо спрашивать и лишь периодически оглядывались на заморского гостя, как на музейный экспонат.

Постепенно в вопросах, которые задавали Олеся, нащупали новую тему, активно включилась и Елена Сергеевна, желая выплеснуть свой богатый опыт хоть куда-нибудь.

— Второго всегда легче воспитать. Ты уже знаешь, к чему готовиться, — поделилась классная руководительница.

— Ой, тут с первым мороки сколько. Еще одного я бы точно не пережила...

— Не то слово. Особенно когда школа начинается. Только и знай, что деньги отстегивать... — говорила маленькая худая девушка с большим носом и длинными козьими волосами — прямыми, светлыми от природы, лоснящимися, как шерсть. Звали ее Алена, и Иван отчетливо помнил, что за одиннадцать лет ни единого раза с ней не разговаривал. Быть может, перекинулся парой фраз, и то случайно.

— А ты почему своего к нам не отдала?

— Возить далеко, Елена Сергеевна. И так с утра на ногах, еще сюда таскаться.

— Да ладно, у меня вон вторая через год в школу пойдет — и ничего. В одиночку ращу, — похвасталась Танька Семенова-Ежова и обняла за плечи маленькую щупленькую девочку, смотрящую в пол.

Ивана удивила степень безрассудства: взять и притащить ребенка на такое мероприятие. Но очень скоро он понял, что удивляться было рано.

— Так зачем рожать столько, если не остается времени на себя? — невзначай поинтересовалась Олеся.

* Как насчет денег?.. Твоя работа сколько платит? (Искаж. англ.)

** О, довольно прилично. Вполне достаточно. (Англ.)

— Мы же не выбираем себе судьбу. Это сверху нам по разрядке, так сказать, выделяют. Кому сколько отведено, — ответила Танька Семенова-Ежова и болезненно хихикнула, — хотя откуда тебе знать.

— Да я так, мне просто интересно. Ведь это силы отнимает, деньги. Не проще ли было повременить? — продолжила Олеся. Зря.

— Дети — это радость!

— Пока мамой не станешь, не поймешь.

— Пфф... кто бы говорил.

Елена Сергеевна вставила свои пять копеек:

— Ну что вы накинулись. Она права: рождение ребенка — это ответственный шаг, и каждый к нему должен подходить осознанно.

Взгляды самых активных участниц дискуссии быстро переключились на Елену Сергеевну. В их глазах читались злоба и боль, ведь в свое время никто из них никакого осознанного подхода не проявил.

Парты сдвинули в один длинный ряд, горячительные напитки с закуской заняли свое место — ностальгическая болтовня постепенно вошла в новую стадию. Свидлов только и ждал, когда можно будет накидаться, и, опрокинув залпом бокал шампанского, включился в разговор. Со времен школы он мало изменился: остался таким же высоким и худым. Вот только расплзшаяся не по годам лысина делала его похожим на какого-то зашоренного университетского профессора, коим он, конечно, являться не мог.

— Вот видите, как бывает. Вроде еще вчера зубрили уроки, отвечали их тут у доски, а теперь... пьем вместе с учителем!

— Так уж недавно.

— Да ты как будто учил. Нашелся ученик тоже!

— А то нет, — с обидой заявил Свидлов, — без троек окончил ведь.

Марина, организатор встречи, тоже решила не отставать и позволила Лехе Порывалову, уставшему налаживать контакт с западным миром, наполнить ее бокал в третий раз. Леха был одет с иголки: щегольской синий пиджак, рваные зауженные джинсы, гладко выбритые виски — и явно преследовал свои корыстные цели. Он вел себя очень надменно, ни на шаг не отходил от Марины и позволял той кокетничать, обслуживая мелкие ее прихоти.

Бутылки постепенно пустели и отправлялись на подоконник. Шампанское уступило место ликеру, затем какой-то серой настойке. Стас уже давно вошел во вкус и перепробовал весь представленный ассортимент. Ивану надоело просто так сидеть, и он тоже решил сдать под напором шумной толпы одноклассников, начав сразу с самого крепкого. Мужская компания не вызывала в нем особого интереса, недаром ни с кем из них за одиннадцать долгих лет он не нашел общего языка. Это были самовлюбленные, наглые и порой просто глупые люди, которые ради достижения нужного результата поступят любыми принципами.

— Что, вы скучали по школе? — разрядил обстановку Леха Порывалов.

— Еще бы. Спал и видел.

— Ну, если честно, то было немного, — откровенно заявил Стас.

— Ой, Стасик скучал, так мило. Я тебя даже недавно вспоминал, — сообщил Свидлов.

— По какому это поводу?

— Твой ответ по химии, классе в девятом. Вопрос был: назовите пример металла. Помнишь?

Стас, естественно, помнил, но всем видом давал понять обратное.

— Стоишь такой умный, голову чешешь. Тебе что-то подсказывают с первых парт...

— Ой, я вспомнила! — залилась смехом Олеся. Она сидела рядом с мужем и бросилась на ухо переводить ему то, что через секунду скажет Свидлов.

— И ты такой: гвоздь!

Класс взорвался смехом. Слушали разговор не все, но как же за компанию не посмеяться.

— Не было такого, — заявил Стас неубедительно.

— Да как же, если я помню, — повторила свои показания Олеся.

— Мне кажется, и я тоже. Во всяком случае, смешная шутка, — сказала Марина.

— Я еще помню, как ты Маринке в любви признавался, — добавил в копилку воспоминаний Диман Елисеев.

— Ну-у, когда это было. Нашли чего вспомнить. Он меня на вальс звал, — пыталась съехать с темы Марина. Ее немного развезло, и она прислонилась к плечу Лехи Порывалова.

— Ага. Марина, не изволишь ли стать моей партнершей? По вальсу для начала, но, если наша дружба получит продолжение, я буду не против, — вольно воспроизвел фразу Диман Елисеев.

— Не так я говорил, — обиженно заметил Стас, поняв, что доказать обратное не выйдет.

— Это ему Ольга Николаевна писала, учительница по литературе. Помните? — пролила свет на событие Елена Сергеевна. — Она уж на пенсии давно.

— Ну, я попросил ее, чтобы красиво звучало. А потом разволновался, какую-то ерунду наплел, — оправдался Стас.

— Не обижайся, Стасик. Я не хотела тебе зла. Мне тогда неудобно было, — извиняясь, сказала Марина.

Встреча близилась к завершению: когда на подоконнике трофеями разлеглись все имеющиеся бутылки, а пакеты доверху заполнились грязной одноразовой посудой, болтовня сбавила градус и сместилась в область какой-то обывательской философии. Майкл вконец перестал понимать происходящее и все-таки уговорил Олеся уйти, так что они сделали это первыми. Конструкция начала распадаться. Следом пропала Танька с дочкой. Марина, как организатор, терпела до последнего, хотя Леха

Порывалов давно окучивал ее на тему ухода. Пришлось скидываться на еду и выпивку, так что денег у Стаса с Иваном не осталось совсем. Иван позвонил жене, попросил их забрать — на удивление он услышал вялое, недовольное, но согласие.

— Могли бы и такси вызвать, — заявила она, когда друзья неуклюже завалились в машину.

— Да мы... скинулись за стол. Не рассчитали, — пояснил Стас.

— Ты машину тут оставишь? — поинтересовался Иван.

— Завтра заберу... чего ей будет.

Постепенно все одноклассники, эти не имеющие ничего общего люди, согнанные в одно помещение ради сомнительного повода, покинули некогда родное учебное заведение, чтобы слиться с ночным мраком города в надежде никогда больше не видеться.

Глава 8

Наступила полноценная весна. Город на пару недель превратился в маленькую Венецию. Похудевшие снежные холмы оголили прошлогодние мусорные реликвии, грунт с газонов сполз на тротуары и обочины, потоки воды унесли куски асфальта в неизвестном направлении, оставив полуметровые кратеры и расщелины. Птицы невпопад насмехались над людьми, ведя наблюдение с синего неба без единого облака.

Дела на работе продвигались неважно. Хоть машины и продавались, а зарплата выплачивалась, Иван чувствовал, как из-под него постепенно вынимают стул, на котором он все эти годы стабильно сидел. Саня, менеджер, серьезно метил на повышение. И пускай не было для него никакой должности, он готовился ее придумать, о чем упорно нашептывал директору. Тот же, слепо и безапелляционно веря в укрепление позиций компании на рынке, мечтал о расширении и любил, когда кто-то с ним соглашался. На этом и сыграл Саня, приведя на должность третьего по счету менеджера свою подружку. Трем бездельникам было тесно в рамках скромного шоурума автосалона «Карград», поэтому недовольство произрастало на пустом месте.

— Иван, что-то ты совсем слабо этот месяц отработал. Одна машина, — сообщил директор на собрании. Подобные собрания стали проводиться в конце календарного месяца, в пятницу, сразу после закрытия.

— Зато с сигнализацией, ковриками и маслом на следующее техобслуживание, — заметил Иван.

— Ирина вон три умудрилась продать, в первый же месяц. Разве не молодец?

Все посмотрели на Ирину. Она лишь глупо улыбнулась, не зная, как реагировать на похвалу. Была она худенькая, невысокого роста, с короткими черными волосами, лет двадцати от роду. Почти каждый вечер после работы она спешила в университет.

— Можно я пойду? А то не успею, — спросила Ирина.

— Я тебя докину, — радостно шепнул ей Саня.

Директор продолжил:

— Александр в этот раз самый производительный: шесть машин.

Фактически ему говорят спасибо за свою зарплату.

Раздались вялые аплодисменты. В павильоне собрали всех работников автосалона, даже старших механиков. Девушки из кредитного отдела устало смотрели на директора, облокотившись на столы. Кто-то даже опустил на стол голову.

— Всего два кредита, однако же. Вроде бы плохо, но вроде и не нам, да? — засмеялся директор. Девушки представляли интересы банков, поэтому основную зарплату получали там. Особого смысла сидеть на собрании им не было, но почему-то они не уходили.

— Ремонтники тоже хороши. Моя идея работать с внешними заказами себя оправдала — ни дня подъемник не простаивает. Продуктивно. Рад за вас.

Старшие механики не изменились в лице и продолжали сидеть, источая безразличие.

— Традиционный вопрос: когда почините «гранту»? — поинтересовался директор. Иван вздрогнул.

— Мы же говорили. Ждем, когда привезут краску с завода, у нас такой нет, подобрать ничего не смогли. Крыло загрунтовано давно, — ответил один из старших механиков.

— Вот видишь, Ирина, как халатность одного менеджера становится головной болью для всех остальных.

Директор не называл имен — все и так знали, о ком речь. В трех соснах не заблудишься. Ивана эта ситуация бесконечно раздражала. Он готов был сам поехать за этой краской хоть в Тольятти, хоть на Таити, если бы ему дали отгул, чтобы не выслушивать больше нелепые подколы и претензии. Саня оживился, хотя был уже одет и готовился уйти.

— Разрешите рассказать о готовящемся нововведении по этой теме?

— А, да. Давай.

Директор кивнул, и Саня вышел к нему.

— Со следующего месяца мною было предложено изменить механизм приемки новых машин. Руководством эта инициатива была встречена, так сказать, положительно.

Ирина поглядывала на часы и ерзала по стулу.

— Отныне весь процесс будет записываться на видео, с подробным осмотром всех элементов кузова. Каждый видеофайл будет содержать осмотр одной машины и именоваться соответственно ее индексу. Ответственным за формирование папок и общую техническую организацию будет наш системный администратор Николай. Спасибо.

— Собрание окончено. Хороших выходных, — заявил наконец директор.

Иван добрался до дома. Жена крутилась около большого зеркала, на диване были беспорядочно раскиданы разнообразные наряды. Он скользнул напрямиком на кухню и сел ужинать. От тарелки шел едва различимый пар, бесформенные ошметки теста плавали в бульоне, налитом всклень, мясное нутро комками прибилось к краям. Завершив процедуру приема пищи, Иван помыл посуду и допил чай, который предусмотрительно остужался на подоконнике. Он забыл вынуть оттуда пакетик, отчего вода помутнела сильнее обычного и покрылась пленкой. На крепости, впрочем, это отразилось незначительно. Зайдя в комнату, Иван застал жену за тем же занятием.

— Вань, мне нечего надеть!

— А это что? — развел руками Иван.

— Оно не подходит ничего. Вот смотри, — жена покрутилась на месте, — осенью покупала, уже не сидит.

— Да ты загоняешься, нормальное платье.

— Это сарафан, — поправила жена.

— Какая разница. Все равно нормально.

— Как ты можешь судить о вещи, если даже не знаешь, как она называется?

Иван задумался.

— Выглядеть-то она по-другому не станет.

— Этому всему на помойке место... Поехали завтра, подберем чего? — сменила интонацию жена и заискивающе посмотрела на Ивана.

— Ага, оно все денег стоило, и не маленьких. В приют вон отвези.

— Чтобы какие-нибудь бомжихи потом по улице в моей бренде ходили? В инстаграме у меня все эти наряды засвечены.

— И? Что мешает этим, как ты их называешь, бомжихам достать твои платья из помойки? — ответил Иван, безуспешно стараясь скрыть возмущение.

— Бучков, ты что, ку-ку? Я же не брошусь все это выбрасывать прямо сейчас...

— Но ты только что сказала.

— Это фраза такая. Так что, поедем?

Иван схватился от усталости за голову и закрыл глаза.

— На какие шиши?

— Ну, у меня есть купоны скидочные плюс со дня рождения еще кое-что осталось. Мне же мать дарила.

— Да ты косметики в первую неделю накупила, что там остаться могло?

Жена подошла к Ивану и взяла за руки.

— Ну, Вань, хотя бы просто посмотрим. Тем более у тебя зарплата скоро, а на кредит мы отложили уже.

— Знаю я твое «посмотрим». Все деньги туда ухнем. На рынке купи.

— Ты что, хочешь, чтобы твоя жена в чем попало ходила? — злобно огрызнулась жена.

— Люди ходят и не жалуется. Выглядит так же.

— В Африке мочу пьют и СПИДом болеют... Ну, Вань, может, и не выберем ничего. Просто посмотрим.

— Я-то тебе зачем, раз ничего не понимаю? Съезди сама, выбери что хочешь.

Жена чмокнула Ивана в губы.

— Выберу самое красивое!

Супруги сидели на диване перед телевизором. Иван ни о чем не думал и просто наблюдал за сменяющимися на экране картинками. Жена не выпускала из рук айфон и что-то бесконечно писала, листала, иногда посмеиваясь. Перед тем как лечь спать, в свете тусклой настенной лампы она вновь остановилась возле зеркала.

— Смотри, Вань. Мне кажется, у меня живот растет.

Уже почти заснувший Иван, не открывая глаза, пробубнил:

— Это пельмени с картошкой.

— Че?

— Ничего, — отмахнулся Иван.

— Может, тест сделать?

— На ночь йогурты и кефирчики пьют, а не картошку жрут.

— Она же не жареная, а пюре, — разозлилась жена и кинула в Ивана халатом. — Скажи еще: я жирная. Давай, скажи!

Иван нехотя сел на край разложенного дивана. В полумраке тени играли на контурах тела жены, и с определенного ракурса она казалась вполне ничего. Но Иван знал, что это лишь оптическая иллюзия, которую днем, к сожалению, никак не воспроизвести. В принципе, еще в невестах ее нельзя было назвать худенькой, за прошедшие же годы она неплохо округлилась.

— Ну уж не стройняшка, чего скрывать. Все в пределах нормы.

Жена тяжело, полной грудью, вздохнула.

— Чё-о? Вот, значит, как, да? Значит, я корова теперь? Ну ты сволочь!

— Я как будто что-то оскорбительное сказал, — Иван подошел к жене и уцепился за бок, оттянув жировую складку, — это вот как называется?

Раздался увесистый шлепок. Иван схватился за щеку.

— Ай, сука, когтями!

— Да тебя вспороть не жалко, даун!

— Ну а что ты, худая, что ли? Если обидно звучит, лучше бы жрать перестала по вечерам. Ударами массу не сбросишь!

Жена накинулась на Ивана с кулаками, тот стал пятиться из комнаты, закрывая лицо руками.

— Чтобы я хоть раз! Еще! С тобой! Спала! Сукин сын!

— Ты чего, дура, совсем крыша поехала? Полные люди — это теперь оскорбление? Разве я когда-то говорил, что это плохо? — невпопад оправдывался Иван, опешив от такого напора.

— Да у тебя интонация какая! Я два года на фитнес хожу, может, у меня физиологическая предрасположенность, а ты мне в лицо этим тычешь и ржешь!

— Где я ржал-то? Ты чего выдумываешь?

Иван уже был в коридоре, поэтому жена просто закрыла дверь и изолировала его.

— На кухне живи!

Иван попробовал силой открыть дверь, но быстро понял, что преимущество не на его стороне. Он замолк и сел в прихожей. В комнате слышались шаги и тяжелое дыхание. Иван тоже напрягся. На белой майке проступил пот, постукивал пульс. Поведение жены было вопиющим. Однако Иван не был этому удивлен: нутром он чуял, что подобная сцена обязательно должна случиться, и вопрос был лишь в том, когда и при каком формальном поводе. Их молчаливо-безразличное сосуществование могло длиться долго, но усилиями тещи фундамент изрядно размыло.

Дверь приоткрылась, в коридор вылетели подушка и тонкое покрывало, вроде того, каким накрывают мебель, когда красят стены. Иван мог спокойно зайти в комнату, но, желая побережь оставшиеся крохи самолюбия, принял вызов и разместился на полу кухни, ногами к окну. Пускай и была весна, но по ночам от подоконника тянуло прохладой. Не хватало еще заболеть из-за такой глупости.

Иван лежал на ковре, накрытый покрывалом. Было неудобно и жестко, лопатки зудели. Он лежал на спине, не закрывая глаз, и смотрел в потолок. Проезжающие под окнами машины оставляли на нем световые полосы, медленнодвигающиеся вместе с тенью люстры из одной части кухни в другую. От грузовиков, рычащих басом, вибрировали стекла и посуда. Холодильник неожиданно включился и стал монотонно жужжать — из комнаты он казался тише. Кто-то в подъезде хлопнул дверью и громко зашагал по бетонным ступенькам.

Реакция жены не давала Ивану покоя, и дело было отнюдь не в ругательствах и рукоприкладстве. Ее внезапная озабоченность размером собственного живота, к которому раньше она не испытывала подобного внимания, настораживала. Даже гипотетическая вероятность подобного развития событий пугала Ивана, в голове крутились глупые мысли и, как назло, красочные, очень реалистичные картинки, отчего он юлой вился по полу, пытаясь принять удобную позицию. Сон еще долго не мог его настигнуть.

Глава 9

— Здравствуйте, вам помочь?

— Да нет, я просто смотрю.

Женщина средних лет без какого-либо интереса разглядывала экспозицию автосалона «Карград», медленно вышагивая по шоуруму, будто

это был по меньшей мере региональный музей, а не скромный зал с тремя затасканными автомобилями.

— Какую бы машину вы хотели?

— В смысле? — непонимающе переспросила женщина, выкатив большие глаза.

— Тип кузова, цвет, комплектация. Что вам в машине важно?

— Да у вас, по-моему, одинаковое тут все...

Иван замялся.

— Как же. Разное...

— Что-то большой шибко ценник. Вы торгуетесь?

— Этот автомобиль в максимальной комплектации с дополнительным пакетом опций «Зимний старт», — сообщил он.

— Ага, понятно.

Иван ходил за женщиной кругами на расстоянии метра в два, стараясь одновременно не показаться назойливым и не дать ее увести. Санек сидел у стола кредитных менеджеров и снисходительно наблюдал, как кот. Ирина куда-то снова отлучилась.

— Для чего вы планируете использовать машину?

Женщина остановилась и посмотрела на Ивана.

— А для чего люди их используют?

— Для самых разных целей: детей в школу возить, на работу ездить, на дачу, картошку... Путешествовать.

— Я похожа на дачницу?

Иван оглядел женщину. Была она среднего роста, в бордовой легкой куртке и юбке поверх черных колготок. Немного приплюснутое худощавое лицо со следами возраста, светлые волосы с темными корнями, видимо, давно крашенные.

— Честно говоря, нет.

— Ну спасибо, хоть так.

Женщина открыла дверь и медленно села в автомобиль, нелепо обхватив руками руль, будто впервые в жизни его видела. Санек постепенно, тихо переступая лапами, приближался сзади. Иван предпринял еще одну попытку обратить на себя внимание.

— А цвет какой вам бы хотелось?

— Хм. А какие есть? — рассеянно спросила женщина, делая вид, что ее отвлекли от важных размышлений.

— Самые разные. Синий, красный, черный, серый, голубой...

— А женские цвета у вас имеются?

— Смею предположить, что голубой и красный могут сойти за женские.

— Не знаете вы толка в женских цветах...

Ирина вошла в помещение, спустившись из директорской, со второго этажа. Санек воспользовался моментом и вынырнул прямо перед Иваном.

— Знаете, думаю, у нас есть тот, кто хорошо в подобных тонкостях разбирается.

Женщину передали в ведение Ирины, и они сели листать каталоги комплектаций и фотоальбом с различными цветовыми решениями. Иван снова остался не у дел.

Странное дело, думал он, Санек стал вести себя как главный менеджер, человек, которому нужно не продажами заниматься, а контролировать и наставлять своих подчиненных. Фактически все показатели, что делала его протееже Ирина, были обеспечены именно им, сама она никакой инициативы не проявляла и лишь ходила да глядела в окна, как дикая лисица. Ивану надоело постоянно гоняться за клиентами, и он просто просиживал отведенные часы, не встречая особого недовольства со стороны руководства. Директор в последнее время редко объявлялся и порой передавал информацию через Санька, сделав его своим неофициальным рупором.

Однажды рабочий день завершился раньше положенного, и все радостно покинули автосалон. Системный администратор Коля, который не имел фиксированного графика и приходил, когда ему вздумается или когда что-то сломается, сегодня уходил вместе со всеми. Он тоже пользовался услугами общественного транспорта, и так вышло, что ему с Иваном оказалось по пути. Такое случалось довольно редко. Еще реже они о чем-то говорили. Но в этот раз Коля сам проявил инициативу.

— Неважно у тебя дела идут.

— Да уж. Что поделать, — хмуро подтвердил Иван.

— Знаешь, это не дело, конечно.

— Что?

— Ну, как Саня себя ведет. С какой стати он придумал эти видеоотчеты, даже меня не спросил, что я думаю, и теперь мне приходится брать на себя лишнюю волокиту.

— Я ему хороший повод, видимо, дал...

Коля демонстративно откашлялся и как-то нехотя заявил:

— Мне тут файлы закупок как-то попались. Я обычно их не трогаю, только рассылаю, но тут случайно открыл.

— И?

— Там была таблица лакокрасочных материалов. Эту краску, которую столько везли, чтобы твою... ну, эту битую машину сделать, помнишь?

— Так.

— В общем, она там числится с зимы. На складе нет, а в листках есть. Мы ее закупали...

Иван остановился.

— То есть как это?

— Ну вот так. Мне кажется, ее Саня на сторону продавал.

— Продавал бы всю тогда, а не только эту, — логично решил Иван.

— Да может, он потихоньку все тырил. Кто ж знает. Это бухгалтер должен проверять.

— Какой бухгалтер! Она раз в месяц приходит налоги посчитать... Вот урод!

— Совсем как-то не по-пацански. Вы с ним вроде давно контакти-те... — сказал в Коле школьник, что прячется в каждом из нас, иногда повякивая какими-то смешными выражениями. Коля действительно выглядел как школьник. Было ему года двадцать два, но одевался он в таком стиле, будто сейчас из рюкзака достанет баллон с краской и побежит рисовать на стенах нецензурщину.

Они сидели на остановке и с трудом видели номера прибывающих автобусов — антивандальное стекло было наглухо залеплено объявлениями в несколько культурных слоев. Вполне вероятно, Коля уже пропустил свой, но ему было важно сказать еще кое-что.

— Слушай, Вань. Мне показалось, что на тебя и директор как-то косо смотрит...

— Ну, это не новость. Он чудной человек, постоянно какие-то тупые идеи в голову приходят, и ими нужно восхищаться. А я не хвалю и не ругаю, потому что мне реально по хер.

— Тебя уволить хотят.

Иван отвернулся к задней стенке остановки и зачем-то провел рукой по остаткам большой цирковой афиши.

— С чего ты решил?

— Я слышал, как Саня с ним по телефону говорил. Ну я, конечно, может, чего не понял и преувеличиваю, но речь шла о переизбытке кадров. Мол, менеджеров много и надо оптимизировать работу. Снова советы дает, короче.

— Так мы только что эту Ирину взяли. На кой черт она нужна тогда?

— Ее-то они вряд ли уволят, сам понимаешь...

Некоторое время они ничего не говорили. Коле было неловко от сказанного, хотя и интересно посмотреть за реакцией. Но никакой реакции не было. Иван молча сидел и смотрел через дорогу, сквозь бурный поток транспорта.

— У тебя ведь есть этот файл с краской? Можешь скинуть?

— Ну, я их удаляю, чтобы место не занимали. И его, наверное, тоже...

— В исходящих сообщениях директору могло сохраниться. Ты же отправляешь их.

— Не знаю... письма я тоже удаляю.

Иван недоверчиво посмотрел на Колю. Тот продолжил:

— Слушай, ты же сам понимаешь, мне проблемы не нужны. А это, считай, все, Саня сразу для меня врагом станет...

— Ты его боишься? — прямо спросил Иван.

— Нет, с чего бы. Просто так уволят только тебя, а так еще и меня вдобавок. Мне в целом тут нравится...

— Все с тобой ясно.

К остановке подъехал накрененный на один бок автобус. Он громко фыркал, стравливая избыток воздуха из пневмосистемы.

— О, это мой. Тебе не его?

Иван промолчал.

— Ладно, может, все это неправда. Но я посчитал нужным тебе сообщить. Давай, пока.

Автобус медленно отъехал, шаркая брызговиками по асфальту. Ивану вообще не было смысла тут сидеть. С тех пор как он поругался с женой и стал ютиться на кухне, всякое желание приходить домой пораньше у него отпало. Поэтому он добирался с работы пешком. Пара лишних часов на свежем воздухе.

Погода хмурилась. Мутные кофейные тучи накрыли город и почти не шевелились, грозя дождем. Иван неспешно шел по постоянно меняющему свою форму тротуару: то широкому, выложенному сколотой плиткой, отгороженному от проезжей части железным забором по пояс, то узкому, с волнообразным рельефом, заплатками из гравия и обглоданным бордюром. Иногда тротуар совсем пропадал и приходилось идти по обочине, перешагивая через грязевое месиво и мусор и пытаясь не попасть под колеса несущегося за лишней копейкой грузовика. Густо натяканные дорожные знаки порой топорщились на уровне головы, что в случае невнимательности грозило увечьем.

Начало накрапывать. Идти оставалось недолго, но Иван решил максимально растянуть текущий вечер и завернул в знакомое кафе, что в паре кварталов от дома. В зале было на удивление шумно, музыка звучала громче обычного, но все равно не могла заглушить разрозненные голоса посетителей и лишь смешивала их в нечто неразборчивое. Иван занял единственный свободный столик у входа. Девушка-кассир привычно скользнула взглядом по Ивану. Тот кивнул ей, жидко улыбаясь, — она знала, что он не будет ничего заказывать, и вернулась к обслуживанию накопившейся очереди. По-хорошему, надо было заставить клиента что-то взять, так как без дела занимать место в столь хлебный час — это сущее расточительство, но девушка не донимала Ивана, словно его вид содержал какое-то исчерпывающее послание.

Мысли путались, думать ни о чем не хотелось. Ноги от долгого пешего променада налились тяжестью, и было приятно просто вытянуть их под столом. Иван нехотя проворачивал в голове варианты решения нахлынувших неурядиц, но, откуда ни глянь, они казались пустяковыми. Примирение с женой — это вопрос времени, тут сомнений не было, разве что по поводу работы возникали неувязки. Но если поразмыслить логически: кто додумается увольнять сотрудника, который столько лет был частью коллектива, пережил сложные для компании времена и почти не давал поводов для сомнения? Еще бы с Саньком разобраться, ткнуть носом в его же пакости, доказать директору свою правоту и на-

конец закрыть этот неудобный вопрос навсегда. Эх, Коля, зачем ты удалил файл...

Размышлять оказалось удивительно легко, особенно на расстоянии. Любая проблема, какой бы сложной она ни казалась, решалась за мгновение, стоило только правильно направить потоки мыслительной активности. Находясь в окружении кучи незнакомых людей, отгороженный от внешнего мира стенами и окнами кафе, Иван не сомневался, что его дела решатся благополучно. Иногда излишней активностью можно даже навредить, поэтому тактическое бездействие было лучшим способом вернуть жизнь в прежнее русло. Около входной двери, откуда с каждым открыванием просачивалось немного улицы, Иван мог судить о состоянии погоды. Через затемненное стекло все выглядело вполне приемлемо, вот только с заходивших гостей текли ручьи. Сидеть больше не хотелось, и Иван, наплевав на дождь, отправился домой.

Довольно скоро показался знакомый двор. Тротуары и дороги залило водой так, что сложно было сохранить ноги сухими. Иван вбежал в подъезд и немного отдышался. С промокшей куртки за шиворот натекло, и капли щекотно ползли по спине. Нащупав в полутьме отверстие замка, Иван запустил туда ключ и привычным движением повернул. Дверь не открылась. Тогда он повернул ключ в другую сторону — то же самое. Хм, зачем жена закрылась на защелку, если сама сказала, что «не будет мне прислугой»? Ладно, позвоним. Еще раз. Настойчивее. Никто не открывал. Иван удивился, потому что в это время она никуда не ходит, да и машина вроде бы стояла на месте. Хотя насчет машины он не был уверен. Повесив куртку на руку, Иван достал из кармана джинсов телефон и ткнул нужный контакт. Пошли гудки. Ту-у. Ту-у. Ту-у. Тишина. Набрал еще раз. Ту-у. Ту-у. Ту-ту-ту — сброс. Хм. Третья попытка оборубилась короткими гудками, едва начавшись. Очень странно. Иван решил спуститься вниз и проверить наличие машины. Вышел он торопливо, не надевая куртки. Привычное место оказалось занято каким-то чужим автомобилем. Бегло оглядев парковку и не обнаружив машины, Иван вернулся в подъезд и позвонил теще. Симптомы повторились — трубку никто не брал. Может, со связью что? Надо позвонить Стасу.

— Але?

— Здорово. Меня хорошо слышно?

В динамике заорал ребенок.

— Чё?

— Говорю, слышно меня нормально? — повторил Иван и отодвинул телефон от уха.

— Да, чего хотел?

— Не могу до жены дозвониться. И теща тоже не берет.

— Оан едмоа?

— Чё?

— Она не дома, что ли? — громко спросил Стас. — Да заткни его наконец!

Послышалась приглушенная ругань и шорох телефона в руках. Хлопнула дверь, все немного стихло.

— Нет, я в квартиру не могу зайти.

— Да ладно, ну ты даешь, — отозвался Стас эхом. Судя по всему, он закрылся в туалете.

— Не знаю, чего делать...

— Позвони им на домашний.

— Как будто я его знаю...

Стас на секунду притих, чем-то шаркая.

— Ну тогда съезди туда.

— Вот еще, на другой конец города.

— Подружке позвони.

— Какой?

Стас хрипло вздохнул в трубку.

— Ты что, не знаешь ее подружек?

— Они не мои же подружки, откуда я могу их знать? Да и есть ли они? — задумался Иван.

— Ну тогда не знаю...

— Слушай, а у тебя ночь никак не переждать?

Послышалось бурление воды.

— Ладно, давай, удачи...

— Ты слышал мой вопрос?

— А?

Иван повторил:

— Говорю, у тебя никак на ночь не перекантоваться?

— Шутишь, что ли, и так знаешь, что на головах сидим. Куда я тебя дену?

— На кухню. Мне не привыкать.

— Нет, братан. Сорян.

Снова послышался крик и какое-то нервное неразборчивое бормотание. Связь прервалась.

Иван сидел на подоконнике с курткой в руках. Он и представить не мог, что окажется в подобной ситуации, поэтому не знал, что нужно предпринять, как действовать. Его родители точно не были в курсе, а ехать на другой конец города к тестю и теще совсем не хотелось. Единственным его желанием было лечь на пол кухни и заснуть, ни о чем не думая. Иван снова набрал номер жены и номер тещи. Ничего не изменилось. Допустим, она загуляла и потеряла телефон. Представим, что у тещи какие-то неполадки со связью, человек она темный, к высоким технологиям не расположенный и легко могла нажать не ту кнопку. Но что с ключом, почему он не подходит?

Спрыгнув с подоконника, Иван пошел к двери. Светя экраном телефона, он разглядывал замочные скважины. Было их две: одна в ручке, другая сверху отдельная. Первой никогда не пользовались, но ключ от нее был в связке — Иван нашел его и проверил совместимость. Подошел. Откуда-то сбоку послышался легкий скрип, приоткрылась дверь, и на лестничную площадку выползла старая седая бабка в халате.

— Ты чего это тут делаешь?

— Да ничего, баб Надь, не могу дверь открыть.

— Ключей, что ль, нету?

— Есть, но не открывается.

— Новые-та?

Иван распрямылся и отошел от двери.

— Какие?

— Как эт какие, от замка-та нового?

— Какого нового? — переспросил Иван.

— Вы же сегодня замок поменяли, аль забыл? — настаивала на своем баба Надя.

— Я с работы только пришел...

— Мастер сегодня тута был, дверь сверлил. Я вышла, говорю: чего шумишь, а он: чё надо, то и шумлю, не лезь, бабка. Грубьян чертов.

Иван на некоторое время завис, прогоняя полученную информацию через уставший мозг.

— Чё смотришь-та? Ищи ключ, аль жена не дала?

Он ничего не ответил и молча спустился к подоконнику, где лежала куртка. Было довольно зябко, и он надел ее, чтобы не тратить впустую остатки тепла.

— Вродь молодые, а не помните ничего, — заявила баба Надя и хлопнула дверь.

Поменять замок. Зачем? Как такое вообще возможно? Иван забрался с ногами на подоконник и уперся подошвами в стену. Неужели это какой-то новый акт противостояния, которое зародилось из ничего и по всем законам жанра должно ничем завершиться? Подобное уже тянуло на какую-то серьезную подставу, с которой непонятно было, что делать. Во всяком случае, выбор оставался небольшой. Иван решил дожидаться жены — в надежде получить хоть какой-то ответ. Быть может, она загуляла и скоро вернется. Чем дольше сидел на подоконнике, тем сильнее накапливали раздражение и злоба. Оставить мужа на улице, как собаку, — это за гранью любой обиды и не помещалось в привычные представления о семейных проблемах.

По лестнице поднимались соседи и оценивающе глядели на Ивана. Никого из них за прожитые тут годы он толком не узнал, поэтому вопросов ему не задавали, отнесясь к увиденному как к чему-то хоть и странному, но не сильно, что дальше упоминания за ужином не пойдет. Иван с трудом просидел на подоконнике два часа и очень расстроился, что за окном не

утро. От тонкого стекла веяло прохладой, попытки уснуть превращались в болезненную дремоту, конечности затекали. Куртка пропахла сигаретным дымом и сыростью, хотелось выпить чаю. Желая согреться, Иван слез с подоконника и ходил по пролету взад-вперед, размахивая руками и подпрыгивая. Казалось, бетонная плита хрущевки прогибается под каждым шагом, что, конечно, вряд ли, но Иван все же сбавил обороты и исключил из разминки последний пункт. Кое-как прошел еще час, телефоны молчали, и злоба уже не была каким-то неожиданным состоянием души, а вполне обыденным, привычным. Снова послышался скрип двери, и на лестничной клетке появилась знакомая фигура бабки.

— Где жена-та твоя?

— Не знаю...

— Ты так тут и сидишь?

— Сижу. Стою, — сказал Иван и демонстративно спрыгнул с подоконника.

— Плохи дела... — сочувственно отозвалась баба Надя.

Иван пялился в окно. За распускавшимися деревьями не было видно ничего, кроме куска темного неба и отблесков фонаря. Смоченная дождем земля бликовала в его свете и казалась свинцовой. Капли на стекле уже не плыли вниз, а замерли, уснули, как жуки. Уснул и город, избавившийся от пешеходов, и только машина с желтым знаком такси на крыше медленно катилась мимо.

— Пойдем-ка ко мне, милоч. Нечего тут сидеть, задубеешь.

Возражать было глупо, и Иван прошел в квартиру бабки. Внутри все оказалось обставлено по последнему писку моды семидесятых. Огромный лакированный комод в прихожей сторожил вход и занимал почти все свободное пространство, отчего даже разуться, ничего не задев, было проблематично. В приоткрытой двери единственной комнаты горел свет и хорошо были различимы приметы времени: бледные обои в цветочек, куча каких-то полок, до отказа забитых барахлом, огромный шифоньер с напоказ выставленным хрустальным набором, пружинная кровать, принявшая за долгие годы форму хозяйки, деревянные кресла с зеленой клетчатой обивкой, настенные часы с римским циферблатом... Иван сдернул обувь и проследовал на кухню, зацепив курткой трубку стационарного телефонного аппарата, но вовремя спохватился и не дал ей упасть. Баба Надя заварила чай и продолжала расспрашивать Ивана обо всем, что могла вспомнить.

— Так вы вроде дружно живете с женой-та. Чего не поделили?

— Не знаю.

— Здоровались всегда, не шумели... Мож, позвонишь?

— Да не берет...

— А ты с домашнего.

— Зачем? — не понимая сути, спросил Иван.

— Сотовые-та ваши мало ль чего, а по привычному надежней.

Иван решил, что на такое ему нечего ответить.

— Любят все чего-то придумывать. Жили как-то мы без этих ваших штук, и ничего.

Иван попробовал предложенный чай, заваренный одним пакетиком раз в третий, и решил, что лучше просто греть о стакан руки. Хозяйка же не упускала возможности выдать всю доступную ей информацию так удачно подвернувшемуся соседу.

— Вся она в бабку, жена твоя. Та тоже Валерку своего утюжила без повода, говорю ей: ты чего к мужику пристаешь, шагу не даешь ступить...

— Да у нас все хорошо.

— ...И орала, и орала, искала, до чего докопаться...

— Мы спокойно живем.

— ...Один раз, думаю, нада участкового вызывать, дело к драке идет.

— Толком не ругались.

— ...Так в могилу и скопытила мужика. Хороший был мужик, Валерка-та, работяшый.

— Не думаю, что в этом дело.

— ...Не пил даж. Только в домино вон у подъезда играл, да разве такого сыскать еще-та?

Все же решившись выпить ради приличия бледный чайный раствор, Иван собрался уйти.

— Я пойду...

— Куда ты пойдешь-та, оставайся. Я тебе в комнате постелю.

Краем глаза видевший эту комнату Иван не очень хотел там оставаться.

— Да я на кухне, если можно.

— Кто же тут спит?

— Мне нормально, я привык.

— Ну, хочешь на кухне, так чего ж...

Баба Надя принесла какое-то старое пуховое одеяло, пыльную подушку, постелив их на грязном кухонном полу, усеянном крошками. Под столом стояли банки с закрутками, от которых пахло плесенью, растянуться телу было негде. Но Ивана устраивало и это; во всяком случае, на подоконнике в подъезде было чуть менее удобно. Едва коснувшись подушки, он провалился в тяжелый, глубокий сон...

Глава 10

Утро наступило внезапно. Иван оторвал голову от подушки и с туповатым удивлением вертел ей, пытаясь разглядеть обстановку вокруг и восстановить в памяти причину текущего местоположения. Так часто бывает, когда человек оказывается бесцеремонно выброшен из сна в реальность, минуя все промежуточные стадии. Иван не смог зафиксировать

содержание своего сна, бесследно соскочившего куда-то в бессознательное, зато события вчерашнего вечера вернулись почти мгновенно во всей полноте, и это несколько не радовало. Судя по глухой болтовне диктора, сочившейся через прикрытую дверь, баба Надя давно бодрствовала и была занята получением утренней порции новостей. Это было хорошим поводом уйти без завтрака, так как Иван не мог больше злоупотреблять гостеприимством, а хозяйке пусть и хотелось гостя накормить, как любой бабке, но смотреть телевизор хотелось сильнее, и они расстались полюбовно, ограничившись дежурными благодарностями.

На телефоне было девять часов утра и десять процентов зарядки. Иван решил набрать знакомые номера еще раз, но оба, в точности как вчера, играли в гудки. Придется ехать к родителям жены и добиваться персональной аудиенции, раз иных способов не найти. Вот только для начала надо предупредить на работе, чтобы ждали позже. Хотя кому там особо было дело?.. Иван листал список контактов и не мог решить, кому позвонить. Ладно, сразу директору. Или лучше СМС, чтобы не тратить зарядку? Иван пытался найти любые оправдания, лишь бы не слышать его голос. Да и телефон все же мог еще понадобиться.

По пути к остановке Иван зацепил горячий и сочный чебурек в первом попавшемся ларьке. Он давно не притрагивался к уличному фастфуду, так как питался дома, но в сложившейся ситуации не нашел ничего лучшего и был крайне рад существованию таких заведений. Можно бы было потянуть и шаурму в лаваше, но разницу в стоимости лучше оставить на проезд — карточкой не примут. Неизвестно еще, сколько и куда ему придется мотаться. Забравшись в троллейбус, Иван прошел в самый конец салона и плюхнулся на одинокое сидение. Ему не хотелось находиться с кем-то рядом, так как он чувствовал себя неудобно. Не умывшись и не сменив одежду, он был неприятен сам себе: запах изо рта, заспанные глаза, мятая куртка. В таком виде на бал не заявишься, а вот к родителям жены в самый раз — пусть посмотрят, что терпит зять, пока их доченька выкидывает фортеля.

Так как номера квартиры Иван не знал, пришлось караулить на лавке, пока кто-нибудь не выйдет. Несмотря на будний день, люди обильно мотались туда-сюда, но Иван стеснялся подбегать к двери домофона, думая, что на него косо посмотрят. Было это лишь странным предубеждением, так как ничем от обычного человека он не отличался и был одет вполне нормально. В итоге ждать надоело, и он набрал на домофоне случайную цифру, не попав в нужный диапазон. Табличка с нумерацией квартир была ржавой и нечитаемой, так что приходилось просто перебирать разные варианты. Довольно скоро удалось угадать, послышалась трель, и из динамика раздался грубый тяжелый бас:

— Але!

В этот момент дверь изнутри открылась, и прямо на Ивана вышла высокая молодая девушка с крохотной сумкой из серого кожзама, откуда тор-

чала какая-то потрепанная книжная обложка. От неожиданности Иван дернулся в сторону, пропуская ее, на что та не обратила никакого внимания и бодро зашагала прочь.

— Але, кто?!

Иван хорошо помнил расположение квартиры и без труда отыскал нужную дверь, на которой висела цифра «восемьдесят шесть». Он позвонил. Показалось, что внутри кто-то зашагал, но открывать не торопился. Позвонил еще раз. Затем еще, зажав кнопку дольше. Все стихло. Иван стал всматриваться в глазок, надеясь увидеть хоть что-то, и, похоже, не зря — за дверью явно занимались тем же самым и в конце концов сделали шаг назад, остерегаясь такой почти неприличной близости.

— Светлана Евгеньевна, открывайте.

Загудел и начал медленно карабкаться по шахте вызванный выше лифт.

— Светлана Евгеньевна, я знаю, что вы тут, открывайте.

Двери лифта гулко распахнулись, кто-то забрался внутрь и поехал вниз, мешая Ивану слушать. Понимая, что выглядит глупо, он немного отошел, пытаясь вспомнить, на какую сторону выходят в квартире окна. Выходили они на обе стороны, но кухня смотрела во двор. Иван пешком спустился по лестнице, громко топая, и очень скоро стоял у подъезда, тыкая пальцем в этажи. Три. Четыре. Пять. Шесть. Так, вот и кухня. Где теще еще быть? На первый взгляд, никаких следов движения там не подмечалось, да и как с такого расстояния сказать наверняка... Нет, ничего. Иван снова сел на лавочку в томительном ожидании. Не прошло и минуты — в брюках завибрировало. Почти разряженный телефон автоматически убавил яркость, отчего бликующий на солнце экран казался зеркальным. Иван по памяти провел большим пальцем по нижней его части, и в динамике раздался тихий, но легко узнаваемый голос:

— Ваня, ты еще не понял?

— Здравствуйте, Светлана Евгеньевна.

— Так себя взрослые люди не ведут.

Иван поднял голову по направлению к окну.

— О чем вообще речь?..

— Ты обидел мою дочь. Это неприемлемо.

— Никого я не обижал, что за бред!

— Она не хочет с тобой разговаривать!

Глубоко вдохнув, Иван попытался подготовить себя к отстаиванию своей точки зрения.

— Я... она думает, что я назвал ее как-то, хотя это не так. Я не то имел в виду... Да и было это неделю назад!

— Неважно, когда это было. Есть факт — она не хочет тебя видеть.

— Почему вы мне дверь не открыли?

— Мне соседка позвонила, я не дома.

Иван терял самообладание.

— Что вы врете-то?! За дурака не держите!

Он пристально смотрел в окно кухни, тяжело дыша. Ему казалось, что теща стоит за занавеской и тоже его разглядывает.

— Зачем мне тебе врать?

— Я тоже не пойму, зачем вы врете и зачем дочь свою против меня настраиваете.

— Побойся Бога, Иван. Что ты такое говоришь?

— Скажите еще, что это не так. Ребенка им подавай, внука. Возьмите с Павлом Максимовичем из детдома и нянчитесь на здоровье.

— Ты что, пьян?

— Почему я разговариваю об этом с вами, а не с женой?

— Она не хочет...

— Пусть сама об этом скажет!

На несколько секунд образовалась пауза, которая показалась Ивану бесконечностью.

— Нечего сказать, да?

— Думаю, вам лучше некоторое время пожить отдельно. Остудить, так сказать, пыл и разобраться с проблемами...

— Что-о? Какими проблемами? Вы там совсем оборзели?

— Следи за языком, не с матерью своей разговариваешь.

Иван рассвирепел.

— А мать мою не трогайте! Она в наши личные дела не лезет, а вот вы...

— Так и поживи с ней! Остынешь, работу найдешь.

— Что значит — работу найдешь? А кто за машину, по-вашему, платит, кто подарки дорогие дарит?

— Не придуривайся. Она сказала уже...

— О чем сказала?

— ...Благослови тебя Бог.

Теща положила трубку. Иван завелся на несколько полных оборотов и быстро ходил около подъезда, пытаясь дать энергии выплеснуться. Какое-то темное, отвратительное чувство обуяло его, залило гудроном душу, погрузило ноги в липкую грязь, отчего каждый шаг казался не своим, ватным. Можно было представить себе любой вариант развития событий: измену, развод, несчастный случай, смерть, даже беременность — во всяком случае, первое можно стерпеть, второе не подписывать, третье излечить, четвертое пережить... Но что причина окажется такой глупой, вымученной, смешной, не стоящей и доли секунды внимания нормального человека — нет, такого представить было нельзя. Обидеться на сказанное неделю назад? Жена на поверку оказалась еще глупее...

Иван готов был орать матом, кидаться вещами, истерично закидывать голову кверху, как делают это заигравшиеся актеришки в помойных ситкомках, даже кусаться от чувства глубочайшей обиды выброшенного на улицу наскучившего пса, переставшего быть щенком, но в итоге не нашел

ничего более умного, чем показать средний палец кухонному окну и демонстративно резко пропасть со двора.

Необходимо было выяснить причину упоминания тещей работы, а для этого придется позвонить — эсэмэсками тут не отделаешься. Иван припал на корточки и свернулся колесом, как будто ему резко стало плохо и прострелило живот, — своим телом он хотел создать тень, чтобы увидеть на экране пиктограмму с нужным контактом, спрятав его от солнечного любопытства. Немногочисленные прохожие спокойно отреагировали на такой изворот, но Ивана в любом случае их мнение уже не волновало. Звонок пошел.

— Алло, — раздался низкий вибрирующий голос директора.

— Здравствуйте. Я писал в СМС, что опоздаю, но уже почти приехал.

— А, Иван. Можешь...

Телефон ушел в беспробудность, истратив последние проценты заряда. Не зная, что имел в виду директор, Иван решил все-таки почтить своим присутствием работу в этот прекрасный будний весенний день. Смирившись со своим неопрятным видом, он на редкость быстро подловил нужный автобус и уже скоро оказался на месте.

— Всем привет, я немного задержался... — сказал Иван максимально обыденно, скрывая волнение.

— Здорово, Ваня. Хорошо, что ты пришел, — встретил его Саня с привычной ухмылкой, — зайди к шефу.

Ирина стояла возле окна и даже не взглянула на Ивана. Работницы кредитного отдела уткнулись в мониторы, сделав вид, что очень заняты, а сисадмин Коля встал со стула, молча протянул руку. Иван зашел к директору.

— Звали? У меня телефон разрядился...

— Да, садись.

Директор был человеком невысоким, но равномерно во всех направлениях широким, плотным, обтянутым белой рубашкой и в отутюженных брюках. Голова с залысинами, лицо аккуратно выбрито. Выглядел он странно, неестественно, как если б хозяина палатки из девяностых заставили играть депутата в местном драмтеатре.

— Что у тебя случилось?

— Небольшая бытовая сложность. Ничего особенного...

— Бывает. Вот документы, распишись, — сказал директор, подсовывая Ивану несколько листов, — все уже заверено в бухгалтерии, чтобы не ждать.

— Что это?

— Как что? Александр же тебе звонил, — утвердительно произнес директор.

— Эмм... нет.

— Странно. Он сказал, что мобильный ты не брал и он сообщил тебе по домашнему...

— Не было такого, — сказал Иван.

— Ох, ладно... Видишь ли, за последние несколько месяцев твои показатели сильно упали. Машин продаешь меньше, с дополнительными услугами тоже не все хорошо...

— Покупателей мало, — заметил Иван.

— Вот не надо тут. С покупателями полный порядок, другие же справляются.

— Раз на раз не приходится.

— Еще этот инцидент с мятой машиной, которая два месяца в не-кондиции висела, пока краску везли...

Иван промолчал.

— В общем, мы обсудили и решили, что, пожалуй, тебе больше не стоит здесь работать. Сегодня же можешь забрать все документы, чтобы по сто раз не ходить.

— Обсудили с кем... с Сашей? — выдавил из себя Иван.

— Со всеми, — торжественно заявил директор, подняв голос на тон выше.

— Я пришел сюда раньше него и работал еще тогда, когда одними ковриками и сигнализацией торговали... И вы даже не сделали мне предупреждение? Даже не позвонили лично? — сокрушался Иван, хотя говорил негромко, в рамках приличия.

— Уже какое собрание я озвучивал показатели. Вполне наглядно, по моему. Выводов ты не сделал.

— Это все равно не повод для увольнения. Зарплату срезать — еще ладно...

— Наши нужды вполне покрывают два менеджера. Третий, как говорится... — директор не закончил.

— Да она только появилась! Стажерка! Неужели не видно, что ее Саша тянет? — самообладание Ивана постепенно испарялось.

— Меня волнует результат в конце месяца. Кто его сделал — вопрос десятый.

— И вообще, это он и ударил машину, и краска из-за него не приходила, потому что он ее налево скидывает.

Директор раздраженно фыркнул.

— Что за чушь? Делать ему нечего!

— Мне назло! Как клиентов уводить, как и дуру эту привести! — объяснял Иван, начиная жестикулировать. Это был плохой знак.

— Давай-ка возмущаться тут заканчивай. Нечего придумывать. А клиентов у нормального менеджера не уведут, это же не козы тебе на поляне.

— Козы и есть, хуже еще! А то вы не знаете, как это делается, — уже громко говорил Иван. Такого он себе раньше не позволял.

— Я знаю, что ты не справляешься со своими обязанностями, и мне нет смысла тратить деньги, когда можно не тратить.

— У сисадмина все договоры закупок были, там показано, как ваш Саша любимый вас обворовывает. И меня заодно подставляет!

— Где же эти договоры? Пошли посмотрим! — поднял голос на два тона выше директор. Он встал из-за стола и направился к двери.

— Они... удалены, — отрывисто произнес Иван.

— А чего ты мне тогда голову морочишь? Кто тебе это сказал?

— Коля...

— Ну, с Колей мы отдельно разберемся. А с тобой все — бери документы, и с песней.

— Я ведь могу и в суд пойти. Сможете там предметно объяснить причину? — говорил Иван просто для важности. Он понимал, что ему уже не спастись, и просто напоследок швырялся фразами.

— Зачем же, ты по собственному. Здесь все заполнено, нужно только подпись и дату, — сообщил директор и ткнул пальцем в листок.

— Еще чего, — Иван смял листок и швырнул его на пол, — не дождетесь!

— Так, ты, кажется, попутал. Здесь тебе не муниципальная шарага, а частная фирма. Хочу — увольняю. Хочу — нанимаю. Не надо тут цирк передо мной разыгрывать.

— Выплачивайте тогда зарплату увольнительную...

— Ваня, я бы рад, но у нас и так экономика впритык, — с явной издевкой произнес директор.

— Да пошли вы! — крикнул Иван, и на втором слоге его голос дал осечку, прозвучав по-детски.

Иван встал и вышел из кабинета. Коля снова вскочил со стула и попытался сказать что-то ободряющее, но быстро осекся: по внешнему виду Ивана все и так было понятно. Саня стоял возле машины с каким-то дедом и живо ему что-то рассказывал. Увидев приближающегося коллегу, теперь уже бывшего, он вел его взглядом, продолжая выдавать деду заученные фразы из рекламного буклета. Иван это почувствовал и не смог уйти просто так: он остановился посреди шоурума и яростно, неистово, непохоже на себя крикнул Сане:

— Чтоб ты сдох, мразь!

На фразу отреагировали все, кто в тот момент находился в павильоне. От спокойного, довольно скрытного и всегда одинакового Ивана никто не ожидал такого эмоционального выплеска. Могло показаться даже, что это какое-то другое существо с резким и звонким голосом завладело его речевым аппаратом для передачи своего послания. Дед вздрогнул от неожиданности, с лица Сани пропала ухмылка — за все время их неприязнь еще ни разу не переходила в открытую фазу, и он не знал, как реагировать. Девушки из кредитного отдела ахнули и развели руками. Ирина

брезгливо отвернулась. Иван с размаху хлопнул дверью, словно желая вбить ее намертво в проем, замуравав всех находящихся внутри.

Для него так и было: символический жест, прощальный салют этому убогому, ненавистному месту. Сейчас его начнут обсуждать, осуждать и, возможно, продолжают это делать еще некоторое время, при случае приводя в пример. Как хорошо, что он этого не услышит. Иван отдавал себе отчет, что это его последнее посещение автосалона «Карград», и нисколько не сожалел. Был он подхвачен какой-то волной, свирепой стихией неведомого чувства, что то ли тащила его на гребне к скалистому берегу, то ли засасывала глубже в свои недра, в свое ничто.

Иван тяжело соображал, но те мысли, что умудрялись просочиться через вязкий, густой барьер, были все как на подбор здоровыми, если не сказать гениальными. Боясь представить себе подобное развитие событий даже пару недель назад, он был убежден теперь, что это не случайность, а закономерный итог какого-то большого дела, подготовленного и реализованного самой природой. Что судьба дала ему шанс переиграть свою жизнь заново, исключив раздражающие моменты и исправив все недочеты. Шанс, выпадающий немногим и только единожды...

Иван шел по городу в автономном режиме, не имея возможности приказать ногам действовать в его интересах. Поначалу это был знакомый уже маршрут до дома, но затем он отклонился и пошел куда-то на задворки, на периферию, по едва знакомым узеньким дворам. Довольно скоро жилой сектор остался позади, и Иван зашагал вдоль облезшего бетонного забора, тянувшегося за горизонт. Вокруг не было ни души, и только близость дороги позволяла не заплутать. Тропа резко ушла от забора и повела перпендикулярно, через скопление бесчисленных краснокаменных цехов, из которых зубочистками торчали маленькие коптящие трубы.

Чем дальше Иван шел, тем безрадостнее становились размышления, будто он выронил из кармана кошелек и каждый шаг отдалял его от возможности вернуться и застать тот нетронутым. Он почувствовал растерянность, не понимая до конца последствий увольнения. В квартире остались вещи, но Иван уже не хотел, не мог туда вернуться, даже если к нему снизойдут до передачи ключа от нового замка. Это было бы проявлением не просто слабости (Иван и не считал себя сильным), а податливости. Что если теща таким образом проверяет его на прочность, на принципиальность и, убедившись в бесхребетности, доведет до полного иступления? Так и ребенку родиться недолго...

Куда деваться, ехать к родителям? Искать новую работу? Извиниться перед женой за то, что ничего ей не делаю? Нет, об этом не могло быть и речи. Нечто, действительно, засело у Ивана в душе, и оно не только говорило его устами, но и тянуло за ниточки совести, склеивало из разбросанных осколков едва живое самолюбие и заставляло думать о случившемся как о пощечине всей его сущности, всему тому, чем он жил последние годы и, казалось, так сильно дорожил. Или нет? Сейчас

гораздо выгоднее было поверить, что Иван никогда не любил ничего, что его окружало, и подсознательно желал взять кувалду и расколоть эти нелепые ширмы, которыми обставил он свое бытие в момент женитьбы. Так было менее обидно, и даже вырисовывался некий посыл. Но реальность за пределами размышлений Ивана была куда прозаичнее: его выгнали из дома, пнули с работы и он мотался по каким-то захолустьям, не зная, куда себя пристроить.

В таком состоянии можно было хоть весь город поперек перепахать, но ни к чему это не приведет. Иван чувствовал, как путаются его мысли, в этот момент ему как никогда прежде захотелось с кем-то поговорить, высказать накипевшее, поделиться тяжестью. Стремясь утолить свою социальную потребность, Иван направился к единственному человеку, на которого мог положиться.

Офис сотовой компании, где работал Стас, располагался на другом конце города, куда Иван умудрился добраться пешком, практически не почувствовав этого. Он не знал точной должности Стаса и даже отдела, поэтому долго добивался у девушки на ресепшене, чтобы она его позвала.

— Как, говорите, фамилия?

— Да я три раза уже повторил.

— Алло, да, Полицук, есть такой? Пусть спустится ко входу. Не знаю, друг какой-то ждет.

— Иван меня зовут, — добавил Иван, продолжая глубоко дышать с дороги.

— Десять минут, — сообщила девушка.

Стас не спустился ни через десять минут, ни через пятнадцать. До конца рабочего дня был целый час, выдержать который представлялось целым испытанием. Поначалу Иван продолжал по инерции ходить от стойки информации до диванчика, но постепенно завод израсходовался, пружина ослабла, он сел. Здесь было шумнее, чем в кафе: повсеместное бубнение и щелканье клавиатуры, которые могло перебить разве что верещание принтера, причем клиенты всё продолжали заходить, вытесняя собой воздух. Иван давно вспотел, но его это не занимало, он даже не удосужился расстегнуть куртку. Странное дело: столько вокруг людей, а никому нет ни малейшего дела до него, до волновавших его вопросов. Если кому-то просто взять и высказать все накипевшее, тот вряд ли обрадуется: не потому даже, что случайный неудачник решил без спроса перед ним исповедаться, а потому, что практически у любого в этом здании наверняка в загашниках пылились истории куда трагичнее и серьезнее, чем новый замок на входной двери и увольнение. Стас спустился по лестнице лишь немногим раньше закрытия, словно сделал одолжение, и друзья вышли на парковку, к машине.

— У нас на этой неделе полный завал, а ты трезвонишь. На мобильник не судьба?

— Разрядился.

Мутно-серый от весенних брызг «киа-рио» поставлен был как-то размашисто, скрадывая два свободных места и затрудняя сквозной проезд. Иван нащупал удобное положение сиденья и принялся пересказывать произошедшие с ним казусы, добавляя к уже известным Стасу случившиеся за день. Несмотря на явное утомление, Иван очень красочно и злобно выражал свое негодование, активно жестикулировал, будто разыгрывая увиденные сцены, и периодически смотрел другу в глаза, сверяя реакцию. Большую часть времени тот следил за дорогой, лишь изредка переводя взгляд на оратора, если тот слишком близко взмахивал конечностью.

— Да чушь какая-то. Как такое бывает? — резюмировал услышанное Стас.

— Вот так. Уволокла дочь на свою сторону.

— Ты серьезно думаешь, в этом дело?

— А в чем? Мне давно мозги промывали. Сначала ненавязчиво, потом церковью этой, теперь вот перешли к прямому воздействию. Говорю же, тесть меня в комнату завел и давай лепетать. Он всегда отмалчивался, а тут...

— М-да-а... Вещи же там? Или забрал? — спросил Стас.

— Ты слушаешь вообще, что я говорю? Ничего я не забирал и не буду. Пусть подавятся. Трусы с носками, что ли, жалко?

— А с тачкой что? — вспомнил Стас.

— Ничего. Все равно на ней не ездил, считай...

— Кредит на тебя ведь оформлен.

Иван призадумался.

— Отбирать-то приставы приедут по месту прописки.

— Ты там разве? — удивленно спросил Стас, хотя он знал, где Иван прописан. Просто такая информация имеет свойство быстро забываться.

— Там.

— Можно тогда через суд дверь взломать, — дал совет друг.

— Больно надо. Пусть сама разгребает.

Стас катил по привычному маршруту и, лишь почти приехав, опомнился:

— Так тебя к родителям везти?

— Получается. Куда еще.

Машина развернулась на кольце и устремилась в противоположном направлении, к выезду из города, где в такое время обычно набирается неплохая толкучка. Трафик начал уплотняться, скорость снижалась, колбаса из желающих попасть домой заполнила улицу и замерла перед светофором, не способным справиться с такими объемами. Стас вздохнул. Было ясно, что он готовился провести вечер не так.

— Теперь мои ждать устанут.

— Подумаешь, отдохнут.

— Чего это им отдыхать? — удивленно спросил Стас.

Иван почесал нос кулаком.

— Значит, ты отдохнешь.

— Чего это мне отдыхать? — снова спросил Стас.

— А то не устал?

— Устал. Вот дома ноги и вытяну, на кровати.

— Так тебе и дали, — ухмыльнулся Иван. Стас как-то неодобрительно задергал головой.

— Меня пока никто не выселяет.

— С оружием всю ночь сыном сам съедешь, — сказал Иван.

— Больно ты знаешь.

— Не знаю...

— Вот и хрен.

— ...Но догадываюсь.

— Нашелся догадыватель. И до чего эти догадки тебя довели?

— До чего?

— Обрюхатил бы давно жену, сидел сейчас дома, а не тут. И никаких проблем...

Гневно посмотрев на Стаса, Иван начал непроизвольно жестиковать, словно этими хаотичными взмахами объяснял свою позицию.

— Ты-то не начинай. Мне, наверное, виднее, что бы я сделал, а что нет...

— Еще бы. Люди все нормальные детьми обзаводятся, а тебе не хочется, не нравится.

— Ага, дальше? — подначивал друга Иван.

— С работы швырнули, квартиру заперли, теща даже дверь не открывает. Тридцать лет скоро, а все как школьник размышляешь!

— Значит, вот как, да? То есть я и выбирать за себя уже не могу?

— Выбирать надо в свою пользу, а не в ущерб всему. Что толку от твоей принципиальности?

Стас был явно не в духе. Обычно они не обсуждали этой темы, но даже если и касались вскользь, то реакция была спокойной и сдержанной. Сейчас же его понесло.

— Я все понял. Спасибо, что выслушал, подбодрил. Дружище, — выдавил из себя Иван и отстегнул ремень.

— Ты куда собрался?

— Быстрее пешком дойду!

— Я на хрена сюда ехал тогда? В обе стороны пробка к дыре твоей, куда я теперь? Сиди уж.

— Это вряд ли.

Иван хлопнул дверью и двинулся по тротуару. Стас несколько раз посигналил, чем разозлил передистоящую «газель», из которой показался мясистый палец.

Что же такое происходит? Почему все, с кем Иван так или иначе был связан, ополчились против него? Какую оплошность или провинность он допустил, что судьба так напористо хлестала его по щекам? Только успо-

коившись и немного собравшись с духом, Иван снова почувствовал волну, но был он уже не на гребне, а барахтался кверху ногами возле берега, захлебываясь соленой водой и собирая затылком острые камни.

Улицы погрузились во мрак, и, пока фонари нехотя разгорались, лишь автомобильные фары обдавали окрестность слепящим светом, вынуждая кусты и урны отбрасывать длинные тени. Иван шел по разделяющей район лесополосе, когда-то ухоженной, а теперь дикой и неудобной. Того и гляди утоптанная грунтовка оголит куски старого асфальта, о которые можно легко споткнуться, низко висящие ветки прилетят по лбу своими набухшими почками, а навстречу попадет подозрительный субъект в старом пальто и с опущенной головой, готовый в любой момент воткнуть заточку тебе в бок. Ивану казалось, что даже сам город, до того не вмешивавшийся, очень хотел ему навредить, всячески демонстрируя свое недовольство: трансформаторная подстанция осуждающе гудела, взбесившиеся вороны галдели без умолку, даже появившиеся из ниоткуда четырехэтажные сталинские дома грозно нависали над ним, оправдывая название. Наконец стало можно кое-что разобрать, вдалеке обрисовались контуры остановки, исписанной матюками и затертыми номерами телефонов, довольно старой — таких в центре не встретить.

Автобус плелся неторопливо, по-черепашьи, растягивая время, чтобы собрать больше пассажиров, и Иван был рад, что попался ему на пути. Он решил не испытывать больше свои ноги на прочность и воспользоваться услугами любимого транспорта, который всегда оказывался рядом в нужный момент...

Глава 11

Было что-то неправильное в том, что Иван вновь оказался в родительском доме. Ни о какой ностальгии речи не шло: чувство это характерно для мест, с которыми связаны какие-то счастливые и радостные моменты, но ничего такого он припомнить не мог. Эта удручающе привычная обстановка в комнате, где Иван прожил значительную часть своей жизни, вид из окна на несколько не изменившийся двор с деревянными сараями и гаражами, пятно плесени на потолке, росшее вместе с ним и выработавшее иммунитет ко всем существующим чистящим средствам, даже окрестная территория, изученная вплоть до каждого столба, каждого камня, до гниющего за полем кузова «запорожца» в болоте, — все это свидетельствовало о значительном жизненном откате, как если б ты взял с полки альбом старых фотографий и, засмотревшись, случайно провалился в одну из них. Добравшись до дома, Иван не стал ничего объяснять родителям, отложив беседу на утро. Не придумав, однако, за ночь интересных интерпретаций, он прямо и довольно неуклюже рассказал о ситуации с увольнением и о странном поведении жены с тещей, неосознанно выставив себя совсем какой-то тряпкой и безвольным овощем.

— Ну ты и дурак, Ванька, — заключил отец, зажигая третью сигарету возле приоткрытой форточки на кухне, на что должен был получить немедленный возмущенный комментарий от матери, но ей оказалось не до того.

— Вот так Светлана... — только и сказала она.

Не то чтобы родители как-то конкретно отреагировали на случившееся — скорее, загрузились в молчаливой попытке осмыслить произошедшее. Ситуация отдавала какой-то глупостью, которую можно списать на типичную для молодых ссору, что закончится сама собой, но поведение сватки в эту схему не вписывалось и требовало отдельного уточнения. Потеря же сыном работы воспринималась как куда более серьезный удар. Сойдясь на том, что мать лично позвонит Светлане и потребует объяснений, они отчалили на работу, оставив Ивана наедине с собственными мыслями. Он чувствовал себя никчемно, как если бы пять предыдущих лет жизни ему приснились и надо было заново куда-то деваться. Зарядив телефон с помощью отцовской зарядки, Иван нехотя оделся и вышел во двор. После вчерашнего далеко бродить не хотелось.

Едва отойдя от дома, Иван уже шел по какой-то буквально деревне, где во дворах бегали куры, за заборами торчали кабины тракторов, то и дело слышались удары молотка и шуршание пилы, пахло кострами, а чтобы не уйти по колено в грязь, приходилось ступать по травяным островкам, как назло, скользким. Из общей картины выбивались лишь монструозные коттеджи, облицованные красным или белым декоративным кирпичом, с камерами по периметру. Возле них на асфальтированных пятках были припаркованы машины стоимостью в пол-улицы окрестных халуп.

Он чувствовал себя элементом нерешаемой задачи, уравнения со всеми неизвестными, потому что в упор не видел никакой личной перспективы. Именно из-за недостатка амбиций и интереса к саморазвитию Иван терпел столько лет работу в автосалоне, когда любой нормальный человек свинтил бы оттуда через месяц. Ему не хотелось даже думать о поиске нового места. Все эти годы он как будто закрывал глаза на свою бесполезность, принимая навязанные обществом условия игры, в которой каждый вынужден занимать отведенную роль, невзирая на персональные способности или их полное отсутствие. А ведь Иван был дипломированным специалистом, правда, за прошедшие годы красиво оформленные гербовые листки в твердой синей обложке радовали разве что мать, у которой где-то и валялись. Целеустремленные и деловитые находили себя и безо всяких бумажек, пробираясь через тернии напористо и последовательно, а остальным было сложно самоидентифицироваться даже с внешней помощью, если только их не тыкали носом и силой куда-то не сажали.

Частный сектор был разрезан двухполосной асфальтированной дорогой, ведущей на мост и уходящей дальше, в цивилизацию. Оказавшись на

мосту, Иван решил притормозить и полюбоваться окрестным пейзажем. Вчерашнее как-то резко накатило усталостью: ноги норовили сложиться пополам, руки распустились почти до коленей... Иван облокотился о перила, слишком сильно подав корпус вперед, отчего чуть не навернулся вниз. Под мостом проходило множество железнодорожных путей, переплетенных друг с другом и ведущих к сортировочной станции, наверное, крупнейшей в городе, — вид этот по-своему завораживал. Как говаривал его покойный дед по матери, железная дорога — это целый мир, о котором знает каждый, но не каждый познает.

Дед был повернутым на этой теме, читал бесконечное множество технической литературы, однако работал не машинистом и даже не помощником, а каким-то путейцем, местного сорта чернорабочим. Иван не так хорошо его помнил, все сохранившиеся в памяти моменты так или иначе связывались с «железкой», куда они ходили гулять. Наверняка он много всего рассказывал, только оседали в сознании маленького мальчика не факты, но впечатления: хождения по рельсам, стук колесных пар, свист тифона, запах нагретых солнцем шпал. Однажды Ивана даже запустили в настоящую кабину локомотива, стоявшего в депо, где у деда были товарищи, и вся эта россыпь циферблатов, кнопок, рубильников казалась тогда, да и сейчас бы показалась, чем-то неведомым, неземным, будто это не многотонная стальная коробка для перевозки угля и отдыхающих в Анапу, а космический челнок, готовый в любой момент сорваться и устремиться бороздить просторы далеких галактик. Но Иван не умел всерьез и подолгу, как некоторые, размышлять вселенскими категориями.

Иван решил сесть на бордюр. Сливные решетки были предусмотрительно сданы в чермет, и через солидного размера дыры виднелась земля. Зачем-то он залез туда подошвой, как бы проверяя, сможет ли в дыру протиснуться нога среднестатистического человека — да, с запасом. Машины по мосту ездили достаточно редко, и можно было услышать, как под ним жужжали изоляторы контактной сети.

Железная дорога виделась Ивану вещью действительно внушительной: ладно скроенный, сложный механизм, не знавший отдыха; здесь все предугадано, просчитано и подчиняется своей внутренней логике. Днем и ночью там сновали электрички; пассажирские составы, встав на стоянку, выпускали на перрон размяться и прикупить пирожков засахарившихся за долгую дорогу пассажиров; грузовые вагоны бесконечной вереницей тянулись со всех краев страны, забитые углем, древесиной, зерном и еще черт знает чем. Или даже кем. Ивану вспомнилось, как однажды по телевизору показали сюжет про школьников, которые катались на крышах вагонов, делая это, конечно, не из-за невозможности заплатить за проезд, а из чисто ребяческих побуждений, в поисках впечатлений. Все-таки наша страна не Индия и не Африка, найти способ ехать в салоне может даже самый распоследний маргинал, с чем согласится любой, кто хоть раз пере-

ступал порог вагона пригородной электрички. Было в этих поездках на крышах что-то не столько экстремальное и противоестественное, сколько романтическое, душевное. Особенно если говорить не об электричках, на которых все равно далеко не уедешь, а о грузовых, товарных составах, пути которых, в сущности, неисповедимы. Ведь были же наверняка люди, которые целенаправленно подобным образом передвигались по стране. Не могло не быть.

Холод бетона, не успевшего еще нагреться, уже передавался Ивану. На улице был далеко не июль и довольно прохладно. Спустившись с моста, Иван решил прогуляться вдоль путей. С земли вид не столь впечатлял, зато можно было разглядеть вагоны во всех подробностях. В большинстве своем оказывались они совсем уж грязными, черными от мазута и пыли, с ржавыми бортами; в редком случае — наоборот, слишком стерильными, выбивающимися из рядов своей нетипичной новизной, — на таких, как правило, был нанесен логотип одной крупной транспортной компании, что многое объясняло. Прямоугольные вагоны без крыши наверняка составляли основу всех перевозок: некоторые составы формировались только из них, и такая одинаковость выглядела забавно. Иногда попадались высокие вагоны с крышей, почти подпирающей контактную сеть, — вряд ли кто-то смог бы тут с комфортом разместиться, зная, что на расстоянии вытянутой руки висит провод в несколько тысяч вольт. Были еще экземпляры со скошенными краями, походившие на мусорные контейнеры, — в них, видимо, сгружали что-то сыпучее, потому что под брюхом располагались люки, как у танка. Цистерн тоже хватало, но Ивану они как-то не приглянулись, так как от обычных автомобильных бензовозов не отличались — разве что в пробках не стояли.

Ивана чем-то привлекала идея путешествия на грузовых поездках, он и разглядывал вагоны уже с какой-то прагматической позиции. У каждого были маленькие лесенки, вроде подножек, и большие, с тыльной стороны, ведущие наверх. Не совсем понятно их первоначальное назначение, но выглядели они настолько доступно и удобно, что у Ивана не возникло и тени сомнения в возможности их использования. Да и для того, чтобы залезть на крышу, не требовалось никаких навыков или спортивной подготовки — достаточно уметь ходить и сжимать кисти рук. По крайней мере, со стороны казалось именно так.

Желудку же казалось, что пора чем-то перекусить. Так как налички у Ивана почти не осталось, а о существовании кредитных карт местные магазины узнают лет через десять, решено было проинспектировать родительский холодильник, где не могло чего-нибудь не быть.

Для разнообразия Иван решил вернуться другим путем. Особых различий это не принесло, вокруг торчали те же деревянные хаты и извивалась грязная грунтовка. Все казалось таким одинаковым, что только подготовленный человек, знавший эти места наизусть, смог бы тут не потеряться. В теории Иван мог считаться таковым, но он с детства не от-

личался топографической памятью. В любом случае, от случайной встречи ему не удалось отвертеться. На крыльце подъезда двухэтажки сидел парень и пускал кольца сигаретного дыма, наблюдая за их рассеиванием. При виде Ивана он сначала не обратил на него никакого внимания, а потом бодро привстал и заулыбался:

— О, Ваню! Какие люди!

— Привет, Женя, — вяло произнес Иван, явно не радуясь встрече.

— Как дела?

— Ничего, а у тебя?

— Нормалек. Какими судьбами? — растянув рот во всю ширь лица, улыбнулся Женя.

— Да вот, родителей проведать зашел.

— Так они ж на работе небось.

Иван отошел в сторону, чтобы на него не дымили.

— Подожду. Ты сам чего не на работе? Отлыниваешь?

— А чего мне, я человек свободный. Мойку открыл. Утром принял, вечером кассу снял.

— Бизнесмен? — произнес Иван с неким налетом сарказма. Собеседник, однако, этого не понял.

— Типа того. Заезжай, сделаю скидочку.

— Да нет, спасибо.

— Тачка-то есть? Что-то я не вижу тут чужих машин, — спросил Женя и осмотрел двор во всех направлениях.

— На ней жена ездит...

— Бабу за руль пустил? Ну молодец, молодец.

Наступила неудобная пауза. Всегда эти паузы встречаются там, где не ждешь, но само их наличие многое говорит о субъектах беседы.

— А ты все там же трудишься?

— Да, — не очень уверенно произнес Иван.

— Неужели не надоело?

— Пойдет... Ладно, давай, удачи...

Иван протянул руку в надежде попрощаться и уйти.

— Может, ко мне заглянешь? Я там ремонтик забахал.

— Не.

— Фуршет накрою. Давай, чё ты, сколько не виделись...

— Я не пью, — объяснил Иван.

— И не куришь?

— И не курю.

— Плохи дела. Ну, смотри, — сказал Женя и наконец потерял даже мнимый интерес к продолжению разговора.

— Пока, — Иван протянул руку.

— Увидимся.

Пускай это всего лишь фигура речи, но видется Иван больше не хотел. Женя был другом детства, соседом, с которым они одно время

плотно общались. Учился он в другой, местной школе и был характера своеобразного: шального, ищущего приключений, но в чем-то предприимчивого. Курение на чердаке, пивко, водочка, легкие трения со стражами правопорядка — до детской комнаты милиции дело не доходило, но Ивану это все равно не нравилось. Он предпочитал чуть менее рискованных друзей, например Стаса.

Вот только Стас жил далеко и вне занятий они начали пересекаться довольно поздно, тогда как Женёк был его своеобразным дворовым заменителем. Впоследствии в компанию добавились другие ребята, и Иван постепенно оказался объектом подтрунивания, что его не устраивало. Посему он порвал с ними все связи и около дома гулять перестал. Было даже немного радостно, что Женёк нашел себе применение, а не спился и не пошел по этапу на восток, как вполне могло произойти.

В холодильнике оказалось не так много съестного, но наскрести нормальный обед вполне получалось. Иван водрузил на плиту кастрюлю горохового супа, обильно заправил майонезом какой-то овощной салат и развел чай из первого попавшегося пакетика. Возможно, он даже немного переоценил чувство голода, потому что после первого уже ничего не хотелось. Выбрасывать же не хотелось еще сильнее, поэтому через силу второе тоже было уговорено и затоплено чаем. Давненько Иван не бездельничал в будний день: болел он нечасто, а отпуск пролетал быстро и как-то впустую. Тело ломило, накатывал сон, и, так как делать было, в сущности, нечего, он поддался сигналам организма, разместившись на диване. Весеннее солнце уже ощутимо грело через стекло, из приоткрытой форточки слышалось воодушевленное верещание птиц, а собаки, взбудораженные проехавшим грузовиком со скрипучими бортами, пытались друг друга перелаять.

Ивану удалось расслабиться и на какое-то мгновение забыть обо всем, что его тревожило. В голове крутились несвязные мысли. Мысли эти позволяли ему парить по комнате в любом направлении и за ее пределами, крутя пируэты и петли. Он чувствовал себя полиэтиленовым пакетом, настолько легким и прозрачным, что гравитация даже не пыталась расходовать на него силы, позволяя вести себя очень вольно. Если бы не настойчивое тиканье настенных часов «Янтарь», на котором периодически фиксировался слух, связывавший Ивана с реальностью, он так и остался бы во сне, где существовать оказывалось проще, естественнее и веселее, чем в жизни. Сложно сказать, сколько прошло времени, — казалось, не больше часа, но, приоткрыв глаза, Иван обнаружил, что комната потускнела, за окном стихло, а утыканная мелкими иголками рука явно залежалась. Вставать все равно не хотелось, поэтому решено было повернуться на бок и еще чуть-чуть поваляться.

Немного погода за окном послышалось шуршание шипов по асфальту — какой-то чужак не переобулся с зимы и теперь портил резину. Звук приближался и слышен был прямо под окнами — видимо, чужак местный.

В подъезд вошли, и Иван решил, что это соседи с первого этажа, так как на их площадке вроде бы ни у кого машин не водилось, а отец ставил свою в гараж напротив. Топанье по лестнице явно свидетельствовало об обратном. До последнего Иван придумывал отговорки, но тут в дверь позвонили. Все-таки родители. Спокойствие нарушено, ведь с ними молча не посидишь. Зачем-то он решил посмотреть в глазок... и попятился. Вернувшись к окну, он поглядел во двор и увидел размашисто припаркованный у дерева «шевроле-круз», такой знакомый. Серая «четверка» отца раскорячилась на половину двора, будто специально перекрыв выезд и «крузу», и всем соседям. Несколько растерявшись, Иван не мог решить, как поступить, а тем временем звонок продолжал противно сверлить. Настолько невыносимым был его звук, как от перфоратора, что рука сама потянулась к защелке, лишь бы эту пытку прекратить. На порог зашла Светлана Евгеньевна, за которой пристроилась жена. Пока они разувались в скромного размера прихожей, мать торчала в коридоре с гроздьями пакетов.

— Ванечка, привет, мой дорогой! — радостно начала теща. — Забери пакеты, чего стоишь?

Иван, не зная, как реагировать, повиновался и ухватил три тяжелых баула. Внеся на кухню, он поставил их у стола и отошел в сторону. За спиной в этот момент материализовались бабка жены и тетя Валя — так внезапно, что Иван вздрогнул.

— Сейчас мы быстренько все организуем, подождите полчаса, — сказала мать, едва попав в квартиру и сняв с себя куртку.

— Да я помогу, не беспокойся. Давай пока овощи нарежу, — любезно предложила теща.

— Сиди, а мы зря пришли, что ли, — заявила бабка, извлекая огурцы и помидоры из пакета.

Жена стояла в стороне, разглядывая мельтешащих родственниц, — как и Иван. Он был настолько удивлен происходящим, что не мог даже слова из себя выудить.

— Я пока телевизор дерну, а то тишина какая, — заявила тетя Валя и стала искать пульт, всем мешая, — где «лентяйка» у вас?

— Кнопкой, — посоветовала мать.

— Не маячь, возьми вон колбасу с сыром нарежь, — скомандовала бабка.

— Оставьте это дело колбасному мастеру!

Павел Максимович с отцом протиснулись в кухню, где отродясь столько людей не водилось, принеся с собой сигаретного дыму и еще один пакет, звенящий стеклом. Иван решил запереть дверь, чтобы вдруг еще кто не зашел.

— Так, девчонки, пустите к холодильнику, — на редкость веселым голосом сказал отец.

— Одну давай сюда сразу, — тетя Валя выхватила из его рук бутылку водки и водрузила на стол.

Отец открыл холодильник и разместил в двери еще две бутылки, какую-то темную настойку, а шампанское уже не влезло, и его пришлось боком утрамбовать на верхней полке.

— Мужики, стол отодвиньте вот так, — бабка развела руками, показывая, что она имела в виду. Иван дернулся было на призыв, но отец с тестем справились без него.

Устав стоять, жена прошла в комнату и села на диван, покрывало которого наполовину сползло к полу. Она как-то брезгливо осмотрелась, будто ни разу здесь не была, и, нащупав на спинке пульт, нажала большую красную кнопку, скорее машинально, потому что нельзя сесть на диван и не включить телевизор. Взгляд ее, однако, был направлен не на экран, а куда-то в сервант, в котором пылился ни разу не использованный сервиз. Одного бокала не доставало. На кухне и в комнате шел один и тот же канал, но между ними была едва заметная задержка, явно слышимая сейчас: каждая фраза ток-шоу проговаривалась дважды, а крики и ругань, без которых подобные передачи обойтись не могут, превращались в назойливое эхо, смешиваясь с бубнением родственников в трудно перевариваемый балаган.

На Ивана никто не обращал внимания. Словно он слился с фактурой обоев или стал предметом обихода, до которого пока не было дела. Казалось, если даже встать посередине, мешая остальным, его просто будут обходить. Это выглядело особенно странно, учитывая, что причиной застолья являлись именно они с женой, — родственники решили таким неуклюжим образом сгладить углы их отношений, в чем не было ни малейшего сомнения. Люди, которые редко между собой общались и еще реже виделись, вели себя как старые знакомые, хихикали и перемигивались. Был в этом всем какой-то явно нездоровый налет позерства, и Иван даже пару раз приложился рукой об угол шкафа, надеясь удостовериться, что еще спит. Кое-что хорошее в этом все же было: одной проблемой скоро станет меньше, ведь после отвратительных сцен пьянки и пожеланий больше не ссориться он сможет вернуться в квартиру, к своим вещам.

«Поляну» накрыли весьма оперативно. Если бы кому пришло в голову включить секундомер и замерить время, могло вполне сойти за рекорд. Жену позвали из комнаты, тетя Валя с бабушкой сели в проходе, пододвигая к себе тарелки съестного, Павел Максимович с отцом уже прицеливались к рюмкам, мать с тещей сгрудили треугольные ломти хлеба в корзинку. Ивану самому нужно было догадаться занять свободное место, что он и сделал. Телевизор приглушили, и кухня погрузилась в тишину. Все сориентировали головы по Ивану и терпеливо смотрели, не двигаясь и не приступая к еде, ожидая какой-то команды. Ему стало стыдно от такого внезапного внимания к своей персоне.

— Что празднуем? — спросил он наивно, хотя, конечно, все понимал.

Все продолжали сидеть, как под гипнозом. Иван не придумал ничего лучше, как потянуться за запечатанной водкой, хотя стояла на столе и открытая. Неудачно сдернув крышку, он пролил немного на скатерть, надеживая себе в рюмку. На лице тещи украдкой блеснула снисходительная улыбка, едва заметное искривление уголков губ.

— Выпьем? — совершенно нелепо заявил Иван, вставая. Жена все это время отрешенно наблюдала за его действиями. Затем она как-то резко переменялась в лице и заявила:

— Я беременна.

В этот момент кухню сотрясло таким громом ликования, что все стеклянные предметы, подобно радиоприемникам, поймали эту волну и стали в такт звенеть. Родственники истошно вопили, с перерывом на опрокидывание рюмки и поиск огурца, а затем потянулись к Ивану. Он так и продолжил бы держать рюмку, если бы ее не выбили из рук ему на джинсы в радостном желании взъерошить волосы, хлопнуть по плечу или за что-нибудь ущипнуть. Какого-то ответа от Ивана не ждали, поэтому все довольно быстро вернулись за стол, громко разговаривая. Жена уселась мужу на колени и поцеловала его каким-то дежурным, сухим поцелуем. Послышались одобрительные стоны и аплодисменты.

— Ну, дорогой, ты рад? — шепнула Ивану на ухо жена.

— Какой... срок?

— Три недели.

Он почувствовал, что комната начала медленно поворачиваться, меня перспективу и обесцвечиваясь. Хотелось вдохнуть полной грудью, дыхание срывалось, и приходилось накачивать нужный объем кислорода малыми, но частыми порциями.

— Ты чего?

— Тошнит... немного.

— Тебя-то? — ухмыльнулась жена и разжала кольцо из рук, что держала вокруг шеи мужа. — От радости ошеломило?

Иван неуверенно, но утвердительно кивнул.

Накопив нужный градус, родственники стали задвигать душещипательные тосты, очевидные по содержанию и оттого еще более нелепые в своей тупости.

— На одного мужика у вас теперь в семье прибыло, — заключила тетя Валя, криво скалясь над собственной шуткой.

— Ну, сын! Хорошего пацана заделал? — спросил отец.

— Какого еще пацана? Может, девка уродится? — возразила бабка.

— Хватит нам девок, девать их некуда, — добавил Павел Максимович и получил от тещи легкую затрепину.

— Главное — ощущать ответственность, сынок. Это серьезный и важный этап... — пыталась вставить напутствие мать, но ей договорить не дали.

— Давно пора! В их возрасте дети уж в школу ходят, — заметила тетя Валя.

— Как назовете? — спросила теща, смотря на Ивана, но очевидно адресуя вопрос дочери.

— Дочку Паулиной, а сына Серджио, — пошутила жена. Шутку не поняли.

— Нам таких не надобно, уж извольте традиционно: в честь дедов и бабушек.

— Тю, надо по гороскопу. В газете писали, как правильно называть, чтобы счастливая жизнь была. По месяцу там... — умничала бабка.

— Чего вы шкуру неубитого медведя делите. Успеем придумать, — заключила мать.

— Давайте выпьем за семью, скрепленную наконец самым главным, неразрывным фактором, — сказал отец, достав шампанское и чуть его не разбив.

— Чего? Скажи сразу: за дете-ей! — поправила его тетя Валя.

— За детей и их детей, — исправился отец.

— Ура!

— Пьем!

Все подхватили тост. Стандартное застолье продолжилось в своем привычном ключе: воспоминаниями о молодости, курьезами из детства детей, спорами за жизнь, песнями. Жена явно не собиралась здесь задерживаться и потащила Ивана в прихожую, где он незаметно для себя оделся. Родственники, естественно, спросили, куда они собрались и почему не хотят остаться, но как-то вяло, для отчетности, ведь вечер все равно продолжится без них. Иван собачонкой пошел к машине.

Жена неумело тронулась с места, пробуксовывая, и неторопливо выехала со двора, постоянно оглядываясь по сторонам, так как фонари еще не включили и видно было плоховато. Иван не мог до конца понять, где он: сном это не являлось, в чем он успел убедиться, но на реальность походило еще меньше. Его, действительно, подташнивало, кружилась голова, он чувствовал: еще немного — и все завертится так, что вид из окна рассыплется на светящиеся куски калейдоскопа, а сознание померкнет. От мокрого пятна на джинсах тянуло водкой.

— Теперь заживем, — сказала жена, и по ее интонации сложно было просчитать степень заложенного во фразу сарказма.

— Меня уволили.

— Знаю... Ну и дурак.

Иван прижался лбом к боковому стеклу, разглядывая отражение приборной панели и магнитолы, что наслаивалось на плывущий мимо район. На каждой дорожной выбоине голова чуть отскакивала от стекла, несильно о него ударяясь. Ивану хотелось, чтобы машина угодила в огромную яму и он со всей силы треснулся бы виском о дверь, но жена, как назло, ехала неторопливо и аккуратно.

Было совершенно непонятно, что делать дальше и что случится на следующий день. Жизнь сулила быть как никогда скучной и предсказуемо унылой, ведь чем-то иным удивить уже не выйдет, все карты раскрыты, тузы выведены. Такого примирения Иван не ждал...

Глава 12

Ночь Иван провел плохо, хотя спал не на кухне. Он долго вертел в голове различные варианты своего будущего и лишь в промежутке между этим недолго дремал, пробуждаясь от любого шороха. Жена лежала на боку, иногда переворачиваясь на спину, и негромко посапывала. Иван не мог свыкнуться с мыслью, что в этом теле, где-то возле желудка, обвитый кишками и красными сосудами, зреет маленький человек, пока еще бесформенная личинка. Его личинка. Со временем она обретет понятные очертания, начнет толкаться и постепенно вылезет наружу, осматривая незнакомый мир ничего не понимающими глазами. Чиновники нарисуют единицу в ежегодной статистике рождаемости и радостно отчитаются о показателях прироста населения. Было понятно, что ни о каком аборте не могло идти речи: если это слово услышит Светлана Евгеньевна, последствия окажутся самыми печальными, невзирая на мнение дочери. Тем более что у дочери никакого мнения не было, и она приняла эту ношу по-своему безразлично, как принимают выступившую на лице сыпь. Тревожило Ивана другое: он был практически уверен в невозможности подобного развития событий, насколько вообще мужчина может быть в этом уверен.

Настал выходной, и жена звала Ивана пройтись по магазинам, дабы прикинуть стоимость детских товаров. Он не хотел этим заниматься, но сплавить жену было необходимо, поэтому путем уговоров выбор был сделан в пользу компании Насти — подруги с работы, с которой у нее теперь появились общие интересы. Оставшись в одиночестве, Иван зачем-то стал таскать свои вещи на диван, как бы делая ревизию. По несколько раз пересчитав майки с трусами, он положил их на место и потом снова достал. В попытке развести быстрорастворимый кофе он два раза насыпал в стакан сахар, при этом залив его холодной водой, потому что на выключенной конфорке подогревать чайник оказалось непродуктивно. Поставив же в микроволновку тарелку слипшегося плова, Иван повернул таймер в обратную сторону, пустив его на девяносто пять минут, благо — заподозрил неладное на десятой и аппаратуру не сжег. Есть полученную субстанцию, конечно, не хотелось. Все валилось из рук. При некоторой природной рассеянности таких странностей за ним все же не водилось. Забредя в ванную помыть руки, он встретил в зеркале свое нетипично бледное, болезненное лицо, которое и клубничным мылом не румянилось. Внезапно возникшая идея тяготила Ивана, но признаться себе в этом он боялся.

Роясь в шкафу, Иван бросал на пол разноцветные пледы, старые тряпки и не совсем старые рубашки с блузками. Он искал свой школьный рюкзак, который забрал из дома еще года три назад для поездки на пикник со Стасом и с тех пор не видел. Перелопатив все возможные полки, Иван с удивлением обнаружил пропажу в диване, куда ее, очевидно, затиснула жена во время уборки. Рюкзак, темно-синий, с голубыми застежками и нелепо вышитой надписью «SportEX Pro», был куплен на школьном базаре за полторы тысячи рублей во времена, когда это еще считалось солидной суммой. Отряхнув его от пыли, Иван стал разглядывать внутренние отсеки, что-то прикидывая.

В копившиеся месяцами пакеты из «Пятерочки» он завернул зубную щетку, бритву и пасту. Термос тоже пошел в дело — заправленный чаем, он немного протекал в месте сопряжения крышки и корпуса, отчего держать его следовало строго вертикально. Неровно нарубленные бутерброды в фольге разместились в переднем кармане рюкзака. В общем, было очевидно, что Иван собирал пожитки, удивляясь своей решительности. Он несколько раз примерял рюкзак, выбрасывал или добавлял что-то, достигая нужного веса. Ему хотелось оставаться мобильным, чтобы спину не тянуло. К слову о мобильном: Иван вспомнил о подаренном когда-то на день рождения переносном аккумуляторе и поставил его заряжаться, хотя за годы бездействия тот явно растерял свою емкость.

Послышался скрежет ключа в замке. Иван поспешил закинуть вещи обратно, скручивая их комом. Жена, по обыкновению, швырнула боты на пол и тихо прошагала в уборную. Не придумав, куда деть рюкзак, Иван утрамбовал его на шифоньер, едва просунув под нависающим потолком. Минут тридцать понадобилось жене, чтобы поесть, и только тогда она вошла в комнату. Иван сидел на диване, как провинившийся школьник, смиренно положив руки на колени и держа спину прямо. Был он одет в джинсы и водолазку, как будто только пришел с улицы.

— Знаешь, цены просто безумные, — сообщила жена, — я и не думала, что это так дорого все.

— Ну, да.

— Кроватки от пятнадцати тысяч, комплекты одежды только за первый год четыре раза менять надо, подгузники по...

— Не рано ли?

— Настя советует раньше начать деньги откладывать, а то потом сложно будет.

— Наверное, — буднично согласился Иван.

— Надо тебе работу, короче, искать побыстрее, чтобы успеть накопить. Ты ничего не смотрел?

— Нет.

Жена тяжело вздохнула.

— Надо у отца спрашивать, может...

— Откуда ты узнала, что меня уволили?

— Позвонили на домашний, попросили передать...

— Кто?

— Парень какой-то. Твой коллега, видимо. А что?

— Ничего, — отстраненно произнес Иван. — Зачем эта клоунада с замком?

Жена открыла дверцу шкафа и рылась в шкатулке с медикаментами. Она не сразу начала отвечать.

— Я ключи потеряла, а мать сказала, что надо сразу замок менять...

— То есть меня не нужно предупреждать? — прямо спросил Иван.

— Ну, не сердись!

Подойдя к Ивану, жена поцеловала его в щеку. Затем вернулась к ковчегу в шкафу и продолжила свою болтовню.

— В общем, траты предстоят большие. Аж башка болит. Надо родителей напрячь.

— Спроси у своих подруг, может, у кого остались вещи...

— Ты чё? Хочешь, чтобы твой ребенок обноски донашивал?

— А что такого?

— Ничего!

Жена злобно хлопнула дверцей, держа в одной руке пластину зеленых капсул. От удара распахнулась другая дверца, и утрамбованные вещи повалились на пол. От неожиданности жена дернулась. Иван опасливо поглядывал на рюкзак.

— Ты лазил туда?

— Нет.

Иван поспешил сложить вещи на место.

— Я помню, что там все аккуратно лежало.

— Ну... Я рубашку искал.

— Нашел?

— Да.

Подняв с пола первую попавшуюся тряпку, Иван повертел ее в руке. Жена подозрительно взглянула на мятый, заношенный кусок материи.

— Это как бы моя.

— Хм. И правда.

Выхватив из рук рубашку, жена сказала:

— Говно, надо выбросить.

Она выдавила капсулу из упаковки и пошла на кухню за водой, схватив блузку. Иван хотел было сдернуть рюкзак и оттащить его в коридор, но не успел и остался стоять в центре комнаты. Жена вернулась, села на диван, заложив ноги под себя, и включила телевизор. Больше они не разговаривали. Иван разместился рядом и ждал момента, когда она отлучится. Ждать пришлось долго, и он постепенно залип в экран, показывающий какой-то зарубежный детективный сериал. Озвучка была

сделана халтурно, то и дело слух цеплялся за оригинальную дорожку. И хоть Иван плохо знал английский, это все равно немного мешало воспринимать происходящее. Редкий случай, когда он ждал появления рекламы, но оказалось, что на этом канале ее просто нет. Жена тоже была не готова к отсутствию пауз, потому что начала ерзать, но пропускать развитие сюжета все же не хотела.

Иван постепенно терял уверенность — она рассасывалась вместе с погружением в сериальные перипетии. Было тепло, мягкий диван приятно обволакивал тело, насыщая его ленью, легкая сонливость укутывала голову. Как никогда прежде ощущалась гипнотическая сила телевидения. Иван даже не сразу понял, что жена встала и ушла, — до него это дошло, когда хлопнула дверь в ванную комнату. В этот же момент он почти рефлекторно махнул к шкафу, взял рюкзак и мгновенно оказался в прихожей, где спрятал его с тыльной стороны обувной полки. Замшевые боты тридцать девятого размера валялись возле коврика, так как жена не была особо бережливой, и Иван аккуратно поставил их у стены, чего никогда не делал. Разминувшись с ней в узком коридоре, он почувствовал приторный запах клубники и сделал вид, что идет на кухню.

Постояв там с минуту, Иван, не заходя в комнату, двинулся к выходу, зашнуровал ботинки, нацепил куртку и взял за лямку рюкзак. Зачем-то он пару раз топнул ногой, привлекая внимание. Лишь после щелчка замком из комнаты послышался голос жены.

— Ты куда?

— Со Стасом... встречусь, — промямлил Иван.

— Давай недолго.

Иван аккуратно прикрыл дверь и взвалил на спину рюкзак. Был он все-таки тяжелее, чем предполагалось, но уж какой получился. У подъезда на лавке сидела баба Надя и крошила батон, на радость голубям.

— Помирился с женой-та?

— Вроде.

— Дело житейское. Гули-гули...

Воробей сидел на заборчике у клумбы и внимательно следил за раздачей батона. Как только появилась возможность, он резко подлетел к куску и выхватил его прямо из-под клюва неуклюжего голубя. Крошек вокруг валялось немерено, но почему-то его забавляло именно обирать другого, как будто в этом и состоял самый азарт.

— А ну пошел, бандит! Ишь чего творит.

Отделение банка располагалось неподалеку. Иван хотел снять с карты немного наличных, потому что даже на проезд уже не хватало. Внутри, как обычно, торчала прорва людей. К менеджерам в зале тоже не прорваться. Девушки в бирюзовой форме даже не стали подходить к Ивану с вопросами и всем своим видом давали понять, что вконец устали и безмолвно требуют покоя.

Когда Иван получил доступ к аппарату, выяснилось, что мелкие купюры уже растащили, и пришлось довольствоваться пятисотками. Кондукторы в общественном транспорте плохо относились ко всему, что не гремело, однако молча сдавали и с тысячи. Пятисоточников же они почему-то ненавидели, считая каким-то отребьем, которому лень было купить сигареты для размена, поэтому, отсчитывая сдачу, корчили такие рожи, будто делали одолжение. Но в этот раз повезло, и кондуктор даже выдал сдачу сторублевками вместо горсти мелочи.

Иван добрался до сортировочной станции в обход дома родителей, выйдя сразу к мосту. В этот раз состав стоял поменьше, и территория хорошо просматривалась насквозь. Спустившись вниз, он поплелся вдоль путей, спотыкаясь о щебенку. Иван зашел довольно далеко и оказался окружен рядами однотипных вагонов. Где-то совсем рядом послышались металлические стуки — он испугался и даже решил побежать, но потом понял, что не локализовал источник звука, и замер. Между вагонами было видно, как в стороне, через несколько путей, вдоль состава ходили люди в оранжевых жилетах и стучали молотком по колесам, пытаясь таким нехитрым способом определить какую-то неисправность. Было это не очень близко, однако Иван все равно решил перестраховаться и вернуться назад, в самый хвост состава, где его точно никто не потревожит. Проходя под мостом, он удивился, как объемно гремит проезжающая по нему машина, а опоры дрожат.

Два парня в спортивных возле жилых домов противно ржали. Ивану стало неприятно, что кто-то может его увидеть, поэтому он поспешил забраться в какой-нибудь вагон, отсеяв те, что с крышей, и платформы. Схватившись руками за лестницу, он поднялся наверх и посмотрел внутрь — уголь был насыпан почти до краев. Иван слез и опасливо огляделся — парни продолжали ржать где-то за кустами, но вряд ли над ним. Затем проверил второй вагон — то же самое. В самых опрятных из них было что-то насыпано, ржавые же оказывались пустыми, но настолько испачканными, что лезть туда не хотелось. Руки от поручней покрылись слоем какой-то маслянистой грязи — перчатки оказались бы весьма кстати.

Со стороны станции что-то загрохотало и волной понеслось по всему поезду. Удары прошли сквозь всю вереницу вагонов, и те нервно дернулись, придя в движение. Дернулся и Иван, потому что уши не были готовы к такому напору металлического лязга. Он отошел на соседний путь и наблюдал за уходящим товарняком. По тропинке вдоль домов Иван попал вглубь станции и заметил другой состав. Был он расположен удобно, спрятанный за рядами ржавых цистерн, под которыми уже начинала прорастать трава. Первый же попавшийся вагон оказался пустым и сравнительно чистым, насколько вообще может быть чистой подобная техника. Иван немного растерялся, не зная, как перенести ногу через борт и не испачкаться, ведь держаться особо не за что.

Стоя на последней ступеньке лестницы, он видел содержимое стоящих рядом вагонов и сигналы семафоров. Вряд ли логика автомобильных правил тут применима, поэтому Иван понятия не имел, что они значили. Людей поблизости не было, и только едва различимые фигуры где-то вдалеке крутились возле серой постройки, воткнутой посреди путей. Пересилив себя, Иван нащупал ступеньку с обратной стороны и очень плавно спустился на дно вагона. Борта были пыльными, так что лишний раз прикасаться к ним не хотелось, и высокими, скрывающими из вида все, кроме проводов контактной сети и голубого неба с редкими прозрачными тучами. Прикинув, что в полный рост его легче заметить, Иван сел на корточки и уставился в пол.

Несмотря на кажущуюся изолированность четырьмя железными стенами, происходящее вокруг слышалось отчетливо — сказывалось отсутствие крыши. Пол был испещрен рифлеными засечками, повсюду торчали крепления под тросы для стягивания груза, хотя не совсем понятно, как он мог отсюда выпасть. Иван не имел ясного представления, сколько придется ждать: поезд мог поехать в ту же секунду или через час. Даже через сутки. Впрочем, всегда можно было залезть в другой вагон, другой состав, только вот для подобного требовалась дополнительная инъекция смелости, с чем наблюдался некоторый дефицит.

Первое время Иван чувствовал какое-то волнение, отчего его немало потряхивало, а ладони потели. Ноги затекли, так что Иван протер рукавом небольшой фрагмент борта, чтобы на него опереться, и сел на не менее грязный железный пол, который протирать не имело смысла. Он постоянно готовился к тому, что состав скоро тронется, но спустя полчаса ожидания уже относился к этому попроще — даже гул проносящихся рядом поездов не сильно его впечатлял, хотя рельсы под ними трещали и все вокруг вибрировало. Солнце сменило угол атаки и почти не попадало внутрь, однако там оставалось довольно тепло.

Решив размять затекшие конечности, Иван прополз до противоположной лестницы, немного приподнялся и огляделся. Через рупоры, висевшие на столбах, периодически переговаривались диспетчеры. Иван предположил, что они объявляют отправление и прибытие поездов, хотя сказать с уверенностью было трудно. Через пару путей стоял маневровый локомотив, в окне которого сидел застывший манекеном почти игрушечный машинист. Иван все равно решил спрятаться, чтобы никого не смущать. Где-то рядом зазвенели знакомые постукивания — вдоль состава шел путеец. Появился он внезапно и приближался уверенно. Когда звук раздавался уже в нескольких метрах, Ивану страшно захотелось чихнуть. Такое часто случается в самые неподходящие моменты, и ничего с этим поделать нельзя. Шмяк — удар по первой колесной паре. Иван зажал рукой нос и уткнулся лицом в колени, чтобы минимизировать последствия неизбежного. Путеец, как назло, вышагивал вальяжно, не торопясь, так что,

казалось, щебенка под ним хрустела целую вечность, хотя вагон был немногим длиннее автобуса. Не имея больше сил сдерживаться, Иван глухо чихнул ровно в тот момент, когда молоток отскочил от второй колесной пары. Шаги снаружи стихли. Навострив уши, Иван пытался уловить малейшие звуковые колебания, отчего ему казалось, что даже птицы умолкли и ветер перестал дуть.

— Тьфу.

Путеец смачно высморкался и захрустел дальше. Иван облегченно выдохнул.

У Ивана было достаточно времени для обдумывания своих действий, и он уже почти признался себе, что затеял какую-то ерунду. Вылезать же просто не хотелось, так как второй раз уже не решиться. Здесь он начал чувствовать себя безопасно и даже уютно, словно всю жизнь только и делал, что лазил по вагонам. Захотелось перекусить — из фольги показались два круглых ломтя колбасы с хлебом. Иван представил себя со стороны, и эта нелепая картина даже развеселила его. В общей сложности сидел он уже часа полтора, что начало напрягать. Былой настрой куда-то пропал, похолодало. Раз поезд никуда не ехал — значит, не повезло. Иван аккуратно высунул голову наружу. По мосту вдалеке шагало много людей, время идти с работы, но вряд ли им было интересно вглядываться во всяких праздничношагающих идиотов. Спрыгнув на землю, Иван отошел на свободный путь и стал отряхиваться, придумывая, как будет объясняться перед женой за свою чумазость.

Иван направился домой, чувствуя себя неудачником и дураком. Женский голос из громкоговорителя что-то невнятно вякнул на прощание.

В этот момент где-то вдалеке свистнул локомотив и за спиной прокатилась волна железного грохота. Что-то щелкнуло внутри Ивана, переключило фазу. Он бросился к поезду, выжимая из себя последние силы. Щебенка насыпи съезжала под ногами, и можно было легко нырнуть под колеса, но Ивана это не волновало. Он потерял из виду свой вагон, и, пока пытался сориентироваться, поезд начал ускоряться. Прицелившись к другому вагону, Иван бежал рядом с ним, держась за поручень. Приходилось работать ногами, чтобы поспевать и не клонуть носом в камни. Впереди нарисовался столб, под ним мигал синим сигналом семафор — требовалось срочно запрыгнуть на подножку. Кое-как Иван зацепился одной ногой за подножку, а вторую успел подтянуть, чуть не ударив носком семафор. Ему даже показалось, что край рюкзака шаркнул по столбу.

Было это, впрочем, полбеды — лестница располагалась сбоку вагона, и требовалось перецепить руки, а ногами описать девяностоградусный изгиб. На стоящем составе это не представляло сложности, но теперь... Иван не решался на такой маневр и продолжал стоять на подножке. Очень быстро он оказался посреди станции. Двое путейцев курили у горы

аккуратно сложенных рельсов, из локомотива высунулся помощник машиниста, а из громкоговорителя снова что-то неразборчиво крикнули — Ивану показалось, что все собрались по его душу и сейчас состав остановят. Вагон нервно дрожал, поручень в руках вибрировал. Спрыгнуть на такой скорости уже нельзя.

Поезд покинул сортировочную и следовал мимо пешеходного перехода из деревянных трапиков, на котором собралась уже небольшая группа людей. Иван успел разглядеть их недоумевающие, осуждающие физиономии, проносясь мимо. Он стал примериваться к лестнице правой ногой, сдвинув левую к краю подножки. Он с детства не был человеком пластичным, а уж в такой ситуации подавно — тело не всегда спешило выполнять заданные действия, как будто команды ему подавал не мозг, а заедающий, перемотанный изолентой джойстик. Напрягала близость блестящих колесных пар. На стрелке состав резко дернулся, и ботинок соскользнул с подножки. Получилось, что болтавшаяся в воздухе правая нога легко нашла свое место. Вцепившись в лестницу, до боли сжимая кисти, он посмотрел вниз — рельсы сливались в единый поток, с трудом можно было различить шпалы. Поезд приближался к железнодорожному мосту, его своды выглядели угрожающе, поэтому Иван поспешил перелезть через борт, громко плюхнувшись на дно вагона. Перекрытия расчертили небо, назойливый стук отражался от них и становился объемнее. Внутри уже не было так комфортно: шум, тряска, задувал сверху ветер.

Вагон был грязнее предыдущего, но Иван не стал ничего оттирать и прислонился к борту как есть. Сердце часто сокращалось, по телу гуляла легкая дрожь. Он не верил в происходящее: о том, чтобы вот так взять и уехать, еще недавно можно было только мечтать. За прошедшие годы Иван даже за пределы города не выбирался, не говоря уже о серьезных путешествиях — поездка с родителями в Евпаторию в девятом классе была последним серьезным достижением на данном поприще. Ему стало по-настоящему страшно: в желудке что-то тяжелело, грудь заполнило горячим битумом, мешавшим вдохнуть. Но страх этот не был обычным — не страх, что испытывает человек, когда босс его отчитывает за прогулы и неудовлетворительную работу, когда новенькую, из салона, машину во дворе притерли местные гопники на «жигулях» или когда после внесения платежа за ипотеку не на что купить продуктов. Это был страх перед неизвестностью, тягучий и одновременно воодушевляющий, удушливый, но трепетный, какой всегда бывает перед большими переменами.

Иван не имел ни малейшего представления, чем все это могло закончиться. Не ориентируясь в направлениях, он и примерно не знал, в какую сторону его везут. Какая разница: главное, что там не будет ни тещи, ни жены, ни Санька... Странная радость переполняла Ивана.

(Продолжение следует.)

Светлана МИХЕЕВА

ЛЕСТНИЦА НА УЛИЦЕ ГРЯЗНОВА

* * *

Дождь идет, заполняет собою лес,
Накрепко прошивает собою лес.
Свет сочится сквозь оконный прорез.

Свет сочится, выхватывая из тьмы
Болтовню березовой бахромы.
Или сговор. Или поют псалмы.

Но кому и где? — Темнота кругом.
Выйдешь из дома — и сразу ныряешь в дом.
Жизнь намокла, заброшена на потом.

Белой башкою мерно качает сныть.
При таком дожде мудрено уснуть,
Так стучит, что хочешь ему открыть.

Лестница на улице Грязнова

Собачка приветствует осень пустую,
Старушка качает ведром.
Никто не сметает листву золотую,
Лежащую рыхлым ковром.
Листва пробегает по лестнице длинной,
Встает у ларька на дыбы —
И кажется песенкой некой старинной,
Волной набежавшей судьбы

На лестницу эту кровей деревянных,
 На трап моего корабля,
 О том, что скрывается в крепких бурьянах
 Немного иная земля,
 Подвержена метафизической грусти,
 Проклятью сезонного сна,
 Все плавает, плавает островом узким,
 Безлюдного снега полна.

И вот — приближается к нашей пустыне,
 Где мертвая шепчет листва
 Какие-то вроде слова золотые,
 Последние вроде слова.
 О чем — не понять. Вроде шороха, всхлипа,
 Гуденья в усталой трубе.
 А лестница молвит, охрипши до скрипа:
 — На что они, слышишь, тебе?

Не знаю. Но словно бы видимы резче
 На фоне такого шитва
 Привычно простые, казалось бы, вещи:
 Собачка, старушка, листва
 И ветер, что флору вокруг утончает.
 И на мимолетном ковре
 Собачка отчаянно осень встречает,
 Старушка глубокую воду качает
 В помятом зеленом ведре.

Острова

Вот и камни на берегу в инее, не в росе.
 Бок небесный червов.
 Вот и река застегнулась на все
 пуговицы островов.
 Где-то там пернатый сморчок
 глушит свое чирик
 и тумана тугой тюфячок
 давит на материк.

Хочется спать, но пора идти,
 русло меня ведет.

Жаль, не знает оно пути
в сонный водоворот,
где с таинственностью волхвов
шепчутся мотыльки
возле крохотных островов,
выросших из реки.

Время там вертится у коряг,
мочит прозрачный хвост.
Город холодной влагой набряк
так, что выгнуло мост.
После осеннего грабежа,
ход вещей обнуля,
дрыхнет город и дремлет ржа,
съевшая тополя.

Воеет цех пустой заводской
маятной слободы.
Место человека — покой
в сумраке у воды.
Так что, едва подойдя к черте,
где я — уже ничья,
бодрствую островом в темноте
в зарослях забытья.

* * *

Тлеет желтая заря, поминальная синица.
Все созреет, промолчит, опадет и растворится.

Зверь на цыпочках стоит, дождь вокруг несмело бродит.
Вдруг завоет, налетит, верховодит, хороводит

Ветер. Бредит наяву, разливает кровь по грунту —
Ярко-красную листву, подбивающую к бунту.

Мария КОСОВСКАЯ

БАРБИ

Р а с с к а з

Летом Надя жила у бабушки на даче под Новомосковском и дружила с Алиной, которая была на год старше и окончила уже третий класс. Алина лучше одевалась, лучше знала таблицу умножения, говорила на двух иностранных языках — английском и немецком, — и волосы ее лежали белокурыми локонами. Алина считала себя королевой. Так отчасти и было, ведь папа ее служил в ГДР, и все, от внешности до поведения Алины, несло на себе отпечаток другого, неизвестного мира, из которого она приехала на лето к бабушке в Советский Союз.

Дачи находились в разных концах садового товарищества. Надин участок, вернее бабушкин, располагался первым у входа, и Надя сразу после завтрака садилась у окна ждать, когда Алина и ее бабушка пойдут с автобусной остановки. Они проходили часов около двенадцати, и Надя, едва высидев полчаса, за которые, по ее расчетам, они должны были добраться до своего участка, отправлялась к Алине в гости.

Идя по грунтовой, засыпанной породой из ближайшего терриконика дороге, Надя обрывала с кустов и деревьев, торчащих из заборов, крыжовник, малину, вишню, яблоки-залепухи* и черноплодную рябину, от которой губы и язык синели. Надя шла и фантазировала, что идет по сказочной дороге, как Эли из «Волшебника Изумрудного города», только дорога эта не из желтого кирпича, а из черной угольной пыли и мелких камней, отнесенных ногами дачников на обочины.

Дружить с Алиной было трудно. Она командовала, решала, во что играть, и чуть что — сразу обижалась. Тогда Наде приходилось отправляться в обратный путь. Пополднивав клубничкой с молоком, Надя бралась было помогать бабушке: рубить для кур траву или полоть луковую грядку, но это быстро надоедало, и она, наплевав на гордость, шла к Алине мириться. Ведь надо же было с кем-то дружить.

Алина снисходительно принимала извинения и вела Надю играть под яблоню, где на покрывале были разложены вещи, какие даже представить

* Залепуха (местн.) — незрелый плод.

себе не могла обычная советская девочка: блокнот на салатовой пружине, радужный пенал на молнии, карандаши, рисующие сразу пятью цветами, линейка с меняющимся изображением — то зебра, то гепард, черная сумка с крышкочкой-мышонком, которого зовут Микки-Маус, и об этом «у них» знает каждый дурак. Надя, конечно, хотела бы хоть что-то подобное иметь, но не слишком думала об этом. Надю завораживала, притягивала и гипнотизировала только одна игрушка — кукла Барби.

Барби!

Предмет обожания, запредельная мечта! Красивое личико, изящные руки, длинные ноги, которые кокетливо оставались сдвинутыми и чуть согнутыми в пластиковых коленях, когда куклу сажали. А какие у Барби были наряды: воздушные платья, похожие на зефир, узкие брючки, разноцветные кофточки, сумочки, сапоги, даже туфли на каблучках! Все это не шло ни в какое сравнение с топорными пупсами в трусах и пухлыми куклами в ситцевых сарафанах, сделанными в СССР.

Алина не давала Наде играть с Барби, разрешала только смотреть, как играет сама: переодевала, наряжая то на бал, то на прогулку, подолгу вертела ею у игрушечного зеркала, что-то рассказывая жеманным голосом, как если бы это говорила Барби, потом кукла шла по магазинам или пила в кафе чай из маленьких серебристых чашечек, встречалась с Кеном, они танцевали, ложились спать, а затем Алина укладывала Барби в пластиковую прозрачную коробку и убирала до следующей игры. Надя смотрела на куклу и мечтала, мечтала так, что готова была на воровство: дожидаться, когда Алина выйдет в туалет, схватить Барби, спрятаться с ней под кустом смородины и поиграть хотя бы десять минуток, а потом пусть придут и арестуют ее. Но своровать Надя так и не решилась.

Когда лето кончилось и Надя вернулась домой, она просила маму купить куклу Барби.

— Где же я ее тебе куплю? У нас в магазине не продают таких кукол.

После того лета Надя не виделась с Алиной. То ли Алина не приезжала из своей Германии в Новомосковск, то ли приезжала, но не совпала с Надей, которая все больше времени проводила в городе, со своими школьными друзьями.

Потом у Нади и всех остальных началась новая жизнь: старшие классы и перестройка, «Юпи» и ваучеры, приватизация и закрытие шахт, нищета родителей и поступление в институт в Москве. Воспоминания об Алине растаяли, как след самолета в небе. Осталась память о кукле Барби — неисполненной мечте.

* * *

После первого семестра Надя не поехала домой к родителям, осталась в Москве и устроилась на работу. Продавцом дубленок в Лужники. На рынок нужно было приходиться к семи, надевать вместо своего пуховика

дубленку и ходить в ней вдоль ряда, выкрикивая нехитрое рекламное объявление. Надя стеснялась. Несмелым голосом она взывала к покупателям:

— Дубленки, посмотрите дубленки... Очень хорошие. Отличное качество. Пожалуйста, можно примерить...

— Что ты как раненая? — говорил Мусса, хозяин точки, кривоногий и коренастый азербайджанец со включенной бородой и большими залысинами на покато лбу.

На дубленки никто внимания не обращал, Надю отпихивали, едва скользнув взглядом по ее покрасневшему от мороза лицу. В час пик — часов в одиннадцать — на рынке начиналась давка и стоял такой гвалт, что Надино неуверенное «очень хорошие» терялось в разнородных, но туго сплетенных между собой звуках.

На второй день Мусса прямо с утра сообщил Наде, что работает она последнюю смену. Надя расплакалась. Ее первый раз в жизни увольняли. Весь день она ходила молча, не могла, сколько ни пыталась, выжать из себя ни слова. Сын Муссы, пятнадцатилетний Алибек, весь день о чем-то спорил с отцом на азербайджанском. Юля, вторая продавщица, удивлялась:

— Смотри, какой наглый стал! Как с батьком говорит. Удивительно прямо.

Вечером Мусса, вручая Наде бумажку в сто тысяч — плату за день, сказал:

— Завтра приходи. Даю тебе еще шанс.

Юля, смешливая и легкая в отношении ко всему хохлушка, миловидная и темноглазая, чертила себе стрелки вокруг глаз, обводила губы красным карандашом и полностью выщипывала, а потом рисовала тонкие брови, как делали почему-то все женщины рынка. В сочетании с замерзшим Юлиным лицом это выглядело комично. Зато Юля на рынке была своей. Она взяла над Надей шефство. У нее-то Надя и переняла интонацию и нужный, «торговый» тембр, который заставлял людей оборачиваться и всматриваться в нее. Вскоре Надя уже без стеснения орала, чуть гнусая и растягивая слова:

— Дубле-е-еночки, натуральные дубле-е-еночки! Недо-о-орого. Разные ра-а-азмерчики, модельки, цвета-а-а...

Была в этом слащавом речитативе какая-то магия, которая помогала Наде мимикрировать, становиться как все. Она уже не казалась себе нелепой и уверенно вралась покупателям про европейское качество и большой ассортимент, а потом вела в контейнер «примерить», где Алибек и Мусса закидывали растерянного человека «модными модельками» и «хорошими вариантиками». Покупатели Наде верили, и продажи она подняла. По окончании седьмого дня работы Алибек вместе с зарплатой дал Наде премию, двести тысяч, и пошел провожать ее до метро.

Они шли молча. Надя, которая весь день была в новой приталенной дубленке с меховой оторочкой на капюшоне («Як куколка», — говорила Юля про нее), теперь стеснялась своего заношенного пуховика с темными, затертыми рукавами. Алибек непроницаемо молчал, так как плохо говорил по-русски. Надя исподтишка за ним наблюдала, не понимая, зачем он с ней идет. Юный, с нежной розоватой кожей, с пушком первых усов и густыми сросшимися, как у отца, бровями, он был красив, но по-своему, по-азербайджански. У станции «Спортивная» Алибек посмотрел на нее своими большими глазами в обрамлении густых ресниц и протянул целлофановый пакет. Надя заглянула. Внутри лежали шоколадные батончики: «Марс», «Сникерс» и «Натс», каждого по две штуки.

— Че же тут непонятного, влюбился Алибечек в тебя, — говорила на следующий день Юля, пока они ели дымящиеся на морозе хот-доги и пили из пластиковых стаканчиков кофе «три в одном».

— Да ну, брось, — Надя, задохнувшись от какого-то непонятного волнения, сделала большой глоток кофе и обожгла горло.

— А шо брось-то? У него на лице написано.

— Что мне теперь делать?

— Радуйся! Це ангел-хранитель тебе. Или ты думаешь, у нас як на курорте?

Просыпаться в пять утра было мучительно. Надя чистила зубы, умывалась, одевалась и ела бутерброды не открывая глаз. Ее тело по-детски требовало сна, но сама Надя, приученная к слову «надо», умела эту слабость побеждать. Собираясь, она надевала все самое теплое: несколько кофт, шерстяные колготки, стеганые штаны, пуховик, шапку и обязательно шарф, которым можно замотаться до глаз, чтобы не отморозить щеки.

В семь утра рынок в Лужниках можно было даже назвать красивым. Белые ряды контейнеров тянулись в сумраке наступающего дня. Воздух был заполнен еще не зловонием, а молочной дымкой инея, который искрился в свете непотушенных фонарей. Наде нравилось, что мало народу и видно, как уходит вдаль главная торговая аллея, как медленно и сонно копошатся, раскладывая товары, продавцы, как возвышается каменный Ленин и смотрит на весь этот зарождающийся капитализм со своей недосягаемой коммунистической высоты.

Надя доходила до своей палатки, где уже возился Алибек, который, кажется, ночевал здесь же. Он развешивал дубленки и шубы вдоль ряда на специальные металлические стойки с грубо приваренными перекладинами. Надя заходила внутрь контейнера, переодевалась в новую, самую ладную модель дубленки и выходила на улицу, прохаживалась вдоль ряда, притопывая и припрыгивая, чтобы не так мерзли пальцы в плохоньких сапогах.

— Донду? — смеялся Алибек.

— Замерзла, — улыбалась Надя.

Тогда Алибек приносил свой термос и наливал им обоим крепкий чай: ей — в крышку, себе — в грязную металлическую кружку Муссы. Они пили, сидя на табуретках и стесняясь посмотреть друг другу в лицо. Алибек нарезал раскладным ножичком батончик «Натс» на кусочки.

— Фындык, — говорил он.

— Я «Баунти» люблю. Райское наслаждение, — пожимала плечами Надя.

Мусса притаскивал куртки-пилоты с другой точки, начинал командовать, ругаться: по-русски — на Надю, по-азербайджански — на Алибека. Прибегала вечно опаздывающая Юля. Наваждение утра рассеивалось, и начинался обычный суматошный день.

Побирающихся цыган Надя заметила с первого дня. Они проходили вдоль ряда четыре-пять раз на дню. Шли рассеянным в толпе, растянутым косяком. Впереди обычно катил на деревянной самодельной тележке старый безногий цыган. В руках он держал деревянные бруски, которыми отталкивался от асфальта. Грязный, оборванный, легко одетый, он вызывал у Нади жалостливый спазм в груди. Однажды она даже бросила в его коробку, зажатую меж обрубков ног, небольшого номинала купюру. Цыган остановился, нагло посмотрел на нее и беззубо оскалился. У Нади побежал мороз по рукам.

Юля, проходя мимо нее, подавилась от смеха песочным коржиком:

— Это тебе у него надо милостыню просить!

За безногим цыганом, мелькая в толпе, бежали дети — десяток, а может, два, сосчитать было трудно. Они быстро, как рыбки-гуппи, проскакивали меж людей. Дальше шли цыганские женщины, ярко одетые, в юбках с воланами, в расписных шерстяных платках. Они несли на руках младенцев, завернутых в пуховые шали. Иногда цыганки приставали к людям, попрошайничали или предлагали погадать, но чаще просто шли молча. Надя думала, что, наверно, эта торговая аллея — не основное место их работы, поэтому они не усердствуют. Но зачем ходят, словно заведенные, по одному кругу и всегда почему-то в одном направлении — от центра к краю? Замыкала цыганскую кавалькаду мамка, полная и укутанная в несколько платков старуха с огромной клетчатой сумкой, как у челноков. Она была не так уж сильно похожа на цыганку — ни цветных воланов, ни длинных сережек или ярких бус, — а больше смахивала на пожилую смуглую женщину-оптовика.

Надя прохаживалась вдоль ряда, больно притопывая (жутко замерз большой палец на левой ноге) и зазывая покупателей, когда заметила мужчину в хорошей шапке. Надя обратила на него внимание потому, что он был выше всех и лицо имел хоть и одутловатое, но благородное, хорошо выбритое. Такие лица бывают у потомственных военных. Безногий цыган на своей тележке юркнул между людьми к военному, вытащил из его кармана кошелек и живо передал его в руки мальчишке, а сам свернул

в боковой проход. Нечаянно Надя увидела всю цепочку, по которой цыгане стремительно перекинули украденный кошелек: два пацана, девочка, женщина и, наконец, старуха, которая спрятала его в свой баул и сразу же пошла в противоположную сторону.

— Украли! Бумажник украли! — Лицо мужчины вытянулось, рот приоткрылся. Он растерянно озирался. — Товарищи! Вы не видели? Вот только что! Весь оклад, товарищи!

— Какие тебе товарищи! — сострила торгашка с соседней точки, полная неопрятная баба, которая продавала джинсы. — Тут у нас одни господа.

— Милиция! Милиция! — кричал мужчина.

Надя увидела его в последний раз: обвисшие щеки дрожали. И тут же вокруг него сгрудились люди и скрыли его от Надиных глаз. В толпе мелькнули несколько цыганят.

Мимо прошествовали милиционеры. Надя дернулась было за ними, но Юля ухватила ее за рукав:

— Ты куды?

— Я видела все. Я свидетель...

Юля посмотрела на нее внимательно, и Надя удивилась, какими жесткими вдруг стали черты ее лица.

— Хошь, иди. Только сьмай дубленку. Меня Мусса убьет, если я тебя в его дубленке отпущу.

— Мы же можем помочь, — растерянно сказала Надя и снова дернулась в сторону толпы.

Но Юля не отпускала ее рукав:

— Не помогут мусора этому херу моржовому. Цыгане им отстегивают.

— Да ладно!

— Прохладно. Стуканешь на них — за палаткой прирежут. Так шо молчи в тряпочку. Зрозумила?

Надя молчала до конца дня, даже не выкрикивала свое «дубленочки», не могла. Вечером она шла домой обессиленная. Алибек шагал рядом и, как всегда, молчал. Перед входом в метро он протянул ей пакет. В нем лежало пять шоколадок «Баунти».

— Алибек, я не могу столько сладкого есть. Не надо мне их больше дарить, — Надя спрятала руки за спину.

Густые брови Алибека печально изогнулись, уголки рта поползли вниз. И зачем она это сказала? Что, в общаге некому было шоколадки отдать? Соседки умерли бы от счастья, увидев столько «Баунти». «Прости, Алибек», — хотела сказать Надя, но он уже шел в сторону рынка.

На следующий день Надя не вышла на работу. Неподъемная усталость навалилась на нее. Пытаясь утром разлепить веки, она поняла вдруг, что каменным стало все тело, что ноги и руки больше не слушаются, что она лучше умрет, чем пойдет на работу.

«Семь дней без отдыха, — подумала она. — Возьму выходной».

Но днем ее несколько раз настигали угрызения совести за то, что она не вышла без предупреждения. Надя пролежала до вечера, поднявшись дважды, чтобы сварить пельменей. Мысль о том, что она подводит Юлю и Муссу, мешала расслабиться до конца, и она несколько раз собиралась встать, одеться, поехать. Но тело не слушалось. Оно взбунтовалось. Кажется, даже температура поднялась, да не было градусника, чтобы померить.

Надя вышла на работу на следующий день, и все было в порядке, никто ее не ругал. Юля и Алибек будто и не заметили ее вчерашнего отсутствия. А Мусса только попросил в следующий раз предупреждать. И все потекло дальше, день за днем, дубленка за дубленкой. Только Алибек больше не ходил ее провожать и не дарил шоколадок, хмуро смотрел издали. Надя чувствовала его взгляд, оборачивалась, и он сразу же делал вид, будто ему нет до нее дела.

Надя уставала смертельно и уже не замечала зимней сказки по утрам. Но при этом свыкалась с рынком. Она чувствовала себя роботом: просыпалась, ехала на работу, с работы, спала... На эмоции сил уже не хватало. Так было даже легче. Не особо трогали беззакония, которые замечала на рынке: воры, мошенники, разводилы.

Прямо напротив палатки открылся лохотрон: беспроигрышная лотерея, где играли подставные, разводя доверчивых простаков. Это был заезд компьютерных лошадей. Две лошади выигрывали, и нужно было делать ставки, продолжая соперничать за все возрастающий приз. Как можно было попадаться на такое? Однако люди велись, сами отдавали мошенникам все деньги, а потом, уже поняв, что их обманули, звали милицию, лезли в драку или падали на землю и бились головой об асфальт, до крови ранив лицо. Мошенники отпихивали проигравшего, потерявшего всякое достоинство человека, а если попадался буйный, быстро утихомиривали его за палаткой. Когда появлялась милиция, незаметно растворялись в толпе. Пострадавшего куда-то уводили. Но милиция вряд ли помогала жертвам. Надя видела, как радушно каждое утро здоровались лохотронщики и милицейский патруль.

Одна покупательница, полная женщина лет пятидесяти, которая искала внучке дубленку, уже собиралась пойти в контейнер «посмотреть все модели и цвета», когда ей вручили билетик беспроигрышной лотереи.

— Ой, пойду сыграю! — обрадовалась женщина. — И сразу вернусь.

— Вы не вернетесь, — понизив голос, сказала Надя.

— Почему же это?

— У вас денег не будет. Это развод.

Рядом мелькнуло смуглое лицо: острый нос, нарисованные брови. Одна из лохотронщиц. Верхняя губа ее задралась, и рот оскалится, как у лисы. Наде даже померещилось, что девка зарычала. Покупательница,

ничего не понимая, приветливо улыбнулась мошеннице и послушно засеменила за Надей сквозь толпу.

Когда женщина ушла, так ничего и не купив, самый рослый из лохотронщиков, мужик с нездоровой кожей и недельной рыжей щетиной на лице, подошел, поднял Надю за шиворот дубленки и поволок за палатку. Надя от неожиданности не издала ни звука, она просто оцепенела в его руках. У помойки за торговым рядом лохотронщик приблизил к ней лицо и, обдавая перегаром, сказал:

— Ты че, шавка, делаешь?

Надя смотрела на красные, налитые розы его прыщей и ощущала жар его ярости. Он мог ее ударить, мог швырнуть о бордюр, мог тряхнуть так, что голова до хруста мотнулась бы на тонкой шее. И никто не помешал бы ему. Он — хищник, она — жертва. Ей остается только обреченно ждать, пока он решит, что с ней делать.

Юля тем временем сбегала за Муссой, который тут же примчался вместе с Алибеком.

— Порвешь — будешь за дубленку платить! — пригрозил торговец рослому лохотронщику. — Отпусти мой продавец и пошли как муцины говорить!

Мужик окинул Муссу взглядом. Тот был вдвое ниже, пузатый, в нелепой кепке. Но так уверенно стоял, широко расставив кривые ноги, будто чувствовал за собой силу. Это подействовало. Мошенник отпустил Надю и вместе с Муссой отошел от палатки в сторону, туда, где между торговыми рядами открывался изнаночный, только для работников рынка, проход.

— Надь, ну вот шо ты лезешь до тех скотов? Я сама их ненавижу, а шо делать!

Надю трясло. Она зарыдала.

— Нянчусь с тобой, як с маленькой, — Юля обняла ее, прижала к себе и стала укачивать, как ребенка. — Все, покойся, а то по морде дам.

Проходя после разговора мимо Нади, лохотронщик презрительно плюнул ей под ноги. Надя не смогла на него даже посмотреть.

— Я тебе так скажу, — отчитывал их с Юлей Мусса, когда они вечером ждали свою зарплату. — Этот говнюк дал отбой, потому что они не правы — хотели нашего покупателя обуть. Если бы не это, я бы тебя не спас. Поняла меня?

Мусса строго посмотрел на Надю. Она кивнула.

— Договоримся так: мы не трогаем их клиентов, они не трогают наших.

— Мусса, а ты шо, нам денег не дашь? — испуганно спросила Юля.

— Тебе дам. А вот этой, — он кивнул на Надю, — сегодня нет денег. Чтобы запомнила.

Надя почувствовала, как задрожал подбородок. В глазах стало все расплываться. Не хотелось плакать перед Муссой, но по щеке уже катилась слеза. Надя отерла ее.

— Ладно, давай только без этого!

Но Надя уже не могла остановиться, слезы полились ручьем.

— Ну началось! — Мусса махнул на нее рукой и вышел.

Юля выскочила за ним. В дальнем углу контейнера молча смотрел на Надю Алибек. Она заметила его, засобиравлась. Алибек бросил палку, которой снимал с высокой перекладки дубленки, подошел. Вынул из кармана купюру, протянул ей.

— Зачем? — спросила Надя.

— Твой.

Надя взяла. Улыбнулась Алибеку.

— Фуф! — в контейнер ввалилась Юля, держась рукой за бок. — Денег не дает. Но ты можешь сегодня в этой дубленке до дому пойти. И завтра выходной взять.

Алибек снова провожал Надю к метро. На Наде была дубленка: приталенная, бежевого цвета, длина — две трети бедра, на капюшоне и рукавах меховая оторочка. Та самая, в которой Надя была «як куколка». Она и сама чувствовала себя красивой. Алибек, осмелев, взял ее за руку, и Надя не отняла руки.

— Я тебя старше, — только сказала она.

Он пожал плечами и всю дорогу бросал на нее такие взгляды, от которых Наде становилось неловко. Потом она забылась и стала думать, что завтра начинается семестр. Она пойдет в институт, в новой дубленке, подруги будут завидовать ей. И можно будет сидеть в теплой аудитории, слушать лекции, а не мерзнуть весь день на Луже. Как это хорошо! И как не хочется больше работать на рынке. Но надо. Еще хотя бы неделю. Тогда Надя накопит себе на юбку и на сапоги.

Соседки по комнате еще спали, а Надя уже встала, зажгла ночник и пошла в ванную. Пока чистила зубы, рассматривала в зеркале лицо. От мороза шелушились щеки, кожа задубела, огрубели черты. Три недели, а будто целая жизнь прошла! Наде казалось, что она состарилась и подурнела. Не хотелось никуда идти. Но сходить было надо — хотя бы затем, чтобы вернуть дубленку. Наде она так понравилась: красивая и в ней совсем не холодно. Ноги только мерзнут, но Надя скоро купит сапоги. Вот бы оставить себе дубленку!

«А ведь я могу не прийти, — подумала она, одеваясь. — Они же не знают, где я живу. Да и искать не будут. Что Муссе эта дубленка, если у него пять точек с такими? Он даже не заметит. Только вот Юля. И Алибек».

Надя представила, что будет с Юлей. Это она уговорила Муссу, значит, ее он заставит платить. А Алибек? Он ведь, наверное, и правда Надю любит. Разве можно обманывать чью-то любовь?

Она застегнула пуговицы дубленки, опять посмотрела на себя в зеркало. В створке шкафа отражалась миловидная девушка, невысокая, с простоватыми чертами лица, в светлой бежевой дубленке, с торчащими из рукавов огрубевшими, покрасневшими кистями рук.

«Куколка», — с горечью подумала о себе Надя и втянула руки в рукава.

День на рынке проходил спокойно. Мусса после обеда уехал, с ними остался один Алибек, и никто не дергал, не давал нелепых приказаний. Надя и Юля ели по беляшу, когда подошли двое милиционеров: один — молодой и пухлый, похожий на бывшего Надиного одноклассника, которого всегда чмырили, второй — в годах, худой, усатый и обветренный. Одеты в серые куртки с нашивками, в шапки из искусственного меха, на поясе у каждого дубинка и кобура. У них были такие красные носы и уши, что Надя невольно хихикнула, глядя на них.

— Чего смеемся? Или регистрация есть? — спросил усатый.

— Есть, — спокойно сказала Надя. — Я в институте учусь.

— В институте? Что же не на лекциях?

— Подрабатываю.

— Родители не помогают, что ль? Я вот своих дармоедов кормлю, пока университеты кончают.

— Документики, дамочка! — обратился молодой к Юле.

Надя посмотрела на товарку. Та страшно побледнела и выронила беляш.

— Я сейчас принесу, они в сумке, — с готовностью отозвалась Надя.

Она легко перепрыгнула забор, побежала за палатки, внутрь контейнера. Подхватывая свою сумку, сказала вопросительно глядевшему на нее Алибеку:

— Там милиция. Проверяют документы.

Алибек молчал.

— Ты не знаешь, где Юлькин паспорт?

— Нет.

Молодой милиционер держал Юлю под локоть, а она стояла, неловко скособочившись, будто вот-вот упадет. Надя протянула усатому свой паспорт. Он раскрыл и стал перелистывать страницы. Наде вдруг стало страшно, что паспорт он не вернет.

— Значит, из Тульской области?

— Да. Шахтерский городок.

— А регистрация где?

— Да вот же она, в обложке.

Надя вытащила и подала сложенный вчетверо листок. Милиционер развернул, с минуту всматривался и вдруг сунул паспорт под мышку, а регистрацию точно посередине разорвал, сложил и еще раз разорвал. Он складывал и рвал, пока не остались маленькие кусочки, которые он

подбросил над Надиной головой, и они осыпались на нее, как крупные хлопья снега. Надя остолбенела.

— Поддельная твоя регистрация, — миролюбиво ответил он на немой Надин вопрос.

— Она была настоящая!

— В отделении разберемся, — он снова открыл паспорт, — Козлова Надежда Сергеевна. Пройдемте! — и спрятал документ в карман.

Надя проводила взглядом исчезнувший паспорт.

— Это несправедливо! Регистрация настоящая была! — повторила Надя, повышая тон. — Мне ее в деканате делали! Верните паспорт! Я с вами не пойду! — закричала она.

— Будешь орать, — усатый приблизил к Наде свое лицо, — в участке тебя пустим по кругу.

— Что значит «по кругу»?

— Вот и узнаешь, шваль.

Молодой милиционер подтолкнул Надю дубинкой в спину. Их с Юлей повели. Странно было идти по знакомому ряду под конвоем. Продавцы их будто не замечали, торговали каждый своим: кроссовками, джинсами, нижним бельем. У лохотрона, как всегда, толпились люди: шел очередной заезд. Катилась тележка с хот-догами вдоль рядов. Толкались покупатели. Никто не обращал внимания на их компанию. Да и что такого? Милиция ведет в участок гражданок без регистрации. Привычная для всех ситуация.

— Юль, а что теперь будет?

— Наверное, Мусса крыше не заплатил. Не знаю. Заберут, будут выкуп просить. Мусса за дубленки заплатит, а за нас — нам самим треба.

— Сколько?

— Дубленки — тыщ по пятьсот. Мы — по сотне, можа больше. Или ночку посидеть. Им для галочки оформить, шо они с нелегалами борьбу ведут... А можа, пофестивалить хотят, — Юлино лицо было мрачным, при взгляде на нее у Нади сжалось горло.

— Они, падлы безнаказанные, хуже цыганей, — прошептала Юля так, чтобы только Надя слышала. — Ненавижу их!

— Стой! Стой! — их догонял Алибек.

— Пойду с азером малолетним поговорю, — сказал усатый. — Стереги потаскушек.

Алибек и усатый разговаривали недолго. Подошли.

— Эту отпускаем, — усатый протянул Наде паспорт, — азербон за нее заплатил. А ты, — он указал дубинкой на Юлю, — дубленку снимай.

Юля посмотрела напряженно на Надю, на Алибека. Стала расстегивать пуговицы. Алибек виновато протянул ее розовый пуховик.

— Я же говорила, ангел-хранитель. Мне, вишь, меньше свезло, — Юля всунула руки в рукава, застегнула молнию и, уходя, еще раз взглянула на Надю.

По Надиной спине побежали мурашки. Алибек уже торопился к контейнеру, в котором он даже двери толком не закрыл. Надя догнала его.

— Почему ты не выкупил ее? — крикнула она и так дернула его за руку, что он невольно остановился и развернулся к ней. — Почему?

— Нельзя обе.

— Почему?

Алибек пожал плечами и снова ринулся сквозь толпу к их торговой точке. Прямо у прилавка стояли двое парней в спортивных костюмах и куртках-пилотах нараспашку. На бычьих шеях поблескивали кресты. Какое-то новое, звериное чутье заставило Надю остановиться и сделать пару шагов назад. Алибек, не замечая их, двинулся между контейнерами. Один из парней схватил его за плечо. Второй встал за спиной.

Надя не слышала, что говорили они Алибеку. Рынок шумел. Человеческие голоса сливались и теряли всякую человечность, превращаясь в равнодушный металлический шелест, в гул крови в ушах, в испуганные удары сердца. Зато Надя видела все. И никто, кроме нее, не заметил, как один из накачанных парней достал из рукава штырь и, обнимая Алибека за шею, воткнул этот штырь ему в живот.

Убийцы в спортивных костюмах растворились в толпе, а Алибек стоял, опираясь о стену, держался за живот руками. Он увидел Надю и будто уцепился за нее взглядом. Глядя ей в глаза, он медленно сползал по ребристому металлу контейнера. Мимо Нади промелькнула фигура, другая, третья. Человеческий поток разъединил их. Надя еще отступила и закричала. Но звука не было. Она открывала и закрывала рот и отступала назад, пыталась, пока не задела чей-то прилавок.

— Куда ломишься! — пихнула ее продавщица в спину.

Надя шарахнулась и побежала сквозь толпу, расталкивая людей и ничего перед собой не видя, только судорожно прижимая к себе сумку. Она бежала до метро. Потом — в переходе, на эскалаторе, по улице до общежития. И только в своей комнате заметила, что она в чужой дубленке, а свой пуховик оставила в контейнере на крючке. И тут же поняла, что никогда не вернется на этот рынок.

* * *

На пятый после ужасающего события день Надя, которая боялась выходить из комнаты, поняла, что выйти надо. От спертого воздуха подкатывала тошнота. Одиночество и бездействие давили. Тянуло увидеть небо, вдохнуть свежего холодного воздуха. В коробке стопкой лежали заработанные на рынке деньги, от которых хотелось поскорее избавиться.

И Надя вспомнила о неосуществленной мечте.

Центральный «Детский мир» ошеломил Надю. Все здесь сияло, мигало и пиликало. Под высоким потолком копошились людские толпы. Человеческая незначительность ощущалась здесь еще сильнее, чем на рынке в Лужниках. Пока Надя плутала по проходам между прилавками, увешанными лампочками и новогодней мишурой, она думала, что

рынок — честнее, там как-то все проще. А здесь тот же рынок, только приукрашенный гирляндами, фигурками лего, игрушками в человеческий рост и золотистой пластиковой каруселью. Надю тяготила суета людей, обилие лампочек, неразбериха звуков, все это будто специально не давало сосредоточиться, разбирало на части, мешало ощутить себя. Хотелось сбежать. Но у нее была цель.

Всего Надя заработала около миллиона. Что-то отложила на жизнь, что-то уже потратила. Оставалось семьсот тысяч. Она могла бы купить себе сапоги, но мысль о рынке, куда придется для этого поехать, вызывала спазм в горле и тошноту. И еще ей казалось, что она заслужила нечто по-настоящему стоящее — подарок.

Куклы Барби располагались на втором этаже, целая полка блестящих коробок: Барби — принцесса, Барби — наездница, Барби — рок-звезда... Надя выбрала Барби-принцессу в розовом пышном платье, с волнистыми локонами, разложенными внутри коробки. Примерно такая была когда-то у Алины. Расплатившись в кассе, Надя на долю секунды пожалела о потраченных деньгах, но тут же стряхнула с себя этот морок. Жизнь, как выяснилось, может быть очень короткой, нельзя отказываться от детской мечты.

Надя принесла куклу домой, вытащила ее из коробки и раздела. Это была точно такая же кукла, как у Алины десять лет назад: с узкой талией, длинными ногами, которые кукла, когда ее сажали, оставляла сдвинутыми и чуть согнутыми в коленях. У куклы вертелась голова и под пластиковой кожей невидимо сгибались локти. Кукла была совершенством. Только Надя уже не знала, как в нее играть. Не говорить же за нее писклявым голосом, предлагая воображаемому Кену ехать на бал...

Она смотрела на голую Барби и плакала. Было жаль себя. Надо было сделать что-то с этой куклой, как-то в нее поиграть. Надя утерла слезы, открыла свой гардероб и достала черную гипюровую блузку, которую ни разу не надела в Москве. Она обернула куклу в ткань, представляя, какое могло бы получиться платье, а потом взяла ножницы и отрезала от блузки рукав.

Когда платье — черное, обтягивающее, с воланом на подоле — было готово, Надя сделала кукле шляпку и сумочку-клатч, нарядила ее и поставила на верхнюю полку. И не снимала оттуда до тех пор, пока не переехала из общаги на съемную квартиру.

Но и на съемных квартирах, которые Надя меняла примерно раз в год, в Барби никто не играл. Пока не родилась у Нади дочь. Едва научившись ходить, она подошла к шкафу и, показывая на Барби, требовательно сказала: «Кука!» — а получив ее, сразу же оторвала ей голову.

Надя кое-как приладила резиновую голову к пластиковому черенку шеи и опять поставила Барби на верхнюю полку.

Александра МАЛЫГИНА

ЦВЕТУЩИЙ ПАПОРОТНИК

* * *

Ты обещал показать мне море.
Я очень этого ждала.
Меня лихорадило от нетерпения.
Просыпаясь,
я с тоской облизывала губы,
но они никогда не были солеными.
Жаль, что тебе пришлось умереть для того,
чтобы я увидела тонны воды.
Мое первое море было теплым и бесконечным,
таким же бесконечным, как небо,
в которое я постоянно вглядываюсь теперь
в поисках твоих следов.
Прошло шесть лет,
но до сих пор,
купаясь в море,
я чувствую стыд и вину.
Я швыряю камни в эту безобидную воду,
вместо того чтобы просить прощения
за то, что я ненавижу море.
За то,
что, если бы мне предложили выбрать между тобой и морем,
я бы выбрала тебя.

* * *

Александра Сергеевна выйдет в пробел окна —
В незакрытую дверь, в непробудную синь — прочь,
Оттого, что покажется, будто она одна
И терпеть одиночество стало совсем невмочь.

Александра Сергеевна больше не сможет ждать,
 Не захочет мириться, мужаться и делать вид,
 Потому что не скрыть, не закрасить седую прядь,
 Потому что в груди с каждым годом сильней болит.
 Александра Сергеевна выйдет, и сразу — сад
 (А куда еще денешься с первого этажа?!),
 Где послушные дети спасают слепых котят —
 На ладошку кладут, целуют, и те дрожат,
 Где невидные птицы всегда продолжают петь,
 Где становится легче от запаха разных трав, —
 Там, где кажется странным желание умереть,
 И в руках тают бабочки, сердце твое украв.

* * *

Утром проснусь и расплачусь — не успокоиться,
 Выпью таблетку, но не утихнет боль.
 Пусть прилетит лучше бледная моль бессонницы,
 Чем расставаться каждый рассвет с тобой.
 В страхе, что так не смогу дотянуть до вечера,
 В лучшей больнице приема врача добыюсь,
 Там на вопрос: «На что жалуетесь?» — отвечу я:
 «Непроходящая необъяснимая грусть».
 Мне постучат по коленкам и лоб потрогают,
 Кончиком пальца попросят нащупать нос,
 Знаю, с такими симптомами ходят многие,
 Только вот я-то больна, и больна всерьез.
 Врач убедится, что для лечения поздно, но
 В мягкой улыбке растянет усталый рот:
 «Это всего лишь жизнь — ничего серьезного.
 Перетерпите, скоро само пройдет».

* * *

Смотрела на тебя через огонь,
 плела венки, плела и улыбалась.
 В твоём присутствии вода в густой Оби
 прозрачной становилась и спокойной,
 трава стелилась, ветер утихал,

а я плела, плела и улыбалась.
В прыжке я замирала над костром,
чтобы во тьме июльской влажной ночи
ты разглядел меня
и захотел присвоить,
как вещь, как золото, как редкостную тварь,
которая устала от свободы.
И ты смотрел
и взгляд не отводил,
а я боялась показаться ведьмой,
а я боялась показаться слабой,
а я боялась просто показаться,
а ты смотрел,
смотрел меня и видел.
Я знаю точно, папоротник цвел
не каждый день,
не раз в году —
однажды.
Я видела, но мне никто не верит.

Денис СОРОКОТЯГИН

ЛЕТО. КОКА-КОЛА. БАХ

Р а с с к а з

— Тёма! Выходи гулять!

— Опять уронил первый палец! А локоть, локоть почему болтается? Предательский комок застревает в горле.

— Тёма! Папа велик починил! Посмотри!

— Ты опять не занимался! Давай сюда свой дневник!

И я уже не вижу перед собой нот. Они свернулись в один черно-белый клубок.

— Такими темпами ты останешься в музыкальной школе на второй год. В сентябре тебя ждет решающий экзамен. У тебя есть целое лето на подготовку. Я готова тебе помочь. Артем, ты слышишь, что я говорю?

Слезы упали на клавиши, прямо на первую октаву, там, где до, ре, ми.

— Тёма! Ну тогда я пойду к Кольке! Он тоже хотел на велике погонять!

Ба-бах. Не думал, что будет так громко. Мама прибежала из кухни, в руках тарелка, на линолеум падают капли. Точно так же, как слезы на клавиатуру: до, ре, ми. Вся крышка фортепиано в слезах. Но только непонятно, то ли это я продолжаю реветь, то ли фортепиано плачет оттого, что его так ударили.

— Фортепиано не виновато в том, что у тебя ничего не получается. А эти слезы? Что за детский сад? Артем, ты четвероклассник... Я хотела сказать, почти перешел в четвертый класс. У тебя ответственный экзамен осенью.

Лилия Доремифовна писала размашистым почерком в моем дневнике постоянно одно и то же — что нужно заниматься каждый день по два часа, заставлять себя смотреть в ноты, следить за аппликатурой. Для тех, кто не знает: аппликатура — это расстановка пальцев. Честно сказать, я бы давно все это сделал, я не глупый, как вам может показаться, и даже не ленивый. Нет. Просто в какой-то момент я понял, что игра на

фортепиано — это не мое. Я очень люблю музыку! Вы бы видели, сколько у меня в телефоне закачано классических произведений. Мне реально нравится все это слушать, особенно Баха. Но заставлять себя играть на фортепиано выше моих сил. А мама непременно хочет, чтобы я окончил музыкальную школу. Она как будто через меня реализует свои несбывшиеся мечты. Маму в детстве не взяли в музыкалку, потому что у нее не было слуха, но было огромное желание. У меня со слухом все в порядке, мне даже давали петь сольные партии, но рвения к получению музыкального образования у меня никакого.

После провального экзамена в конце года меня хотели отчислить из музыкальной школы. Я был на седьмом небе от счастья! Музыку можно любить и без всяких там школ. Если музыка звучит в душе, не нужен никакой диплом. Но мама сходила к директору музыкальной школы, долго говорила с ней, а потом еще битый час с Лилией Доремифовной. В итоге решили дать мне шанс и назначили экзамен в сентябре. За лето я должен был подтянуть игру на инструменте и продемонстрировать все это осенью. Фиг вам! Не на того напали!

Я сам вижу, как Лилии Доремифовне тяжело. Она мучается со мной и была бы, наверное, тоже счастлива, если бы наши занятия прекратились.

— Артем, я надеюсь, что больше этого не повторится, — грозно сказала Лилия Доремифовна. — Начнем, как говорится, с чистого листа. В голове у тебя и так чистый лист, но я надеюсь, что к следующему уроку ты разберешь эту прелюдию Баха до конца.

Бах... Как я люблю слушать его великие произведения в наушниках в исполнении известных пианистов! Когда же его прелюдию начинаю играть я сам, мне хочется провалиться под землю. В каждой ноте фальшь и неправда. Я это чувствую.

Мама обнимает Лилию Доремифовну так, как будто случилось что-то страшное. На дорожку, в качестве компенсации за бесполезно проведенное время, мама дает Лилии Доремифовне пирожков. Дверь закрывается, и я могу выдохнуть. Но не тут-то было.

— Всю неделю не выходишь из дома. Никакого компьютера и телефона, — грозно говорит мама. — Каждый день занимаешься по три часа. Лилия Александровна приедет через неделю и все проверит. Надеюсь, на следующем уроке ты попросишь у нее прощения.

Вот еще... Буду я извиняться! Когда я был в первом классе, Лилия Доремифовна прощения у меня не попросила. Три года назад у меня был такой же урок с ней, но не дома, а в музыкальной школе. Я тогда опять что-то не выучил, точно не помню.

Вот видите, у меня сразу к фортепиано душа не лежала. Только мама говорит: это все потому, что я трудный подросток, и дальше будет только хуже. Хуже будет, если я останусь в музыкалке. Вот это я знаю точно!

Так вот, тогда, в первом классе, Лилия Доремифовна тоже попросила мой дневник. Со мной на уроке сидела мама, она забирала меня после школы. Мне было стыдно не из-за того, что Лилия Доремифовна отчитывает меня за невыученную песенку. Мне было стыдно, что все это слышит мама! Лилия Доремифовна взяла мой дневник и, к моему удивлению, вместо размашистого «*Заниматься каждый день по два часа*» — нарисовала маленького ужасного человечка и сказала, что этот человечек — не кто иной, как я. Лилия Доремифовна не была сильна в рисовании, поэтому человечек был составлен из простых геометрических фигур, точек и запятых. Это так меня разозлило! Комок обиды застрял в горле, но, прежде чем разрыдаться, я вырвал из рук Лилии Доремифовны ручку... Да, я не преувеличиваю, это было так. И написал в своем дневнике на всю страницу: «*Дура*». Бросил дневник на пол и выбежал из класса. А потом рыдал на остановке рядом с музыкалкой. Даже одна бабушка, помню, подошла ко мне и спросила: «*Мальчик, ты потерялся?*»

Вы, наверное, спросите, в чем Лилия Доремифовна была виновата передо мной и за что я обозвал ее. Всему виной этот рисунок! Это же карикатура! Насмешка! Я всегда стеснялся своего маленького роста, я был ниже всех в классе, и Лилия Доремифовна, как назло, нарисовала этого человечка неестественно маленьким, нескладным, жалким. Я таким не был! Вот это и взбесило меня. Помню, что мама целый вечер говорила по телефону с Лилией Доремифовной, уговаривала ее не отказываться от меня. Именно с этого телефонного разговора между мамой и моим педагогом завязались тесные отношения, которые все никак не могут порваться, как бы я ни старался.

— Тёма! Кольки нет. Его родители на дачу увезли. Ты дома, я знаю, выгляни в окно!

Я открываю окно нараспашку. Ветер врывается в комнату и щекочет мне лицо. Глаза как будто бы слиплись. Это от слез. Сам не понимаю, что на меня нашло. Я плачу очень редко и только, наверное, на уроках по фортепиано. Внутри меня все клокочет.

— Ты почему не отзываешься? Я уже устала кричать!

Катя стояла под моими окнами и придерживала велосипед рукой. Красная кепка набекрень, спортивные штаны с вытянутыми коленками, ссадина выше локтя. Неделю назад она упала с велосипеда. Мне нравится эта Катькина ссадина с тоненькой красноватой корочкой. Мы вместе на велосипедах во дворе гоняли, поспорили, кто быстрее до помойки доедет. Катька все время лидировала, а я сзади тащился. Так вот, Катька обернулась ко мне с высунутым языком и не увидела дырку в асфальте. Колесо попало туда, и Катька рухнула вместе с велосипедом. Нет, не плакала. Я вообще не видел Катьку плачущей.

— Меня папа убьет. Он только велик из ремонта забрал. И опять... — сказала Катька, отряхивая с себя пыль и грязь. Она даже ссадину не сразу

заметила, это я ей показал. Сорвал лист подорожника, надорвал его и приложил к ранке. Как она посмотрела на меня! Сколько в ее глазах было тепла и благодарности! Обычно Катька всегда немного хмурая. Складка у нее такая между бровей, даже морщинка маленькая уже есть. Все ребята во дворе ее пацанкой зовут, а многие даже побаиваются. Я очень горжусь, что дружу с Катькой.

— Тебя опять Лилия Доремифовна мучила? — спросила она.

— Да, а ты как поняла? — усмехнулся я.

— Да по глазам твоим! У тебя всегда после занятий с ней глаза как у голодного верблюда! Ты что, плакал?

— Да не, я не плакал! С чего ты это вообще взяла?

— Ну я же вижу. Хоть ты и на третьем этаже, твой красный нос видно даже отсюда.

Я посмотрел на свое отражение в оконной раме. Точно. Нос был красный, как у Деда Мороза. И глаза какие-то неестественные, припухшие. Как у голодного верблюда.

— Тёма, ты выйдешь уже наконец? Смотри, какое солнце! Будем кататься и загорать!

Да, солнце сегодня такое яркое и игривое, прямо как в «Шутке» Баха. Слышали? У меня в плеере есть. Кайф! Вот если бы Лилия Доремифовна мне «Шутку» Баха задала, я бы ее, наверное, выучил при всей моей нелюбви к фортепиано. Хотя нет, не смог бы. Там темп быстрый, а у меня пальцы неповоротливые, сразу бы заплелись в узел.

— Катька, меня мама на всю неделю дома оставила! — крикнул я с отчаянием.

Хорошо, что моя комната выходит на другую сторону и мама на кухне ничего не слышит. Иначе одной неделей я бы не отделался. И как я переживу эту неделю, не понимаю.

— В смысле? — изумилась Катька. — Это из-за чего?

— Из-за чего! Из-за Лилии Доремифовны, — ответил я. — Это она, видимо, подговорила маму, чтобы я всю неделю дома проторчал, прелюдию учил.

— Это ту, которую ты мне включал? — спросила Катька.

— Да, ты помнишь ее? — удивился я.

Мы тогда с Катькой открывали велосипедный сезон. Стоял первый по-настоящему теплый майский день. Мы, накатавшись до упада, купили кока-колу, бросили велики и сели на лавочку. И вместе открыли свои баночки. Получился такой классный синхронный звук. Я достал телефон, подключил наушники и поставил прелюдию Баха. Дал правый наушник Катьке, левый оставил себе. И вот мы сидим с ней на лавке, пьем кока-колу и слушаем Баха. Это было прекрасно! Если бы мама не позвала меня с балкона домой, эта сказка могла бы продолжаться вечно. Я. Катька. Бах. Кока-кола. Лето. Нет, вы не подумайте, что я в Катьку влюблен. Об этом не может быть и речи. Просто она для меня, как вам сказать,

лучший друг... Нет, не подруга, а именно друг. Может ведь девчонка для пацана быть другом?

— Да, Тёма, ты попал, — сказала Катька. — Неделю дома! Я бы не выдержала! Я бы по водостоку, наверно, спустилась, — засмеялась она. И складочки между бровей больше нет. И веснушки на солнце переливаются. Даже с третьего этажа видно.

— Да, — выдохнул я. — Вот и Колька на дачу уехал. Нет у тебя компаньона для катания.

— Я с Колькой уже дней десять не виделась. Да и вообще разговаривать с ним не хочу. Он мне насос для велика не дал. Жадина. Пусть сидит там на своей даче.

— А зачем ты тогда мне про Кольку кричала сейчас? — возмутился я.

— Чтобы ты посмотрел в окно! Я же знаю, что ты меня к Кольке ревнуешь!

— Чего? Тоже мне выдумала! Ревную...

Это Катька телевизора посмотрелась. Я не герой тупого сериала. Ревную... Смешно. Вообще не хочу об этом говорить. Сменим тему.

— Катька, а ты знаешь, что я сейчас учудил? Знаешь, почему меня на неделю дома закрыли? — с хитринкой сказал я.

— Ты же сам только что сказал, что не выучил прелюдию, — протянула Катька.

— Не. Я хлопнул крышкой фортепиано, слышишь, Катька? Ба-бах! Как в моем сне, помнишь?

Этот сон мне снится в последнее время часто. Один и тот же. Я вообще редко запоминаю сны, а этот помню. Я о нем сразу Катьке рассказал, она, правда, не поняла, что в этом сне такого необычного. Но я-то знаю, что сон этот вещий. Он мне в первый раз приснился в ночь с четверга на пятницу. Мама говорит, что такие сны сбываются, она проверяла. Но маме я про этот сон не рассказывал, он бы ей не понравился.

Короче, в этом сне я сижу за фортепиано и играю. Нет, это не кошмарный сон. Слушайте дальше! Лилия Доремифовна сидит справа от меня и молчит, только в такт головой кивает и улыбается. Когда я играю в реальной жизни, Лилия Доремифовна обычно сердится, закатывает глаза и мычит от злости, а здесь она была на седьмом небе от счастья и напоминала ангела.

Я что-то играл, не помню, что конкретно. Например, «Шутку» Баха. Играл быстро, легко, изящно, без запинки, с правильными пальцами. Руки сами неслись по клавиатуре, как будто ими руководил невидимый дирижер. Я раскачивался, как самый одухотворенный пианист в мире. Когда я сыграл заключительные аккорды, Лилия Доремифовна вскочила со стула, громко зааплодировала и даже трижды крикнула: «Браво!» Я глядел по сторонам, не веря своим глазам и ушам, что все эти восторги были обращены именно ко мне!

Потом я отчетливо помню, как взял крышку фортепиано двумя руками и опустил ее с грохотом. Встал со стула, поклонился на все четыре стороны и сказал: «Всё! С меня хватит». И я проснулся...

Когда сегодня упала крышка, я не смог произнести ни слова по известной вам причине.

— Да, — сказала Катька. — Конечно, я желаю тебе, чтобы этот сон сбылся. Но пожалей фортепиано! Вот если бы мой велик кто-нибудь так бросил, я бы, наверное, убила на месте.

— Катька, ну ты и сравнила! Велик и фортепиано! Велик в сто раз круче!

— Ну не знаю...

А Катька ведь тоже ходила в музыкалку. Мы с ней в одном классе учились. Но она ушла после первого. У нее дома стояло старое фортепиано, очень расстроенное, и настроить его уже было нельзя. Катька на нем брякала, когда маленькая была. А потом родители ремонт затеяли, от всей лишней мебели избавились и фортепиано выбросили. А новое Катьке не купили, видимо, денег не хватило. Или не хотели, чтобы дочь часами за инструментом сидела, мучилась, как я. А может, Катька совсем бы и не мучилась? Ей нравилось, я помню. Катька, конечно, расстроилась из-за этого сильно.

Кстати, у нее педагогом по фортепиано тоже была Лилия Доремифовна. И Лилия Доремифовна очень жалела, что все так получилось. Она видела у Катьки большие способности. Это же Катька ей такое отчество придумала. Как-то раз я пришел на урок чуть раньше, Катькин урок уже подходил к концу, но они еще бились над каким-то местом в детской песенке. По-моему, «У кот-воркота». Так вот, там в самом начале ноты до-ре-ми и поется «у ко-та», а потом — ми-ре-до и «вор-ко-та». «Воркота» Катька играла правильно, а вот эти несчастные до-ре-ми у нее никак не получались. Лилия Александровна просила ее повторять снова и снова, и каждый раз вместо до-ре-ми выходило до-ми-ре. Катька снова и снова ударяла по клавишам, и снова звучало неправильное до-ми-ре. Наконец, Лилия Александровна не выдержала, открыла Катькин дневник и написала размашисто на весь лист: «До-ре-ми!!!»

Помню, Катя ничуть не расстроилась из-за этого, положила дневник в ранец и, выходя из класса, шепнула мне на ухо: «Как мне надоела эта Лилия Доремифовна!» Я прыснул от смеха. С тех пор Лилия Александровна навсегда превратилась для нас с Катькой в Лилию Доремифовну. Это то, что нас с Катькой объединяет помимо велика, кока-колы и Баха. Наверное, Катька все еще грустит, что так получилось с музыкальной школой. Вот если бы можно было нам с ней поменяться местами. Я бы с удовольствием уступил Катьке свое место за фортепиано. У нее и усидчивость есть. А это один из главных залогов успеха. Еще Чайковский говорил, что у пианиста должна быть стальная задни... Ой, а может, это

не Чайковский вовсе сказал? Вообще, из всех композиторов я, конечно, больше люблю Баха...

— Тёма, а к тебе в гости можно? — неожиданно спросила Катька.

— В гости... Мама про гостей ничего не говорила, она запретила смотреть телевизор и играть в телефон.

— Ну тогда можно я к тебе зайду?

— Сейчас?

Это все произошло так спонтанно. Хорошо, что мама уснула в своей комнате и мне не пришлось ее спрашивать, можно ли Катьке у нас погостить. Вообще, Катька у меня была в первый раз. Я у нее в гостях был в первом классе, еще когда ее старенькое фортепиано было на месте.

— Катька, ты не смотри, что у меня тут так все по сторонам разбросано. Я сейчас все приберу.

— Не надо.

Она взяла меня за руку... Вы, наверное, сейчас мне не поверите. Хотя мы и дружим с Катькой с самого детства, но я никогда не держал ее за руку. Даже когда подорожник прикладывал к ссадине, даже тогда.

Она взяла меня за руку и повела к инструменту. Все было без слов, как в замедленной съемке. Катька усадила меня на стул, на тот, на котором обычно сидит Лилия Доремифовна, а сама села на мое место. Медленно провела рукой по крышке фортепиано. Пальцы оставили на крышке тонкий след, и я заметил, какое фортепиано пыльное. И этот Катькин след, ее нежное прикосновение... Теперь я точно не буду протирать крышку. Потом Катя поставила ноты прелюдии на пюпитр и начала играть.

Катька играла Баха! Без единой помарки, ровно, музыкально, одухотворенно, великолепно. Сколько угодно можно подбирать восторженных слов, но ни одно из них не выразит и сотой части моего потрясения.

— Катька! — вскричал я. — Ты как это делаешь? Или я сплю? — сказал я, забыв, что во время исполнения нельзя говорить.

А Катька продолжала играть, закрыв глаза. Прелюдия струилась, как горный родник, мелодия набирала высоту, падала и снова взлетала к нереальным вершинам. Какой же гений Бах! И какой же гений Катька!

— Браво! Браво! Браво! — Я соскочил со стула и обнял ее. Впервые в жизни. И ее веснушки сейчас были ко мне так близко-близко.

Такой счастливой Катька была только тогда на скамейке, когда мы пили кока-колу и слушали прелюдию.

— Катька, ну все же, — не унимался я. — Как это у тебя так получилось? Твои родители купили тебе фортепиано?

— Нет, они мне никогда его не купят, — улыбка сошла с Катькиного лица, и снова появилась эта грустная морщинка меж бровей. — Я сама сделала себе инструмент.

— Как это — сама?

— А так.

Катька убрала ноты с пиюпитра, закрыла фортепиано и попросила у меня чистый листок. Я вырвал из своего дневника. Музыкальный дневник — не то что школьный. Это обычная тетрадь в клеточку. За три года обучения у меня столько этих дневников накопилось! Ну вы же помните размашистый почерк Лилии Доремифовны? Мама не дает мне эти дневники выбрасывать, говорит, что хранит на память. Ага, на вечную. Так вот, я вырвал листок в клеточку и отдал Катьке.

— Таких листков надо несколько, но сейчас одного будет достаточно. И карандаш! Спасибо! Смотри.

Катя нарисовала на листке клавиатуру, точь-в-точь как настоящую. Черные и белые клавиши в пределах одной октавы.

— Катька, я начинаю понимать! Ты выучила прелюдию на бумажном фортепиано? — воскликнул я. — Фантастика!

— Да, совершенно верно, — ответила Катька. — Знаю, что все это странно и дико, и пальцы потом грязные, но что поделаешь, если других вариантов нет.

— Катька, а кто тебе подсказал?

— Сама.

В этот момент мама заглянула в комнату и очень удивилась, увидев рядом со мной Катьку.

— Ой, у нас гости! Катя, привет! Я немного вздремнула, но услышала сквозь сон, что кто-то играл. Тёма, ты опять включил запись? Ты меня не обманешь! Пока не выучишь прелюдию, из дома не выйдешь! Мне, что ли, сидеть с тобой рядом, как Лилия Александровна?

— Мама, это не запись, это Катя играла, — с гордостью сказал я. — Катя, покажи!

Катя была смущена. Такой растерянной я ее никогда еще не видел. Это была уже не пацанка, а робкая, застенчивая Катя. Она покраснела, и веснушки стали еще выразительнее и ярче.

Конечно, во второй раз Катя играла не так, как в первый. Она дважды запнулась в сложных местах. Эти такты и у меня никак не выходят. Но все равно ее игра производила ошеломляющее впечатление. Мама стояла в проеме двери, закусив нижнюю губу, и, наверное, думала сейчас: «Почему у меня сын, а не дочь... Была бы сейчас у меня Катя, а не Тёма, и играла бы она мне целый день прелюдии, а вечером бы каталась во дворе на велике. И все бы успевала, и учиться, и отдыхать, и была бы доброй, отзывчивой».

Это мама плохо знает Катьку. Катя любому пацану во дворе даст прикурить. Нет, Катька не курит. Это выражение такое. Ну, значит, задать жару, проучить. Я сам сейчас Катьку не узнавал. Какая-то большая перемена случилась в ней — или я просто этого не замечал.

— Катя, великолепно! — зааплодировала мама. — И сколько ты учила эту прелюдию?

— Ровно пять дней, — быстро проговорила Катька.

— Тёма, и тебе не стыдно? А ты уже полгода не можешь выучить!

— Стыдно, мама, стыдно, — покорился я. Это потому, что Катька была рядом, если бы ее не было, я б, наверное, ответил по-другому. А рядом с Катькой мне хотелось быть добрее, что ли... Да я сам понимаю, что с мамой так нельзя.

— Тёма, а давай я тебе помогу разучить эту прелюдию? — предложила мне Катька.

— Катька, если даже у Лилии Доремифовны не получилось... Не трать свое время, у тебя есть велик. Я здесь как-нибудь сам. Что-нибудь придумаю, — промямлил я.

Катька быстро и решительно встала со стула.

— А ну-ка, садись! — приказала она.

Я покорно пересел.

— Ты помнишь, тогда, когда мой велик сломался, ты довез меня на своем до дома. Я сидела сзади. Так вот, представь, что сейчас мы так же едем на велике. Только я держусь не за сиденье, а за клавиши. Но теперь не ты меня везешь, а я тебя. Твои руки будут лежать на моих. Мои пальцы будут играть прелюдию вместе с твоими, так ты запомнишь ее гораздо быстрее, поверь! Она ведь уже давно звучит в твоей голове, ты знаешь ее назубок, осталось только выучить верный порядок нот. И все! Давай пробовать!

Мы сели с Катькой точно так же, как тогда на велосипеде. Первые такты прелюдии я не мог думать ни о какой музыке... Да я вообще не мог ни о чем думать. Мои ладошки так вспотели, что соскальзывали с Катькиных рук. Но Катька не обращала на это никакого внимания и продолжала играть. То есть мы вместе с ней играли.

— Смотри, у тебя получается! — ласково сказала она.

В какой-то момент Катька убрала свои руки, и я заиграл сам. Да, в это трудно поверить. Но мои пальцы сами побежали, точно так же, как в моем сне. Вот волшебница Катька! И как у нее это получилось?! Лилии Доремифовне стоило бы у Катьки поучиться! Сыграв последний аккорд, я схватился за крышку. Но Катька в самый последний момент успела меня остановить.

— Тихо, Тёма, тихо... — шепнула она.

В дверях в комнату стояла моя мама и улыбалась. Я знаю, что она гордилась мной.

Осенний экзамен я отказался сдавать и ушел из музыкальной школы. За лето мы с Катькой назубок выучили прелюдию и даже «Шутку» Баха, что потрясло до глубины души Лилию Доремифовну. Но на экзамене, сев к инструменту и взглянув на клавиатуру, я понял, что больше не могу врать себе и другим. Я медленно закрыл крышку, встал перед членами экзаменационной комиссии и сказал... Нет, я не стал говорить: «Всё! С меня хватит!» Это было бы смешно и глупо.

Я поблагодарил педагогов за возможность пересдать экзамен, сказал спасибо Лилии Александровне за все наши уроки, попросил прощения за свои нелепые выходки и выкрутасы. И предложил вместо меня перевести в четвертый класс Катьку. Она как раз в это время ждала за дверью, наверняка подслушивала, страшно волнуясь за меня. Дальше все было как в тумане. Я выбежал из класса и вернулся с Катькой. Я взял ее за руку и повел к инструменту. Точно так же, как она меня тогда. И такой же был эффект замедленной съемки, как в тот летний незабываемый день.

И я сказал:

— Иоганн Себастьян Бах. Прелюдия ре минор. Исполняет Екатерина Симонова. Класс преподавателя Лилии Александровны Соболевской.

Сейчас Катька учится в музыкальном колледже имени Шнитке. Встречаемся ли мы? Ну, как вам сказать... Катька для меня самый лучший друг. Ну, вы понимаете, да?

«С ЧЕРНОГО ВХОДА УКРАДКОЙ»

Редакцией журнала «Сибирские огни» совместно с министерством культуры Новосибирской области было проведено очередное — уже пятое по счету — Межрегиональное совещание сибирских авторов. В этом году география участников расширилась: обсуждались поэтические подборки и рассказы молодых авторов из Новосибирска, Бердска, Кемерово, Ленинска-Кузнецкого, Омска, Тюмени, Абакана, Канска, Иркутска, Читы, Улан-Удэ, Хабаровска и Владивостока. Из-за продолжающейся пандемии и связанных с нею ограничений совещание было проведено в онлайн-формате, через сервис видео-конференц-связи Zoom, что не помешало, однако, столь же эффективной, как прежде, работе семинаров поэзии и прозы и не повлияло на итоги: многие произведения были отмечены руководителями семинаров, четыре человека получили направления на Всероссийское совещание молодых литераторов в Химках в 2021 году, начинающие прозаики Любовь Новгородцева (с. Евгацино Омской области) и Наталья Короткова (Бердск) были рекомендованы к приему в Союз писателей России.

Предлагаем вашему вниманию стихи участников совещания.

Екатерина МАЛОФЕЕВА

Чита, Улан-Удэ

* * *

отделение патологии.
иззябшие, голоногие.
на стенах запреты — нельзя-нельзя, приказ министерства
пятнадцать бис, всяк заходящий сюда — боись.
усталая врач говорит:
сальпингит, тонус, опять лейкоциты повышены, я бы вас всех из
больницы вышибла,
старородящие доходяги, кто же вас стерпит, Господь всеблагий.
в ночнушках порванных, бесстыдно распахнутых, дыша
контрабандным табачным запахом,
соседки страцают новеньких чисткой без обезболивания:

рогатое кресло-ледяные-рукояти
 из кабинета глядит внимательно.
 кто каши не ест, молока не пьет, того ночью сестра увезет,
 с каталки скинет, давай не стони, а с мужем не больно спать?³
 это тебе, дорогая, не спа,
 это карательная гинекология.
 ну не сохранили, не боги мы.
 санитарочка Вера над шваброй бормочет: и-их,
 женская доля тяжкая, терпите, мои хорошие.

расходятся после выписки палаточные попутчицы.
 кому — за-вторым-приходите, кому — другой-раз-получится.
 кто — с выписной парадной,
 кто — с черного входа украдкой.

и шепчешь, и шепчешь: прости. прости.
 не всем семенам дано прорасти,
 и нежным зеленым всходам град стебли ломает с хрустом.

но, боже мой, как же больно.
 но, боже мой, как же пусто.

Роман ПОПЛАВСКИЙ

Тюмень

* * *

Кто в Гамбурге, кто в Тель-Авиве —
 надежно окопался там,
 где можно спать в тени оливы,
 ладони подставлять плодам.

И мне бы им писать почаще,
 коль скоро не бывать в гостях,
 но я такой ненастоящий,
 несоциальный в соцсетях!

Вот старый друг черкнул намедни,
 а раньше позвонил бы — что ж
 теперь поделать?³
 «Я в Тюмени
 до послезавтра.
 Как живешь?»

Хоть за год новостей немало,
я уложился в пару строк,
в конце письма поставил смайлик,
а друг в ответ поставил «ок».

И на одно мгновение, точно
вернулись в университет,
мы с ним совпали вплоть до точки:
«Семье привет». —
«Семье привет».

* * *

Уже из облака луна
сквозит несмело.
Приходишь ты, утомлена,
с вечерней смены —

и наблюдаю, наконец,
так близко-близко
парад пластмассовых планет
на синей блузке.

Скользит по линии мой взгляд
и жадно шарит —
который среди них Земля
по счету шарик?

Вот это, кажется, она —
парад окончен:
сейчас планеты как одна
с орбит соскочат!

* * *

Комната большая. Мы сидим,
будто места нам в обрез, плечами
прикасясь. Сердце из груди
просится и бьется одичало.

За окном фонарь который час
смотрит прямо на твои ключицы.
Комната сужается до нас,
вынуждая ближе прислониться.

Вот фонарь косится на плечо.
 Плавню переводит взгляд на стену.
 Комната сужается еще —
 до лодыжки, голени, колена...

Наталья ДОБАРКИНА

Иркутск

* * *

Время вышивает на халате крест
 или это кровь проступает алая?
 Сколько их, покинутых нами мест.
 Сколько зим и лет — не считала я.

Стоит задремать — слышу чей-то крик.
 Помоги мне, Господи, вынести
 синеву небес и под сердце штык
 по Твоей неведомой милости.

Ева РАЙМ

Новосибирск

* * *

Ты прав, дорогой, наступила весна,
 И можно отныне не прятать
 Стихи в телефоне, а чувства — во снах,
 Наивных, но все же приятных.

И я говорю, я теперь говорю!
 И голос мой мчится ракетой,
 Пронзая закат, обгоняя зарю,
 К тебе на другой конец света.

Лови же его, и танцуй, и танцуй,
 Весной только это годится.
 Вот солнце, вот небо, и мой поцелуй
 Внизу на последней странице.

* * *

Сырая тридцать пятая весна
Теряется в потеющих ладошках,
Глядится в зеркало, пытается узнать,
Что все возможно, все не понарошку.

И что не зря за ней приходят сны
И шепчут откровения устало:
Не жди тридцать шестой, весна, весны,
Ты коротка, а времени так мало.

Глаза откроются, за чайником рука
Потянется, но не удержит тяжесть.
И побегут два быстрых ручейка,
Влекомые корабликом бумажным.

Павел СИДЕЛЬНИКОВ

Тюмень

* * *

Ночная переключка птиц слышна.
Вид из окна напоминает выход
в источник музыки. Мне не до сна.
Я говорю предметам: «Тихо, тихо!»

Когда еще послушать эту ночь,
отчаянные возгласы пернатых
и песни их, молящие помочь
меня продолжить музыку утраты?

Восходит солнце. Тем и хороша,
быть может, ночь — наутро оставляет
минуту на прощанье. О, душа!

Сойти б с ума, да ум не позволяет...

Нурайна САТПАЕВА

КАРА

Р а с с к а з

1.

— Каспий! К Актау подлетаем! — Даник сквозь сон услышал бодрый, как обычно, голос Марата, снял повязку для сна и прижался лбом к холодному, запотевшему стеклу иллюминатора.

Внизу плотным чернильным пятном расплылось море: неподвижное, тяжелое, сдавленное по краям серо-желтой, выскобленной догола степью, некрасивой, неприглядной.

Даника порядком мутило после вчерашней попойки. Отмечали их отъезд небольшой компанией с работы, и это из-за Айки он напился. Она сидела напротив и играла с ним, как с котенком. То бросала на него быстрый взгляд светло-зеленых глаз, то делала вид, что не замечает. Ему хотелось сказать что-то веселое, остроумное, чтобы Айка засмеялась так, как никто другой не умеет: звонко, поправляя падающую на глаза длинную челку, — и, как назло, нужные слова не находились.

— Она не в твоей лиге, брат, — шепнул Марат как бы между прочим, отчего Даник принялся опрокидывать стаканы с виски один за другим, так что к концу вечера еле встал проводить Айку до такси.

Машина все не ехала, они молча стояли у дороги, и свет проезжающих автомобилей выхватывал из темноты ее тоненькую фигуру, бледное скуластое лицо в обрамлении каштановых волос. У Даника вырвалось:

— Ты — красивая!

Айка посмотрела в его грустные пьяные глаза, поднялась на цыпочки и поцеловала прямо в губы. И он пропал.

Сейчас Даник дико жалел, что отпустил ее тогда и теперь не увидит два долгих месяца.

Командировка в Устюртский заповедник кого угодно ввергнет в депрессию. Жара под пятьдесят, голая степь, резкий ветер, сотни километров до цивилизации и людей... Да, это тебе не Рио-де-Жанейро. И море, единственное, что скрашивает жизнь на полуострове Мангыш-

лак, через несколько часов останется далеко позади и будет казаться миражом.

Самолет коснулся земли и, поскрипывая, понесся по асфальтной полосе.

— Давай-давай, собирайся! — Марат уже соскочил с места и доставал рюкзак с полки. — План такой: возьмем багаж, искупнемся в море, потом в магазин за продуктами — и вперед.

Даник заставил себя подняться, взял сумку и поплелся за Маратом, не переставая удивляться его расторопности.

— Говорил, занимайся, железки тягай, а то смотреть жалко на такого дохляка! Но ничего, я за тебя возьмусь — будем с утра обливаться, бегать. Что еще там делать? В баклажки песка насыплем — вот и готовые веса. — Марат шел бодро, расталкивая пассажиров, не замечая ответного недовольства. Даник, мечтавший быстрее выскочить из душного самолета, втайне радовался такой нахрапистости коллеги, пробирался за ним, как за волнорезом, и в глубине души восхищался им.

«Хорошо, хоть вместе поехали в эту командировку», — подумал он с облегчением.

Марат тоже был доволен: Даник в отличие от него часами мог возиться с техникой и быстро справлялся с поломками.

В аэропорту их встречал Ералы — егерь заповедника, высокий сухопарый мужчина. Когда они направились к нему, его смуглое лицо, задубевшее от солнца и ветра, расплылось в улыбке и стало похоже на усохший такыр*.

— Ералы-ага, нам бы в супермаркет заехать да на пляж — искупнуться, — попросил Марат, едва поздоровались.

Егерь неспешно докурил сигарету и произнес:

— Думал к святому Кошкар-ате в некрополь заехать, благословение получить. Недалеко отсюда, по пути. Это наш суфий, ученик самого Ходжи Ахмеда Яссауи**.

— Да ну, вы чего! — засмеялся Марат.

И Ералы, махнув рукой, сказал:

— Ладно, отвезу вас на море, сам в магазин. Список напиши, все куплю. А то ехать долго, дотемна бы добраться.

Егерь оставил их в пустынном месте, где между скал виднелся пологий спуск к песчаной косе. Море было спокойным, цвета серебристой полыни, что выстилает степь весной, но быстро жухнет и покрывается пылью летом. Неторопливые волны накатывали на берег, слегка вспениваясь перед тем, как вернуться обратно. Пока Даник аккуратно складывал одежду,

* *Такыр* — плоская глинистая поверхность, образующаяся при высыхании засоленных почв в пустынях и полупустынях. Такырам свойственны так называемые трещины усыхания, образующие характерный узор на глинистом грунте.

** *Ходжа Ахмед Яссауи (Яссауи) (1093—1166)* — знаменитый средневековый суфийский поэт и проповедник. *Кошкар-ата* — суфий, ученик Ходжи Ахмеда Яссауи. По одной из версий, умер от жары во время путешествия по плато Устюрт, где и похоронен.

Марат разделся и с разбегу плюхнулся в воду; тысячи брызг взметнулись в воздух и поглотили его. Мелкий, почти белый песок опалил босые ноги, и Даник тоже побежал. Нырнув, он обжегся уже водой, которая поначалу показалась ледяной, но постепенно привык и нехотя вышел из моря, когда подъехал внедорожник Ералы.

Спустя пару часов они мчались по разбитой грейдерной дороге в сторону плато Устюрт. Машина высоко подпрыгивала на ухабах и оставляла позади беспросветную завесу пыли. Вокруг растянулась давно не выдававшая дождей степь с выжженными проплешинами, редкими кустиками верблюжьей колючки вперемежку с солончаками.

— Тоска, — произнес вслух Даник.

Марат похрапывал на заднем сидении, на колдобинах его глаза раскрывались, но тут же вновь смыкались. Отучившийся в военном училище, он выработал привычку засыпать словно по приказу и так же мгновенно просыпаться. Оттого и был всегда энергичен и весел.

К вечеру машина подъехала к свежевыбеленному дому, где всем трем предстояло жить эти месяцы. Небольшому, всего в три комнаты, с удобствами во дворе в виде кривого деревянного туалета с вырезанным сердечком на двери. У дома располагался топчан*, неподалеку от него был вкопан грубо отесанный столб с прибитым посередке стальным, крашенным много раз то в зеленый, то в синий цвет рукомойником с нагрешейся за день водой. Под навесом стоял мотоцикл с коляской, укрытый потертым брезентом.

Ералы помог занести вещи в комнату, где вдоль стен стояли две кровати, застеленные цветастыми плюшевыми покрывалами. За дверью примостился невысокий шкаф из рыжей ДСП, рядом на стене одиноко висело зеркало, испещренное мушинными точками. Единственное окно было завешено пожелтевшими газетами, сквозь которые просвечивало вечернее солнце. На подоконнике лежала липкая бумага для мух.

— Ты давай пока размецайся, а я насчет ужина подсучусь. — Марат бросил сумку в шкаф и вышел.

Даник дотронулся до спинки кровати и с отвращением посмотрел на ставший черным от пыли палец. Он вышел из комнаты и вскоре вернулся с тазиком, полным воды, достал из сумки одноразовые тряпки и принялся тщательно вытирать мебель. Мама также положила ему в сумку белье, полотенца, подушку, упакованные в вакуумные мешки. Даник снял все чужое с кровати и сложил на шкаф.

— Ужин готов! — позвал его Марат.

На резном топчане стоял низенький столик с угощением: лепешками, домашним маслом янтарного цвета и большим блюдом куырдака — жаркого из мелко нарезанных кусочков бараньего мяса, почек и печени. Марат набросился на еду: жадно макал лепешку в жир от мяса и отправляя

* Топчан — на Востоке невысокий деревянный помост для отдыха и трапезы.

в рот, запивая густым и крепким чаем с концентрированным молоком. Он мог съесть сколько угодно и никогда не насыщался, ел и ел, пока ложкой не выскребал все до дна.

— В училище привык наедаться впрок, — ничуть не смущаясь, сказал он.

Даник с осторожностью перекусил, зная, что через неделю от запаха курдючного жира его станет выворачивать наизнанку, а от серого хлеба с мокнущей, слипшейся сердцевиной начнется изжога. Оставшееся время командировки он будет добивать желудок лапшой быстрого приготовления и сухими завтраками, мечтая о маминой пшенке с тонким лепестком масла на взрыхленной поверхности.

Ералы, улыбаясь, поглядывал на них. С ребятами лето проскочит опрометью, словно пугливый джейран, и опять ему проводить на Устюрте одному долгую зиму. Единственный сын живет в Алматы и сюда не приезжает, да и к себе не зовет. Как окончил университет, так и остался там. Кешик кейю* — примак, вертится около тестя, еще и тещу мамой называет, когда его родная мать давно в некрополе, под защитой самого Кошкар-аты.

— Маскара гой**, — произнес егерь вслух и тут же осекся.

Даник допил чай и принес из дома ноутбук, чтобы сверить расположение фотоловушек. Ералы внимательно рассматривал карту: то одобрително кивал, то покачивал головой.

— Давай возле родника установим две, — наконец проговорил он.

— Смысл? По нашим данным, он высох, — ответил Даник.

— Есть вода, тоненькая струйка, но есть. Завтра покажу.

Пока они вычерчивали маршрут, намечали остановки, Марат успел убрать со стола, вымыть посуду и сейчас лежал на топчане, уткнувшись в телефон.

— Даник, иди сюда! — крикнул он и, когда тот подошел, протянул мобильник: — Глянь!

Со снимка на экране улыбалась Айка на фоне готического собора-дуома.

— Уже в Милане. Я тоже скатался бы с ней, были бы средства. Тысяч пять евро на двоих за глаза хватит в такой поездке. Хотя нет, надо подарки покупать, сумку, туфли, то-се... Пускай семь, но где их взять? — сказал Марат.

— Не поедет она с тобой, — ответил Даник и вернул телефон.

— С тобой, что ли, поедет? Да-да, девушкам нравятся парни, живущие от зарплаты до зарплаты и с мамой! — Марат расхохотался, соскочил с топчана и принялся кружить вокруг напарника, нанося дурашливые удары в воздух. — Она в Милане, он на Устюрте!

* Кешик кейю (каз.), дословно «зять-щенок» — зять, живущий в доме тестя или в одном с ним ауле, городе.

** Маскара гой (каз.) — позор, срам.

Даник побагровел, схватил Марата за руку, и они сцепились. Сразу же подскочил Ералы и встал между ними:

— Э-э! Всем спать! Завтра в шесть подъем.

Марат оттолкнул их и ушел в дом.

— Вы мне бросьте бучу разводить! Если в первый день так, дальше что будет? — прокричал ему вслед Ералы.

Даника трясло. Чтобы немного успокоиться, он побродил по двору, полежал на топчане и, только когда погас свет в доме, пошел спать. А Ералы долго сидел на улице, смотрел на яркие звезды в черном небе, и огонек его сигареты был единственным на тысячи километров земли маячком.

Наутро, наспех умывшись и выпив чаю, они понеслись в сторону Западного чинка*, разрезающего небо обрывистыми меловыми вершинами, ближе к впадине Карынжарык, где когда-то плескалось древнее море, а теперь осталось жалкое солончаковое озеро, высушенное добела зноем.

Даник непрестанно пил противную теплую воду, но легче не становилось, голова его гудела колоколом. Время замедлилось: Ералы по несколько раз осматривал каждую точку, где устанавливали фотоловушку, Марат тщательно проверял обзор.

К вечеру, одуревшие от жары, вернулись обратно. После ужина Даник сел просматривать записи, а Ералы с Маратом остались на топчане допивать пиво. Видеокамеры работали исправно, но ничего интересного в объектив не попало: так, пара зайцев, несколько ужей да стайка каких-то серых птиц. Даник уже собирался выключить монитор, как вдруг в кадре появился соломенно-желтый кот. Если бы не торчащие треугольные уши с черными кисточками и черные линии на морде, Даник принял бы его за обычного. Он еще раз перемотал запись назад. Сомнений не осталось: это был дикий кот.

— Идите сюда! — позвал Даник.

— Что там? — спросил Ералы.

— Кот!

— Смеешься? — Марат нехотя подошел к компьютеру и вздрогнул: с экрана на него таращились кошачьи глаза.

— Это же каракал! — воскликнул Ералы и тотчас умолк, как от испуга, а потом зашептал, будто зверь мог услышать его и убежать. — Вернулся, значит! Лет десять не видели. Какой, а? — Тут же опытным взглядом определил: — Да это же самка! Тяжелая. Ну-ка, прокрути назад! На сносях. Лишь бы никому на глаза не попалась. Эх!

— А что такого? Фотоловушки ставим, чтобы как раз попадались, — сказал Даник.

Егерь нахмурился, отвернулся:

* Чинк — так в Средней Азии и Казахстане называют обрывистые меловые скалы по краям приподнятой плоской поверхности.

— Браконьеры. Животные исчезли, а они, наоборот, развелись. Сумырайлар!* — выругался он. — Большие деньги глаза застыт.

— Насколько большие? — спросил Марат.

— Семь тысяч долларов! За одного!

Марат хмыкнул, покрутился на месте, проверил номер видеокамеры:

— У родника стоит.

— Говорил же, вторую ставить надо. Возле скалы с глубокими расщелинами, — обрадовался Ералы. — Ну все, спать пора. Завтра рано вставать.

2.

Потянулись одинаковые будни. С рассветом просыпались, мотались по степи, ставили оборудование, ужинали, после ложились спать. На Устюрте старались работать сноровисто. Здесь все было чересчур: если солнце — то палящее, до воспаленных глаз и красной кожи, если ветер — то затягивающий в колючую воронку из песка и пыли. Но более всего Даника утомлял воздух, плотный, удушающий, густо вскипающий смесью полыни и адраспана. Ему казалось, что день длится дольше прожитой им жизни, и каждый вечер наваливался одинаковый закат, непременно с желтовато-серым оттенком, как и все здесь: глинистые почвы впадин, обрывистые края чинков, мелькающие между расщелин джейраны... Одно развлечение: степная рысь, которую он прозвал Кара**. Она приходила к роднику, жадно пила, тыкалась мордой в объектив и пристально смотрела на Даника с надменным прищуром миндалевидных глаз. Точь-в-точь как Айка.

Однажды Кара пропала, и Даник в тот вечер не находил себе места.

— Вернется, должна, — успокаивал его Ералы, а сам несколько раз перепроверил записи с других камер.

Рано утром егерь разбудил Даника, и они вместе поехали к роднику. Даник прочесал все вокруг, полез в заросли белого саксаула, вспугнул спрятавшегося там зайца-песчаника. Тот выпрыгнул из кустов и пустился наутек.

Ералы посветил в расщелину и обнаружил помет. Растер его, отряхнул с ладоней и с радостью сообщил:

— Здесь, здесь каракал! Помет нескольких дней. Ждем. Это самцы далеко уходят, а самочки чаще в одном месте живут. Да и врагов у каракалов нет, только человек.

Но Кара появилась только перед самым их отъездом, в сопровождении трех котят. Детеныши уже крепко стояли на ногах, играли и гонялись друг за другом, бешено носились вокруг матери, которая спокойно следила за их возней. Даник наблюдал за ними, открыв рот, и больше всего ему

* Сумырайлар (каз.) — гнусные люди.

** Кара (каз.) — черная.

хотелось подергать котят за уши, на которых весело колыхались черные кисточки.

— Смотри, какие пупсы прикольные! — сказал он Марату.

— За ними теперь глаз да глаз, — озабоченно проговорил Ералы и, немного помолчав, продолжил: — А можно пока скрыть эти записи? Пусть котята подрастут. Мало ли...

— Двадцать одна тысяча «бакинских» прогуливается под носом, — ответил Марат. — Слушайте, можно же двоих взять и передать заботливым хозяевам за солидное вознаграждение. Опять-таки котята в безопасности. А записи подправим... да, Даник?

Даник представил себя с Айкой в Милане возле собора-дуомо, но поспешил отогнать эту мысль.

— Это тебе не домашняя кошка! Харам* ее в неволе держать! — вспыхнул егерь. — Устюрт — их дом. Давно люди сюда пришли, и караван-сарай строили, и дороги прокладывали. Все мало им. Сайгаков побивали, гепарда извели. Каракал появился — теперь и его надо к рукам прибрать? Так получается? Смотри, Устюрт жестокая земля, подлости не терпит!

— Да я просто так, ты чего? Ералы-ага, будешь в Алматы — звони, заезжай, — тут же сменил тему Марат. — Сегодня отметим завершение проекта, как положено. Вещи только соберем.

— Сын тоже зовет, но прикипел я к этим местам, — смягчился Ералы. — Наш святой Кошкар-ата здесь умер, жена моя тут... Нет. Куда мне отсюда?

Вечером они лениво наблюдали, как красное солнце опускается за плато во впадину, заволакивая чинки сизой дымкой, окрашивая уступы в густо-розовый цвет.

— Слушай, как приедем в Алматы, надо к шефу зайти, премию выбить, — сказал Марат Данику. — Остальные-то пристроились на проекты поцивильней, живут себе в гостиницах, камеры в бизнес-центрах монтируют. А мы что, от токал** родились? Или волонтеры какие? Пускай компенсирует!

Даник ничего не ответил, включил компьютер и по привычке прокрутил записи с камеры у родника. Кары с котятами не было видно. Зато появились два человека в камуфляжной форме.

— Ералы-ага! — подозвал он егеря. — Ваши?

Тот подошел и, взглянув на экран, побледнел:

— Когда?

— Десять минут назад.

— Малгундар!*** — крикнул Ералы и бросился к внедорожнику.

* Харам — греховные, запретные действия у мусульман.

** Токал (каз.) — младшая жена при живой старшей жене.

*** Малгундар! (Каз.) — Проклятые!

Даник рванул за ним, но Марат схватил его за рукав и тихо произнес:

— Не лезь! Это браконьеры.

— Пусти! — Даник оттолкнул его и вскочил на переднее сиденье.

Машина взревела и, подпрыгивая, понеслась по степи. Ералы на ходу по радиии вызвал инспектора с соседнего кордона.

Они были еще там, у родника, — двое мужчин: один пожилой, плотный, с круглым лицом, второй — молодой парень в бейсболке, ростом повыше. Первый держал в руках шевелящийся мешок, из которого раздавалось странное щебетание и визг. Неподалеку в темноте белела «нива».

— Брось мешок! — крикнул Ералы и выскочил из машины.

Даник выпрыгнул вслед за ним. От ощущения близкой опасности его сердце учащенно колотилось.

— Брат, стой на месте. Мы сейчас сядем в машину и уедем, — нарочито спокойно ответил пожилой.

Ералы бросился к нему, схватился за мешок и потянул к себе. Пожилой сделал несколько шагов в сторону, споткнулся. Второй браконьер внезапно вынул из-за спины «пятизарядку» и пальнул в егеря.

Выстрел оглушил Даника. Все шумы исчезли. Вокруг беззвучно шевелилась жухлая трава, тряслась мелкой дрожью, но не гудела машина, безмолвно копошился на земле мешок. Не в силах двинуться, Даник смотрел, как исказилось лицо Ералы, как он обмяк и, взмахнув руками, упал навзничь. На его футболке расплывалось красное пятно, точно такое же, как вечернее солнце Устюрта.

Рядом послышалось тихое, прерывистое рычание. Это была Кара. Глаза ее широко раскрылись, она пристально взглянула на Даника и, взлетев на спину пожилого, повалила того на землю. Несколько мгновений они кубарем катались в траве, браконьер ревел от боли, а Кара подбиралась к его горлу. Второй выстрел заставил ее отступить.

Молодой подбежал к приятелю и поволок его к машине, озираясь по сторонам, беспорядочно стреляя в темноту.

Взревел двигатель, «нива» метнулась в сторону впадины и вскоре скрылась из виду.

Снова навалилась оглушительная тишина. Даник застыл — понял, Кара рядом и наблюдает за ним. Он закрыл глаза, и ему привиделась Айка, всплыли в памяти слова Марата: «Ты на Устюрте, она в Милане». Потом еще и еще, пока из зарослей саксаула не донеслось шипение.

Даник кинулся развязывать мешок, но трясущиеся руки, казалось, только ту же затягивают узел.

— Кара, я их не трону! — взмолился он, будто рысь могла понимать человеческую речь.

Где-то близко послышался звук мотоцикла.

— Данияр! Ералы-ага! — раздался голос Марата.

— Сюда! Сюда! — замахал руками Даник и бросил мешок на переднее сиденье внедорожника, боясь, что мотоцикл наедет на него.

Шум испугал Кару, и она скрылась в расщелине, не решаясь подойти поближе.

Ералы еще дышал. Они перетащили его на заднее сиденье машины, сами уселись впереди. Куда-то подевался ключ зажигания, Даник нащупал рацию и крикнул:

— Прием! Прием! Помогите! Егерь ранен!

В мешке закопошились котятка.

— Возьмем двоих? Никто и не узнает, в мотоцикле спрячем, — проговорил Марат, потянувшись к мешку.

— Не трогай! Тебе говорю! — Даник впервые повысил на него голос. Опешивший Марат отдернул руку.

На капот взлетела Кара. Глаза ее угрожающе сузились. Она раскрыла пасть, обнажила острые клыки, и Марат, отпрянув в испуге от лобового стекла, принялся развязывать мешок.

Наконец веревка поддалась, и из мешка вывалились котятка. Даник не удержался, подергал одного за уши. Затем приоткрыл дверь, и они по одному выскользнули через узкую щель наружу. Кара, наблюдавшая за ними через лобовое стекло, соскочила на землю, перепрыгнула заросли саксаула и оглянулась в ожидании детенышей. Те в нерешительности потоптались возле машины, затем побежали к матери.

Воздух взорвался гулом вертолета. Черные кисточки мелькнули в снопах света и пропали в темноте.

— Они не вернуться, — с тоской глядя им вслед, проговорил Даник и больше не проронил ни слова.

Потом они грузили Ералы в вертолет и молча ехали в машине охранной инспекции на кордон.

Даник решил заночевать снаружи, но так и не смог заснуть до утра. То бродил по двору, то просто сидел на топчане и смотрел вдаль. Вдруг увидел небо, каким прежде не знал его: бездонно-черное, с яркими звездами, какие бывают только в пустыне.

Перед самым рассветом у него вырвалось:

— Кошкар-ата, спаси Ералы! Пускай живет, а? И Каре помоги!

Через день они двинулись к Кошкар-Ате. Ералы был уже там. На деревянной скамье, завернутый в темно-зеленый узорчатый ковер. Рядом толпились мужчины. К Марату с Даником подошел старичок в потертом чапане*, дал две новые тубетейки, знаком приказал надеть.

— Идут! — крикнул он.

Присутствующие засуетились, выстроились друг за другом. По дорожке быстрым шагом шли двое мужчин. Один из них, в костюме и солнцезащитных очках, был сын Ералы.

* Чапан — теплый халат, который носят в Средней Азии в качестве верхней одежды.

После того как мулла закончил читать молитву, вперед вышел уже знакомый Данику и Марату старичок и крикнул:

— Хорошим ли человеком был Ералы?

— Да! — всколыхнулась в ответ толпа.

— Есть ли здесь люди, которые держат обиду на Ералы?

— Нет!

— Есть ли здесь люди, которым должен Ералы?

— Нет!

— Да... — раздалось откуда-то с краю.

— Кто возьмет его долги на себя?

Толпа затихла. Кто-то подтолкнул вперед сына Ералы.

— Я, — неуверенно произнес он.

Тут же несколько человек подошли к скамье, где лежал Ералы. Ковер развернули, подхватили укутанное в белую ткань тело и понесли к могиле.

Сразу после похорон Даника с Маратом отвезли в аэропорт. Ехали молча, в полной тишине, лишь ветер временами свистел за стеклом да взвизгивали тормоза на поворотах.

— Поймали браконьеров, — только и сказал Марат.

Потом от Айки пришло сообщение в три коротких слова: «Как ты? Волнуюсь». Даник выключил телефон и прижался лбом к холодному, запотевшему стеклу иллюминатора.

Внизу плотным чернильным пятном расплылось море: неподвижное, тяжелое, сдавленное по краям серо-желтой, выскобленной догола степью, некрасивой, неприглядной, живой.

Владислава ВАСИЛЬЕВА

ПЕРЧАТКА

Р а с с к а з

Перчатку Лариса нашла за тумбочкой в коридоре. В тот день она втащила в квартиру сетку с картошкой и большой пакет из ближайшего супермаркета: творожки, кефир, филе трески в вакуумной упаковке — кальций и фосфор, Алешеньке надо хорошо и правильно питаться. Приехала на тумбочку у зеркала и сняла наконец ненавистные ботильоны. Красивые, конечно, немного в гимназическом стиле, с острым мыском.

Вытянув ноги, Лариса устало прикрыла глаза. Надо вставать, подумала она, и немного пошевелила затекшими от узкой обуви пальцами. Надо отнести продукты на кухню и подтереть полы: Алешенька любит, когда линолеум маслянисто сияет чистотой и воздух в квартире легок и свободен от малейшей частицы пыли. Сейчас, сейчас я встану, понукала она себя сквозь усталость.

И тут ее ноздрей коснулся некий посторонний запах. Запах горьковатого, тягучего парфюма. Женского. Взрослого. Следы запаха, вернее. Словно аромат тайком выглянул из темного уголка — посмотреть на Ларису — и тут же опять скрылся в своем убежище.

Лариса духами не пользовалась. Иногда, когда выходила «в люди» с Алешенькой, она могла чуть-чуть мазнуть по коже пробкой от старенького рифленого флакона с надписью «Ландыш». Пахло, действительно, ландышем. И еще чем-то очень печальным, будто давно позабытым. Алеше нравилось. Флакончик достался Алеше то ли от мамы, то ли от бабушки, и он торжественно вручил его Ларисе, когда они начали жить вместе. Вручил, как другие мужчины вручают кольцо. В счастливые моменты он вдыхал где-то у Ларисы за ухом и шептал: «Муза моя...» Да, она и хотела быть музой. Ради этого можно было вытерпеть и узкую обувь, и каблочки, и длинные широкие юбки в любую погоду, и полупрозрачные блузки с маленькими пуговками на спине. Полупрозрачные, чтобы было видно локотки. «Локотки, — говорил Алеша, — у женщины главное. Осанка и локотки. И волосы до самой талии».

Тепло квартиры совсем разморило Ларису. Она вспомнила, как год назад рисовала на уроках сердечки и стрелки, писала «Лариса + Алеша» в школьной тетради и училась делать красивую подпись с новой фамилией. Тогда она думала, что главное в жизни — любовь. Глупая была, наивная. Эгоистичная. Светлана Викторовна и мама объяснили ей тогда, что главное в жизни — служение. Когда ею, простой школьницей, заинтересовался сам Алексей Глебов, известный в городе литератор, имеющий репутацию непризнанного гения, красавец с пышной седой шевелюрой, то всполошились все. Светлана Викторовна, учительница русского, руководившая литературным кружком, отвела Ларису в сторону и серьезно с ней поговорила.

— Девочка, — сказала она, — разумеется, в силу твоего возраста, я не могу тебе советовать ничего такого. Но помни, обидеть гения легко. И лишит русскую литературу великого писателя. Ох, как я переживаю, что ты не сможешь найти правильные слова! Важно не ранить... не уничтожить... Бедный Алексей! Я поговорю с твоей мамой.

И поговорила.

Мама начала издали — с ответственности, с великой миссии спутницы мужчины-гения, творца. Закончилось, правда, как обычно, раздраженным монологом об избалованных девчонках, которых на пушечный выстрел нельзя подпускать к чему-то хоть сколько-нибудь важному. Дальше мама весь вечер пила валерьянку и громко мучилась своей виной перед человечеством, что, будучи молодой студенткой, допустила, чтобы первые четыре года жизни дочь прожила у свекрови и та безбожно ее испортила.

— Ведь что было! На пол в магазине падала, кричала, требовала! Сопля четырехлетняя, а наряды ей подавай. Позорила меня перед людьми, кое-кому до сих пор в глаза боюсь смотреть, — причитала мама.

Да, Ларису тогда перевоспитали. Надо было заботиться о младших братьях, сестрах, выгуливать собаку, взятую мамой «для души», кормить кроликов — был и такой бизнес-проект у родителей. По вечерам бывало, что Лариса почти засыпала за ужином, ложка падала в суп и жирные капли разлетались по белой скатерти — мама любила кипенно-белые скатерти.

И все-таки, кроме раздражения и гнева, за всеми мамиными причитаниями Ларисе чудилось удивление, как такой великолепный экземпляр творческой интеллигенции мог обратить внимание на ее непутевую, избалованную дочь, не знающую ничего о бескорыстном служении искусству.

Лариса не смогла найти достойных, не ранивших тонкую душу слов, да и не искала, — она приняла предложение гения. Алешенька плакал от счастья, кричал Светлане Викторовне: «Светочка! Я нашел свою музу!» Светлана Викторовна смотрела на них влажными от умиления глазами и ободряюще гладила Ларису по спине.

Друзья Ларисы по литературному кружку, однако, новость восприняли скептически.

— Дался тебе этот старпер, — сказала циничная Женька, затягиваясь сигаретой, когда на переменке за школой Лариса объявила им об изменениях в своей жизни. — Он вообще работает где-нибудь? Или ты его содержать будешь? Вкалывать пойдешь вместо института?

— Стой, вот прям сейчас экспромт вам сочинила! — насмешничала толстая Дашка-поэтесса, любившая на все случаи жизни придумывать стихи. — Стой. Слушай!

Проснись в постели старого поэта —
 Познаешь отращение, и это
 Тебе однажды очень пригодится,
 Когда в твой дом войдет разносчик пиццы.

В общем, с подругами Лариса тогда поругалась. Но гаденькие стишки запомнились, как ни старалась она стереть их из памяти.

Морщась от навязчивого воспоминания, Лариса полезла за тумбочку — искать источник запаха. И нашла женскую перчатку. Из тонкой мягкой кожи, с нежными округлыми пальчиками, чуть-чуть надорванным швом у большого пальца и тревожащим, горьким запахом духов. Наверное, Лариса так и не заподозрила бы ничего плохого, если бы просто кинула перчатку на тумбочку — мало ли кто из Алешиной тусовки мог ее тут потерять, — но она унесла вещь в комнату, чтобы как следует разнюхать задевающий чем-то запах. Что-то знакомое, что-то очень-очень горькое было в нем. Какая-то невосполнимая потеря. И, засыпая потом одна — Алеша что-то припозднился со своего литературного собрания, — она все пыталась вспомнить, откуда ей знаком этот аромат.

Поздним возвращениям Алешеньки Лариса не удивлялась. Сразу после того, как она пришла к нему жить, он заявил ей совершенно серьезно, что она — его муза, его идеальная девочка, а потому читать свои несовершенные черновики он ей не даст, слушать их чтение на литературных собраниях, куда он ходит регулярно, тоже запрещает. Она должна набраться терпения. Вот когда его наконец признают и выдвигнут на Премию, тогда он сам с благоговением преподнесет ей экземпляр своего великого романа. А пока вот — сборничек рассказов, вышедший во времена его совсем зеленой молодости, в них уже чувствуется рука будущего мастера.

Что ж, Лариса читала и перечитывала рассказы Алешеньки, удивлялась и радовалась их тонкости. С удовольствием слушала Алешины друзья, когда они, после литературного собрания, толпой приходили к ним домой, целовали ей руки и шептали на ушко или заявляли во всеуслышание: «Ларочка, твой муж гений! Талантище! В самую душу!» Лариса

краснела от удовольствия и, стуча каблучками, — а встречать гостей она всегда должна была нарядной, при полном параде, — бежала на кухню, чтобы нарезать, раскладывать, проверять в духовке и вынимать из морозилки. Алеша в такие минуты явно гордился ею, спрашивал у друзей: «Правда же, она красавица?» — и шептал ей: «Ты моя муза! Какие у тебя локотки! Ты знаешь, что в женщине главное? Локотки!»

Убаюканная ароматом, в котором ей мерещилась и вянущая трава, и пыль, и запах дамских сигарет, и чье-то кожаное пальто, она и не заметила, как уснула с чужой перчаткой под подушкой.

Придя на следующий день с работы, Лариса увидела раздраженного Алешу и следы неумелого обыска в квартире. Она бы поняла, если бы он сразу спросил ее, не находила ли она перчатку, забытую кем-то из литературных «девушек». Поняла бы, если бы Алеша искал перчатку и раскидывал в раздражении вещи как попало, обвиняя ее в неумении вести хозяйство, в неряшливости, женской глупости и вообще во всех смертных грехах. Такое она прощала своему гению. Но эти неуклюжие попытки скрыть поиски... Но отчужденное молчание...

Неужели он изменяет ей? Вдруг припомнились и двусмысленные ухмылки друзей, когда, рассказывая что-то, она произносила «мой Алеша», и презрительно-ревнивое отношение литературных дам. И слова самого Алеша, когда, глядя на полупьяные попытки флирта его друзей с Ларисой, он холодно говорил:

— Для мужчины, женившегося на молодой, уже в этом-то самом и заключается наказание. Запомните, идиоты! Не я сказал. Платон.

Тогда Лариса не слышала в его высказываниях ничего, кроме одного слова — «женившегося». Она так мечтала, что это произойдет! Придумывала себе платье, а для Алешеньки костюм или даже смокинг.

Но сейчас все выстроилось в совсем другую логическую цепочку. В странном, отчужденном молчании прошло несколько дней. Алеша постепенно успокаивался, а Лариса все хранила под подушкой перчатку, не в силах расстаться с тайной горького запаха.

Через неделю, во время очередного Алешино собрания, когда Лариса сидела дома одна, в дверь позвонили. На пороге стоял улыбчивый парень из соседней квартиры.

— Привет! Я Кир, имя такое. Слушай, есть одно дело, выручай. Дай пароль от своего вайфая, а? Позарез нужно! Не бойся, ничего такого, у меня просто что-то с сетью, а мне надо срочно выслать работу заказчику. Ну будь другом! А чего темно-то так? Почему без света сидишь?

Измученная событиями и мыслями последней недели, Лариса все никак не могла понять, чего он от нее хочет. Она машинально щелкнула выключателем. Действительно, не работает... Она не помнила, когда последний раз зажигала свет, и Алеша ничего не говорил, не выговаривал ей за «бардак в доме», молчал. Лариса подняла голову и посмотрела на

лампочку, теряющуюся где-то в темноте, — стены в их доме старой постройки были высокими, под четыре метра.

— Давай так, — Кир тем временем продолжал проявлять радостный энтузиазм, — я тебе лампочку поменяю, а ты мне пароль дашь! У тебя стремянка есть? Ай, стой тут, свою принесу!

И он метнулся за стремянкой. Уже придерживая стремянку и наблюдая, как он меняет лампочку там, наверху, Лариса вдруг вспомнила, что она должна ему сказать:

— Кир, у нас нет вайфая.

— Что?

Пытаясь расслышать, сосед резко повернулся — и начал падать. Отчаянные попытки удержаться ни к чему не привели. Он сверзился с высоты четырех метров, по пути врезавшись вместе со стремянкой в антресоли шкафа. Чудом ничего себе не сломал, но основательно расцарапался и зашипел от боли.

Лариса наконец очнулась, кинулась на кухню за перекисью, на ходу скомандовав парню, чтобы снимал футболку. Она прижигала быстро краснеющие на белой коже царапины, дула на них, чтобы не щипало, и неожиданно для себя почувствовала странный жар, исходящий от соседа. Все было ей удивительно: и упругая кожа, нежная, как у нее самой, и твердые мышцы, и черные — не седые! — волосы на смуглой гладкой шее. Движения ее замедлились. Кир посмотрел ей в глаза и осторожно притянул к себе...

Дальше она помнила все отрывками, как в калейдоскопе. Вот Кир хватает ее за руку, и они спешат по темному коридору к двери, как два школьника, сбегающих с урока. Вот он целует ее, и свежесть его дыхания ошеломляет. Вот они смеются. Вот они возятся в постели, как два резвых щенка, совершенно не чувствуя усталости, и она даже немного плачет от радости. Она, оказывается, совершенно не знала, что заниматься любовью можно вот так — без долгих романтических предисловий, без боязни сделать что-то неправильно. Что можно сказать парню: «Ай, дурак!» — а он совершенно не обидится, ущипнет ее за нос и засмеется: «Сама такая!» Что не надо быть деликатной «до», не надо утешать «после» — ничего не надо, все и так хорошо!

— Слу-у-ушай, у меня пицца есть! — сказал Кир. — Может, нам перекусить? Хочешь?

«Когда в твой дом войдет разносчик пиццы...» — прозвучал в голове насмешливый Дашкин голос. И Лариса, вскочив, бросилась лихорадочно собирать одежду с пола.

— Ты чего? У тебя отец, что ли, строгий?

— Это не отец... — только и смогла выдать она, поспешно покидая квартиру соседа.

А в голове Дашкин стих продолжался, складывался сам собой, к ужасу и отчаянию Ларисы:

...Когда в твой дом войдет разносчик пиццы —
Почти ребенок, юноша, инфант, —
Короче, идеальный вариант.
Густой румянец, молодое тело —
Все идеально, все как ты хотела...

«Я не хотела!» — чуть было не закричала Лариса, но кричать уже было бессмысленно.

Она вошла в квартиру, закрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной, чуть не плача. Мама была права: она все только портит... В глаза бросилась разбитая дверца антресоли. И вот тут Ларисе стало по-настоящему страшно. В этой антресоли Алешенька хранил свою рукопись, дверцу он всегда запирали, а ключ торжественно вешал на шнурке на грудь, у сердца. Что Лариса скажет ему?

Она медленно подняла стремянку и полезла наверх, чтобы оценить нанесенный ущерб. Странно, рукопись лежала там, хотя Алеша говорил ей, что идет на литературное собрание, где он всегда читал друзьям-писателям новые страницы. Только листки немного разлетелись от удара. Лариса протянула руку, чтобы поправить стопку, и вдруг увидела свое имя. Ну что ж, это не первое ее преступление сегодня...

И она начала читать.

Речь в романе шла, разумеется, о великом писателе. Красивом, седовласом, талантливом. Которого любила молоденькая девушка, так страстно и бескорыстно, что отдавалась ему на каждой странице. В описаниях то и дело мелькали розовые локотки, румяные ягодицы, каблучки, которые девушка не успевала снять, дрожащие губы и умоляющий взгляд. Юная героиня заклинала писателя любить ее, и он снисходительно овладевал ею, думая при этом о перипетиях русского литературного процесса.

У Ларисы задрожали руки. Она лихорадочно перебирала и откидывала страницы, но сцены с локотками, ягодицами и каблучками повторялись снова и снова... И от героини все время пахло ландышем. Ларису затошнило. Надо положить рукопись на место. Сделать вид, что не читала. Все обдумать... Но, заглянув опять вглубь антресоли, она увидела в дальнем углу тугой цилиндр, стянутый резинкой. Деньги? Алешенька не работал, роман его — тут Лариса содрогнулась — не печатался, деньги в дом приносила только она. Так откуда?..

Она сняла резинку, развернула купюры — и узнала на одной странную чернильную закорючку. Это ее деньги. Была одна такая бумажка, видимо, в банке помеченная. Вот почему ее зарплата уходила так быстро и им вечно не хватало! Лариса бегала занимать к маме, а та давала, поджав губы и приговаривая: «Какая ты ужасная хозяйка... Погубишь ты его!»

Пять тысяч, десять, двадцать... Лариса пересчитывала и не верила своим глазам. Неужели он таскал у нее деньги? Она дала бы ему на что угодно, она с радостью отдавала бы ему всю зарплату, но он всегда

говорил: «Избавь меня от этих низких вещей, муза моя! Разве что на сигареты». И этот человек, оказывается, копил деньги. Ее деньги! Тайком! Да еще и сворачивал их рулетиком, как... как гопник!

Медленно, словно во сне, она пошла в спальню и опустилась на кровать. Ей надо подумать. Надо подумать... Да нет же, это она во всем виновата, она одна! И, выхватив из-под подушки чужую перчатку, она в отчаянии начала хлестать себя по лицу. Вот тебе! Вот!

Запах горечи усилился, и наконец-то хлынули слезы. Злые, мелкие слезы...

И тут она вспомнила! Вот она, маленькая, лежит на мраморном полу детского универмага и отчаянно ревет. А над ней, внимательно ее разглядывая, склоняется красивая дама в кожаном плаще и иронично поднимает изящную бровь. Она вспомнила! Она знает, куда идти!

— Бабушка!

Лариса стояла на пороге бабушкиной квартиры, прижимая к себе рукопись и злополучную перчатку и заливаясь слезами от счастья, что видит эту строгую седую даму — с пальцами, унизанными серебряными кольцами, с сигаретой и — что делает время! — с тростью. Сейчас Лариса вообще не могла понять, как она не догадалась прийти сюда раньше. Почему ни разу не прибежала, учась в школе? Забыла адрес?

— Проходи! — И бабушка пошла, тяжело опираясь на трость, вглубь квартиры, приглашая за собой.

Она выслушала все сбивчивые объяснения и все извинения, рассматривая внучку и подняв одну бровь, совсем как тогда, в Ларисином детстве.

— Я тебя не виню, — сказала она. — Тебе было четыре года, ты могла все забыть. Насколько я знаю твою мать, для тебя же лучше было забыть.

Лариса кивнула.

— А теперь что-то случилось, так ведь? Я вижу, вижу, девочка моя. Рассказывай.

Смущаясь, давясь слезами, Лариса рассказала все и выложила на стол рукопись, деньги и перчатку. Бабушка взяла прежде всего перчатку и потянула носом остатки аромата с подкладки.

— Творение мадам Грес, знаменитый «Кабошар», — сказала она. — Понятно, почему ты вспомнила. Я пользовалась им. Я тебе сейчас покажу, у меня еще осталось немного.

И бабушка принесла из соседней комнаты небольшой флакончик, повязанный серым бантом. Лариса понюхала — и обрела наконец покой и чувство родного дома.

— Эту гадость я и смотреть не буду, — сказала бабушка, отталкивая рукопись. — Наверняка чудовищно бездарно.

— Откуда ты знаешь?

— Я была знакома с его матерью, и Лёшика твоего прекрасно помню. Вредный был говнюк и совершенно бесталанный.

Даже если бабушка сейчас говорила так, чтобы успокоить ее, Ларису это совершенно устраивало. Она теперь тоже так думала.

— А вот деньги заслуживают внимания, — сказала бабушка. — Сколько там? Ого! Что ж, я знаю, ты сумеешь ими распорядиться. Завтра и начнем.

Уже засыпая на разложенном диване, Лариса вдруг вспомнила свои слезы на мраморном полу и окликнула бабушку:

— Ба, а что ты делала, когда я плакала, падала на пол и просила куклу?

— Смеешься, что ли? — откликнулась бабушка из спальни. — Покупала тебе куклу, конечно! Желания женщины должны исполняться, даже если она маленькая!

Через две недели Лариса вошла в квартиру писателя. Запах не оставлял сомнений — Алешенька пил. Пил и не проветривал. О маслянисто блестящем чистом линолеуме можно было и не вспоминать. Брезгливо ступая между бутылками и коробками от «Доширака», Лариса прошла сразу к шкафу. Забирать было особо нечего, но она умудрилась сбежать без документов.

Сзади раздался шорох.

— Тварь! Где мой роман? Где мои деньги?

— Твои деньги?

Если бы Алеша помнил Ларисину бабушку, он бы оценил сейчас, как искусно его бывшая муза воспроизвела ироничное движение правой бровью. Но он не помнил, для него это было совершенно новое выражение ее лица. Только сейчас до него дошло, как изменилась Лариса за эти дни. Исчезли каблуки, юбка, блузка с прозрачными рукавами. Зато появились джинсы, кеды, рубашка, и главное — появилась кошачья плавность в движениях и насмешливое выражение лица. Волосы теперь были короткими, посветлели и вились кольцами...

Алеша почувствовал себя неуверенно.

— Я копил!

— Ты копил из моей зарплаты.

— Я... я копил на подарок тебе!

Новая, наглая Лариса пожала плечами:

— Ну что ж, как видишь, ты его сделал. Спасибо, мне на все хватило.

— Нам надо поговорить! — Алеша попытался сказать это грозно, но на самом деле почти умолял. — Где моя рукопись?

Лариса лениво смотрела на жалкого, трясущегося пьяного старика. Отомстить? Сказать, что отдала рукопись его заклятым врагам и те присвоили ее? Соврать, что продала роман режиссеру студии порнофильмов? Она вздохнула:

— Я сожгла ее, она бездарна. Извини, — и подула на свою новую легкую челку, любуясь, как светлая прядь взлетает от дыхания.

Алеша со стоном выбежал из комнаты, а Лариса продолжила собирать документы.

— Умри, тварь!

Она оглянулась. На пороге комнаты стоял Алеша с огромным ружьем в руках. «Двустволка, у кого только взял?» — успела удивиться Лариса, а потом произошло сразу несколько вещей.

Раздался резкий автомобильный гудок с улицы — бабушка устала ждать в машине. Голова Алеши странно дернулась, и ружье выстрелило. На Ларису упали куски отбитой штукатурки с потолка. Алеша взвизгнул и повалился на колени. За ним, намотав на кулак его седые волосы, стоял Кир. Откуда он только взялся?

— Ларис, ну ты чего дура-то такая? — сказал сосед. — Зачем ты к нему одна пошла? Новости, что ли, не смотришь? Вон в Питере такой же старикашка девчонку застрелил, когда она от него уйти хотела. Хорошо, хоть двери за собой не запираешь. — И Кир укоризненно покачал головой.

— Сам такой, — ласково сказала Лариса. — Пойдем, я тебя с бабушкой познакомлю!

И, перешагнув через хнычущего на полу Алешеньку, поцеловала спасителя.

Алина ПОЖАРСКАЯ

ВЕТРЯНКА

Р а с с к а з ы

Долбанутая семья

— Да я тебя убью! — говорит Лу. — Как ты могла забыть?

— Да не забыла, — отвечаю. — «Не помню такой эсэмэски» — это значит, что она мне не приходила. Проглочил телефон.

Эсэмэс Лу отправила о том, что стала теткой.

— Вот представь, — говорит она, когда стоим в очереди в «макдаке», — приходит Миха домой и говорит: «Мам, Соня беременна. Что нам делать?» Мама женщина крепкая: плечами дернула и только потом пошла за валидолом. А я ржу. «Что нам делать?» Нам!

— Вам кофе обычный или большой? — спрашивает парень за стойкой. — Большущий? — Он смеется. — Нате вам большущий!

На пластмассовых стульях сидеть свободно и весело. Лу достает телефон:

— Вот он, племяш! Я тетка.

Звучит это так, будто она не тетка, а бабушка. Близко к ребенку чья-то щетина и красные губы, похожие на те, что у Лу. Миха — ее младший брат.

— Соня, — рассказывает она, — с детства избалована, что называется, в порядке компенсации. Родители у нее глухие. И она должна была такой родиться. Представь, сколько было радости, когда оказалось, что она не глухая! Все ее обожали.

Недалеко от нас лестница вниз, к туалету. Над этим туалетом все смеются, потому что он по жизни не закрывается.

— Ну то есть, — говорит Лу, — Сонины родные решили, что все-ленная сделала им большое одолжение. И значит, в любой момент может свой подарок забрать. И они укрывали дочку от опасностей. Заботой и обожанием.

Воспитывала Соню главным образом бабушка. Соня зовет ее мамой.

— Так и что, — говорю, — как же так получилось-то?..

— Да известное дело. Домашняя, любимая девочка, вот и не доглядели. Была бы уличной — знала бы, что к чему.

Я вспоминаю школу и подростковые компании. По статистике, в два раза чаще в полицию попадают ботаники.

— После известия мама взялась за дело. Она ж акушер. Заранее «выбила» роддом. Это сорок кусков! Звонила всем, договаривалась. Так-си вызвала, когда пора пришла.

— Они поженились? — спрашиваю.

— Не-а. Одно время Миха жил у них. Потом однажды взял и ночевать не пришел. Где он был, что делал — я не знаю. Может, и ничего такого. Но она его прогнала. И правильно.

— Грустно как-то, — говорю.

— А что делать? Вернее, терять-то ей что? Замуж мы не захотели. Бабушки всегда под рукой. Подрастет ребенок, я и мама его в Крым повезем...

Уже несколько лет подряд Лу ездит вместе с мамой в Крым. Говорит, что они прекрасно ладят, только спят в разных комнатах: мама храпит.

— Чего она замуж-то не пошла? — спрашиваю.

— Да я б тоже за такого не пошла, — отмахивается Лу.

В профиле популярной соцсети у Миши стоит статус: «Бородатая хрень-перехрень за рулем! Скоро на всех дорогах страны!» И водительские права на аватарке.

Дальше выясняется, что замуж Соня все-таки вышла. За его лучшего друга. И тот сразу же стал бывшим лучшим другом. Зато мужем Сони.

— И, знаешь, непонятно... Кого ребенок должен звать отцом? Если б Миха совсем не приходил — тогда все ясно: Андрея. Если бы приходил постоянно, тогда Андрей — просто отчим и по имени. А так... ни туда ни сюда.

Внизу кто-то говорит: «Иди, я подежурю у входа, чтоб никто не зашел». Я вспоминаю свою однокурсницу, которая боялась лифтов и запертых туалетов — что замок заклинит и она останется внутри на веки вечные. При ней всегда кто-то дежурил.

— Ну и что, — говорит Лу, — что так все вышло! Зато Соня всегда будет для Гоши молодая мама. Она институт окончит — он в школу пойдет.

На видео мальчик лет пяти стоит на табуретке и читает наизусть:

— Трамвайное депо пятнадцатого автобусного парка приглашает на работу водителей и работников других специальностей. Заработная плата...

— Выучил! Наизусть! Сам!.. — За прошедшие годы Лу своего умения не растеряла.

Под нами все так же не закрывающийся туалет.

Соня развелась с Андреем, бывшим лучшим другом Миши, и тот из бывшего лучшего друга снова стал нынешним.

— Вот это они под елочкой, — говорит Лу и показывает фотки. — Это Соня, Гоша и Михандрей. Это Соня, Гоша и Андрей. А это, — она поворачивает телефон: следующая фотка горизонтальная, — это они все. Одна дружная долбанутая семья.

Ветрянка

— Алло! Рита! Здорово! Это Жека.

— Какой конкретно? — Номер был незнакомый.

— Ой, извините, — сказал Жека. — Я, видимо, ошибся.

— Ничего страшного, — ответила я.

И зависла. Если ошибся, то откуда он знает, что я Рита? А если я у него в телефоне, то это еще почему?

Через пять минут мне пришла СМС, набранная транслитом: «Рит, до меня только что дошло. Это Жека Скурихин. Звонил однокурснице насчет диссера, тоже Рите. Перепутал, и вот что вышло».

«Быстро добавился в друзья в “ВК”!» — ответила я.

Жека Скурихин — один из двух братьев, сыновей маминой подруги. Гена меня на три года старше, а Жека — на два младше. Поэтому Гена был для меня ухажер, а Жека — мелочь пузатая.

Гена ругал меня за сигареты. За мат в предложениях. Говорил, мне не идет.

«Не виновата я в своей смазливой морде», — отвечала я.

И все-таки каждый день я, роняя берцы, бежала к ним. У них было тепло, мягко, олдскульно и из кухни пахло едой.

«Мама, закрой дверь! — кричал Гена. — Или вытяжку включи. Неприлично». «Что может быть неприличного в еде?» — вступалась я. Тети-Надино умиленное лицо появлялось и исчезало в дверном проеме.

Братьев отвозили в гимназию на машине и на машине привозили обратно. Это был другой мир, и я бежала в него — не окунуться, так припасть губами.

Гена, как и я, слушал «рокешник», но в перерывах между классикой и без внешних атрибутов. Носил простые клетчатые рубашки, густые волосы прилизывал.

На семнадцатилетие я получила от него эсэмэс: «Поздравляю с днем рождения! Желаю проще относиться к вещам и не грустить по мелочи».

Иногда мне писал и Жека. Транслитом: «Рита, привет! Музыка — это хорошо, но приходи, полепим инфузорий». Я смеялась и из вежливости иногда заглядывала к мелкому Жеке. Инфузорий он лепил из пластика.

А с Геной я в итоге порвала. И даже не потому, что чувствовала себя собакой, которую надо только погладить, а понимать необязательно. Просто плохое перевесило.

— А ты все такая же! — заметил Жека.

При встрече он со всеми обнимается. Чем холоднее на улице и чем толще куртка, тем крепче его обнимашки. Прямо настоящий плюшевый медведь.

— Ты меня просто с черным хайром не застал, — ответила я.

— Застал, застал. Я не об этом.

— Спасибо, Жек, — вдруг сказала я.

— За что?

— За слово «хайр». За то, что оно в нашем семантическом поле свободно располагается.

Гена меня ругал. И за слово, и за то, что волосы покрасила.

— Ну я-то понимаю, — ответил Жека и почесал подбородок. — Хайр — это святое.

Мы пошли к нему. Скурихины-старшие уехали в Сочи. Гена, оказывается, мотался по съемным квартирам. А Жека — из того редкого типа людей, которые говорят: «Пошли ко мне чай пить!» — и подразумевают именно чай.

Почему-то в этой части Тушина ничего не менялось. Даже в стекляшке, куда мы зашли за чем-нибудь к чаю, восседал тот же продавец. Только пустая квартира Скурихиных была мне непривычна. Зато кот, старенький, круглый, с «редким» именем Мурзик и черными кокетливыми ресничками, встретил нас и даже как будто меня вспомнил.

Жека рассказывал, как поступил на биофак, потом в аспирантуру и как постоянно простужается, что очень мешает ему работать.

— А что за девушка? — спросила я.

Видела у него фотографии во «ВКонтакте».

— А девушка — Оля. Певица. Почти все время на гастролях, но когда она здесь, то очень поднимает мне настроение.

— Вот это хорошо, — заметила я. — А Генка?

Жека закинул обертку от эклеров в угол, перелил кипяток в термос и понюхал заварку. Заварка лежала на дне стеклянного чайника и была почему-то ярко-синей.

— А Генка месяц жил на Гоа. Со своей девушкой он расстался. Отдал хозяину квартиры ключ, собрал вещи, забрал трудовую из налоговой и укатил.

— Это как так? А жить-то на что?

— У него вроде были сбережения. Но самое главное — он вообще больше работать не хочет. Он там, на Гоа, как будто что-то увидел. И это «что-то» ему подсказало: мол, работа — это кабала. И те, кто работает, — рабы и потерявшие смысл жизни.

Я стала припоминать, когда ко мне в последний раз приходили такие мысли. На первом курсе это был уже моветон. А на третьем я забыла обо всем ради того, чтобы работать... Чтобы стать свободной и уйти из родительского дома.

— Да уж, — сказала я. — Подумать только!

— А, погоди, — Жека достал телефон. — Ты же его не видела. Только чашку поставь сначала. Она горячая.

Я поставила чашку и на всякий случай облокотилась на край стола. Жека полистал, пощелкал, потом залез в мессенджер и там еще и побулькала. Наконец нашел, что искал, и положил телефон мне под нос.

На меня смотрел еще молодой человек с длинными, почти седыми волосами и бородой. Узнала я его только по ресницам: черным и пушистым по всему контуру глаз. Кот Мурзик подтверждал распространенное мнение, будто животные похожи на хозяев: черные реснички у Скурихиных — главная семейная черта.

— Ну как? — спросил Жека.

— Стоп, а в юбке он что — и в Москве ходит?!

Генину юбку мне идентифицировать не удалось. Я знала только, что это не килт, потому что она была черная, но больше по теме ничего сказать не могла.

— Вроде, — Жека пожал плечами. — Он сейчас вращается в таком кругу, где как раз странно, когда ты в штанах.

Я потянулась к ярко-синему чаю. Такие новости надо было запить.

Все это казалось чем-то книжным, придуманным, в реальность чего не верится. Несколько лет потратить на то, чтобы вытравить из меня слово «хайр», а потом самому отрастить волосы — это, конечно, тонкая ирония судьбы.

А Жека — другая крайность: «приходи, полепим инфузорий», аспирантура биофака, девушка Оля и остальное...

— Хорошо с тобой, — сказала я Жеке. — А Генка, думаю, придет к какому-то равновесию. В конце концов, мат, хайр, Гоа и прочие чудеса — у всех это в разное время. У кого в школе, у кого теперь. Как ветрянка, только в духовном плане.

— Ой, не напоминай про ветрянку! — Жека усмехнулся. — Я полгода назад переболел. Ко мне всякая зараза липнет, как будто чувствует, что я биологией занимаюсь.

— А может, потому что не липнет ничего другого, — сказала я.

Тут позвонил Лёвка:

— Привет! Скоро будешь?!

— Скоро. Уже автобус мониторю. Я у друга детства, чай пьем.

— Окей.

— Не ругается? — спросил Жека.

Он не особо удивился, потому что в его картине мира не ругаться — это нормально.

Я покачала головой. Вообще, ревнивым я Лёвку застала. Но он быстро понял, что с ревностью — это не ко мне. Я и так замороченная. А если еще начинать всякие мутные истории, то окончательно сойду с ума.

Когда до автобуса оставалось десять минут, мы с Жекой стали прощаться.

— Я скоро сам уеду в командировку, — сообщил он. — Можно будет попросить тебя навесить Мурзика? Он, если ему навалить еды на два дня, слопает одним махом и страдает. Ключ я тебе привезу. Эклеры к чаю предоставлю.

— Да не вопрос, — ответила я. — Вашу квартиру совсем без людей я еще не видела. Сейчас хоть мы вдвоем были, а тут прямо новый опыт появится.

Мы обнялись на прощание. Мурзик меня провожал.

Фамилия

— Паня, а Жорику-то, Жорику брюки!

— Да фиг ему подберешь!

— Тогда сюда его тащи!

— Да фиг притащишь!

Я увидела ее в магазине «Фамилия». Мне нужна была толстовка, и я поехала на другой конец района, где тогда жила. На перепутье между совковыми платьями и майками-алкоголичками стояли они с мамой.

Паня Бирюкова училась на класс младше. У них там была целая группировка, похожая на «Модный клуб» из мультика «Дарья»*. Почти субкультура. У нас — рокерская, у них — вот такая. Кто-то из наших придумал шутку — мол, крутизна бывает двух типов: когда шмотки есть и когда их нет. Мы метили во вторую категорию. Косухи и прочее не в счет: это не одежда, это вторая кожа.

Потом вторая кожа стала мне не нужна. Рэперы и металлисты подружились, интернет вышел из берегов и затопил все вокруг, шубы сделались искусственными, а излюбленная фраза бабушек: «Чем за компуктером торчать, лучше бы книжки почитали!» — устарела, поскольку читать стали с экранов.

Я открыла «ВКонтакте», нашла там давних знакомых и подумала, что не ошибалась тогда: все это и было подростковой субкультурой.

«Модный клуб» распался. Кто-то уехал в Индию, кто-то стал адвокатом. Кто-то вышел замуж за друга своего отца, наплевав на вопли родственников, отцовские в том числе.

Пани Бирюковой нигде не было, зато была Паня Буркина. Фоток у нее на страничке нашлось мало, всего парочка — где Паня с восьмиме-

* *Daria* — американский мультсериал, шедший на ТВ в 1997—2002 гг. Главная героиня — школьница Дарья попадает в комические ситуации и отпускает язвительные замечания об увлечениях сверстников и современной поп-культуре. «Модный клуб» — элита ее школы, девочки, одержимые модой и популярностью.

сячным животом и в пышных белых кружавчиках. На одной Паня стояла враскоряку, опираясь на лестничные перила, а парень в сером пиджаке зубами стягивал что-то с ее бедра. Если бы я не знала, что есть такой обычай на свадьбах, я бы испугалась.

Сейчас Паня и ее мама выбирали платья себе и футболки для Паниных мужа и сына. Существой «Фамилия» в бытность «Модного клуба» и покажись кто-нибудь из его участников в ее стенах, да еще с мамой, — был бы позор до самого окончания школы. Наверное, «Фамилия» откуда-то об этом знала и поэтому раньше времени не появлялась.

Паня была Бирюкова, а стала Буркина. Я думаю, на самом деле она и в остальном мало изменилась. Просто что-то лишнее слетело с нее, и она стала счастливее. Во всяком случае, выглядела такой.

— Пань! Смотри, рубашки какие!

— Мам, да не будет он их носить!

— А ты приведи его сюда! За ухо приведи!

— Да он только мешаться будет!

Был март, за окном магазина садилось солнце.

ДРАМАТУРГИЯ

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

ШАМАН

Горно-алтайская быль

Пьеса в одном действии

*Посвящается моему другу
Константину, шаману Севера,
и Надежде К., проводнику-
инструктору*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вера, девушка примерно 23 лет.

Алексей, молодой человек примерно 25 лет.

Шаман, алтаец, мужчина неопределенного возраста в традиционной одежде шамана: длинный, до пола, широкий балахон, на котором нашиты полоски ткани, кожи и т. д.; головной убор с перьями.

Охотник, мужчина средних лет. Не алтаец.

Действие происходит летом на поляне среди гор, покрытых лесом, в труднодоступном безлюдном месте Горного Алтая. На поляне находятся коновязь и зимовье — бревенчатая изба с двумя окошками и невысоким крыльцом. Мимо зимовья проходит тропа. На поляне ближе к лесу — валуны.

ПРОЛОГ

Шаман. Где на Алтае легенда, а где — быль? Кто знает! Может быть, только заснеженные горы да чистые реки. О, великие духи ветра, воды, земли и огня! О чем клокочет Аргут — дикая река, бьющаяся в черном ущелье? О чем тоскуют духи убитых зверей, незримо скитаясь по берегам родного Аргута? Я слушаю вас, медведи, маралы, ирбисы... Я слышу!

В стародавние времена один охотник захотел добыть снежного барса. Вооружился он луком из рогов горного козла и острыми стрелами. Долго выслеживал барса, живущего высоко в горах, но зверь был осторожен и умен, как хозяин, бродил он между землей и небом. Много времени прошло, и в один злополучный день барс и охотник встретились на узкой тропе. Охотник выстрелил, и в тот же миг зверь бросился на человека и,

пронзенный стрелой, схватил его мертвой хваткой. И покатались они со скалы, борясь друг с другом, и рухнули в глубокое ущелье. До сих пор зверь сражается с человеком, яростно рвет его на части... Серебристый Аргут — это снежный барс; камни, торчащие из воды — пятна на его шкуре.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

День первый. В зимовье. Внутри зимовья полумрак. Два маленьких мутных окна, под одним — стол, на котором пустые консервные банки, пластиковые бутылки. Вдоль стен — широкие нары, над ними — полки, ближе к двери — железная печка-буржуйка. Рядом — охапка дров. Низкая дверь зимовья обита изнутри волчьей шкурой. На нарах лежат старые одеяла.

Входят Вера и Алексей (одеты как типичные туристы, но явно потрепаны походом — одежда уже грязная). Алексей опирается одной рукой на палку, другой — на плечо Веры, сильно хромает, старается не наступать на правую ногу. На плечах Веры — туристический рюкзак, второй рюкзак, местами рваный, она волочит за собой.

Вера. Дошли... Наконец-то! Хорошо, что зимовье на карте обозначено.

Алексей. А телефонная будка там случайно не обозначена?

Вера. Прикальываешься — значит, не безнадежен... Я же говорила, здесь должна быть печка! И нары. И — ого! (*Берет с нар одеяло.*) Одеяло... рваное, но сухое!

Алексей. Все! (*В изнеможении садится на нары.*)

Вера. Подожди, я постелю. (*Скидывает рюкзак, расстилает на нарах одеяло.*) Тепло, хорошо и мухи не кусают!

Алексей. Очень смешно... (*С трудом ложится.*) Что теперь?

Вера (*снимает с него кроссовки, закатывает штанину на правой ноге*). Дай еще посмотрю. Ранка запеклась... Отек... небольшой.

Алексей. Может, все-таки прижечь или вырезать?

Вера. Ты что! Нельзя! И потом, все, что можно, я уже сделала. Сейчас я тебе еще одну таблетку дам.

Достает из кармана таблетки, дает ему одну. Алексей запивает из пластиковой бутылки, которую Вера вынимает из рюкзака.

Вера. Пей, пей! Тебе надо пить как можно больше.

Алексей после пары глотков давится, откашливается. Видно, что его чуть не стошнило.

Алексей. Гадина, откуда она только выползла! Как я не заметил, что у меня штанина задралась!

Вера. Кусты потому что, трава высокая. Тропа не проторенная. Здесь почти никто не ходит. И вообще, повезло, что зимовье близко оказалось! А то ставили бы сейчас рваную палатку.

Алексей. Так мне — повезло? Сначала мне в ручье повезло, а теперь...

Вера. Леша, милый, тебе нужно спокойно полежать. *(Укрывает его, потом достает из рюкзака вещи.)* Сейчас ревизию проведу, что у нас уцелело... Аптечка есть, это главное.

Алексей. Какой от нее толк?

Вера. «Супрастин» я тебе дала. И обезболивающее. Это хоть немного, а помогает. Лежи спокойно.

Алексей. Таблетки — мертвому припарки! Сыворотка нужна! Срочно! Ты понимаешь?

Вера. Да, да, да! Понимаю! Но здесь-то я ее где достану? Ты успокойся, пожалуйста! Повторяю еще раз, для особо непонятливых: от змеиного укуса в ногу не умирают.

Алексей. Это обнадеживает...

Вера, раскладывая вещи, достает пакеты с сухарями и еще пакетики.

Вера. Да, я читала. Если правильно первую помощь оказать, смертельные случаи крайне редки. Вот если бы змея, не дай бог, конечно, цапнула за нос... Брр!

Алексей. Значит, все-таки я могу не пережить этот чертов поход! Только не надо мне говорить — «все будет хорошо»!

Вера. Ладно, не буду. Давай припасы посчитаем. Что у нас осталось? Сухари — две пачки, чай — это радует. Овсяные хлопья...

Алексей *(язвительно)*. Как я по ним истосковался!

Вера. Приправы к мясу и курице. *(Кладет все на стол.)*

Алексей. Зашибись! Консервы утонули, приправы остались!

Вера. Ну что теперь, если мы все тяжелое в твой рюкзак сложили! *(Достает и разворачивает спальник.)* Влажный еще! *(Замечает гвозди в стенах, натягивает веревку, вешает спальник и другие вещи.)* Огонь разведу — к утру высохнут.

Алексей. Ты зачем тут разворачиваешься? МЧС надо вызывать, понимаешь? Идти куда-то, звонить, сигналить, я не знаю... Что делать-то будем?

Вера. Помолчи пять минут. Сейчас я с мыслями соберусь и решу.

Алексей. О господи!

Вера бережно достает из пакетика коробок спичек. Открывает.

Вера. Раз, два, три, четыре... Девять штук. Леша! У нас девять спичек осталось.

Алексей. А не надо было зажигалки, горелку — все только в мой рюкзак пихать!

Вера. Может, здесь что-то есть... *(Начинает методично осматривать зимовье — проверять каждую банку на подоконнике.)*

Алексей. Ты не тем занимаешься, ты про МЧС думай.

Вера. Я думаю, думаю... *(Продолжает искать на полках.)* Батарейки... надо проверить, может, рабочие... Хотя как? Фонарики утонули... Свечка — это хорошо... Лавровый лист — целых три пачки!.. Спичек нет. *(Заглядывает под нары.)* А под нарами что? О! Бубен! *(Достает небольшой кожаный бубен, явно старый.)* Смотри!

Алексей. Тоже мне, сокровище...

Вера. Бом! *(Ударяет несколько раз по бубну, бубен глухо звучит.)* Здорово, да?

Алексей. МЧС вызови.

Вера *(кладет бубен обратно, садится рядом с Алексеем).* Ладно, что мы имеем. Сотовой связи, понятное дело, нет. До конца маршрута — три дня пути. Если возвращаться на Аккем — тоже три дня.

Алексей. Только что-то мы за пять дней еле прокандыбались.

Вера. Теперь это уже не имеет значения, хотя... Нет. Возвращаться не вариант. Все равно ни одной деревни по пути нет.

Алексей. Что — деревни!.. Здесь вообще никого! Никогошеньки! Я, наверно, первый раз в жизни за пять дней не видел ни одного человека! Кроме тебя, конечно... Ни единой рожки посторонней! О! Если это и есть твой хваленый отдых от людей, то вот оно как все обернулось. Некому сказать — спасите-помогите!

Вера. Успокойся! *(Достает карту.)* Зато тропа здесь только одна! И если я пойду дальше по тропе, то за день доберусь до Аркыта. Да, посмотри — ближайшее селение от нас — Аркыт... Примерно в двадцати километрах. Там у местных должна быть какая-то связь! И к тебе из Аркыта сразу же отправят людей... Сейчас вечер, идти в ночь я не рискну. Утром пораньше побегу за помощью.

Алексей. Ты соображаешь? Ты как одна пойдешь? А если с тобой что-то случится? Никто ведь даже не узнает, где могила твоя! А я что здесь думать должен буду, а? Если, конечно, не окочурюсь...

Вера. Да, тебя одного оставлять опасно. *(Кладет руку ему на голову.)* У тебя жар начинается. Тошнит?

Алексей. Да... и перед глазами все плывет. Вер, вот какого черта мы поперлись вдвоем, скажи? Надо было все отменить...

Вера. Прости, но сейчас это уже неважно. Попытайся уснуть. А вот ногу, думаю, перегревать не стоит, положи поверх одеяла. Я схожу за водой, тут ручей недалеко. *(Берет бутылку для воды, подумав, забирает бутылки с подоконника и уходит.)*

Алексей отворачивается к стене. Через некоторое время дверь тихо открывается, заходит Шаман. Он кружится бесшумно по комнате, потом останавливается, смотрит на Алексея, тот, видимо, спит — Шамана не слышит. Шаман опускается возле нар на колени, кажется, что-то шепчет, потом замечает бубен, достает его и тихо уходит.

Через несколько секунд входит Вера с бутылками, полными воды.

Вера. Спишь? *(Алексей не отвечает.)* Вот и хорошо, поспи.

Вера готовит дрова для растопки, осторожно зажигает одну спичку, растапливает. Когда огонь разгорается, садится рядом; прежде чем убрать коробок, открывает его опять.

Вера. Восемь.

Слышится далекий раскат грома.

Алексей (*стонет*). Это что? Гроза?

Раскат грома слышится ближе.

Вера. А знаешь, это хорошо, что мы не уложились по времени и задержались на два дня.

Алексей. Почему?

Вера. По плану завтра вечером мы должны дойти до Джазатора, так?

Алексей. Так.

Вера. Нас не будет, а нас там ждут. Машина ждет. Инструкторы следующей группы в курсе, когда мы должны выйти с маршрута.

Алексей. Думаешь, нас тут же пойдут искать?

Вера. Пойдут. На следующее утро пойдут, то есть — послезавтра. Ну, пусть еще день выждут, но потом — обязательно пойдут. Один из инструкторов и кто-нибудь из местных. И наверняка на конях, быстро — за два дня до зимовья доберутся. Значит, через четыре дня, максимум — через пять, они будут здесь. Тропа одна, мимо не проскочишь... Но четыре дня! Это долго... А если — пять...

Алексей. В Джазаторе точно есть связь, и они обязательно сообщат в МЧС, что мы не вышли с маршрута. От Аккема или откуда-нибудь еще за нами вышлют вертолет. Должны же они прочесывать тропу с двух сторон! Не зря же мы страховку брали! Должны же оправдать себя такие расходы! Значит, если наше отсутствие обнаружится завтра, то послезавтра они вышлют вертолет. Они обязаны. Правда, Вера, они ведь обязаны?

Раскат грома слышится ближе.

Вера. Вертолет, конечно, хорошо, только, боюсь, погода нелетная. Но — это вчера и сегодня гроза, а дальше, глядишь, и солнышко выйдет! Ты как себя чувствуешь?

Алексей. Местами... Значит, тебе никуда идти не надо? Будем сидеть, ждать?

Вера. По крайней мере, до утра — точно. (*Трогает его лоб.*) Вроде бы жар спадает. (*Подкидывает дрова.*) Схожу за дровами, пока не ливануло.

Вера выходит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

На поляне перед зимовьем.

Вера тащит волоком длинные сухие ветки. Вдали слышны раскаты грома, но дождя еще нет. Вдруг удар, похожий на гром, раздается у нее за спиной. Вера оборачивается — на валуне стоит Шаман с бубном в одной руке, с колотушкой — в другой. Шаман глядит на небо.

Вера (*роняя дрова*). О!

Шаман (*увидев Веру*). Ты кто?

Вера. Господи, как вы меня напугали! Вы кто? Вы не представляете, как я рада! Я думала, мы тут совсем одни! (*Подходит к Шаману.*)

Шаман. Кто ты? (*Отбегает от нее.*)

Вера. Вера, туристка. Нас двое — я и мой друг, его змея укусила, он в избе, пойдемте, я вам покажу! Нам помощь нужна, срочно, понимаете? (*Хочет взять его за руку.*)

Шаман (*отпрыгивает*). Не подходи! Я еще не понял, кто ты!

Вера. Да какая разница, кто я! Лешу гадюка укусила! Нам надо звать МЧС!

Шаман. МЧС? Ого!

Вера. Вы понимаете, что я вам говорю? Человек умирает, ему помощь надо!

Шаман. Надо. Кому надо?

Вера. Ему надо. Мне. Да вы зайдите — он там. (*Показывает на дверь.*)

Шаман. Зачем? Я и отсюда все вижу... (*Начинает, прихрамывая, кружиться вокруг Веры.*) Черная как ночь, холодная, как сердце утопленника, змея выползла из царства Эрлика, прошуршала в траве, а потом — впилась в ногу... О, как больно, как страшно! Да! Правая нога — несчастливая нога.

Вера садится на траву, смотрит на Шамана в испуге.

Вера. Откуда вы знаете, что змея укусила за правую ногу?

Шаман. Я вижу, девочка, я все вижу!

Вера (*вскакивает*). Перестаньте кружиться! Я вам русским языком объясняю, нам помощь надо! Вы что, издеваетесь надо мной?

Шаман (*кружится, делая странные пассы руками*). В царстве Эрлика змеи клубятся, печально свистят...

Вера. Вы ненормальный? Или нас снимает скрытая камера? (*Оглядывается.*) Да бред какой-то! Вы же взрослый человек, или я чего-то не понимаю?

Шаман. Человек? (*Останавливается.*) Нет, девочка, я не человек!

Вера (*в сторону*). Да хоть черт лысый! (*Шаману.*) Вы поможете?

Шаман. А я что делаю? Я — помогаю. А ты мне мешаешь! Я буду камлать, и твой друг исцелится.

Вера (*в сторону*). Боже! Он сумасшедший! (*Шаману*.) Ладно. После вашего обряда... поможете нам? (*Оглядывает поляну*.) Ой, а вы — пешком, или верхом? Может, у вас конь где-то рядом? Так уже сегодня можно доскакать до Аркыта, позвать на помощь!

Шаман (*поднимает бубен*). Вот мой конь! Я буду быстрым, как ветер, я долечу до Аркыта за единый миг или за тысячу лун... Но это не спасет твоего друга!

Вера. А что его спасет?

Шаман. Разожги костер!

Вера. Может, вы просто сходите до Аркыта, пожалуйста! Вы же — явно местный, наверняка быстрее управитесь, чем я!

Шаман. Ошибаешься! Правая нога — несчастливая нога! (*Приподнимает полу одежды, ниже колена правой ноги — деревянный протез*.)

Вера. Понятно. И коня, значит, обыкновенного у вас нет... Но — побыть-то вы с моим другом в состоянии? Воды принести, помочь... да просто рядом посидеть, чтоб он один не оставался. Побудете с ним, пожалуйста, а я завтра с утра побегу за помощью!

Шаман (*подумав*). Ладно, я помогу... Но сначала разожги костер!

Вера. Хорошо. У меня спичек мало. У вас нет?

Шаман. Сердце — вот мой огонь!

Вера. Понятно. Будет вам огонь. (*Идет в избу*.)

Шаман (*поет*). Я — медведь, брожу по лесам, охотник — за мной. Охотник с железным ружьем, жгучим огнем... (*Вера приходит и слушает*.) Я — медведь, малину ломаю, охотник за мной... с железным ружьем, жгучим огнем... Давным-давно отстрелил мою лапу, правую лапу... железным ружьем, жгучим огнем... (*Видит Веру*.) Правая — несчастливая...

Вера. У нас обычно говорят: левая — несчастливая. (*Складывает ветки для костра*.) Леша спит. Кажется, жар спадает. (*Зажигает спичку, осторожно разводит огонь*.) Есть! Семь спичек осталось.

Шаман (*в сторону*). Семь птиц Ульгения летят, последняя в медных когтях браги сосуд несет... (*Вере*.) А ты зачем спички тратила, когда можно было уголек взять? Дымок, смотрю, идет, печка топится.

Вера (*резко*). Е-мое! Где вы были со своими советами минуту назад? Ой, извините, просто задумалась. Вы ведь поможете нам?

Шаман. Да!

Вера. А вы действительно шаман?

Шаман. Я — медведь!

Вера (*в сторону*). Ну да, конечно... (*Костер разгорается*.) Ну вот... разгорелось.

Шаман проводит бубном над огнем.

Вера. Что-нибудь еще? (*Смотрит на небо*.) А гроза-то прошла стороной!

Шаман. Это я ударил в бубен, и черная туча пронеслась мимо!
(Поднимает бубен над головой. Вера присматривается к бубну.)

Вера. Пойдите-ка! Покажите ближе! Это же... *(Шаман, хромя, отскакивает на другую сторону костра, Вера — за ним.)* Этот бубен... точно! Он в избе лежал, под нарами!

Шаман. Это мой бубен!

Вера. Он же — конь, да? Сейчас проверим...

Вера бросается в зимовье, через некоторое время выходит.

Вера *(спокойно)*. Значит, ты прокрался в зимовье, когда я ходила за водой, вытащил бубен, подсмотрел, где у Лешы рана, а потом морочил мне голову про несчастливую правую ногу? Так?!

Шаман. Не совсем. Но мне нравится говорить на «ты». Так проще.

Вера. Ты! Ты обманщик! Как я могу тебе доверять, как я оставляю его завтра с тобой?

Шаман. Не кричи — друга разбудишь. Да, я заходил, ну и что? Разве я говорил, что не заходил? Разве я обманул тебя? Нет! Твой друг лежал, спал, и ему было очень, очень плохо. Я все понял, я увидел дух черной змеи, а дух увидел меня и насторожился. Он знает, я буду камлать и одолею его! Он испугался! Он задрожал и отступил, но ненадолго! Он сильный, но я сильнее! Я загоню его обратно в царство Эрлика! А пока твоему другу стало лучше. Ведь так?

Вера. Так, но это вовсе не значит, что твое присутствие...

Шаман. Я отпугнул дух черной змеи!

Вера *(в сторону)*. Да... сказать, что барон Мюнхгаузен не разогнал облака — значит противоречить тому, что видишь... *(Подбрасывает ветки в огонь.)*

Шаман. Ты больше не сердись на меня?

Вера. Не знаю. Наверно, нет. Хуже всего, я действительно не знаю, что мне делать завтра. Бежать до селения? Это займет целый день. Одной идти опасно, да и нельзя поодиночке ходить по горам! Можно, конечно, пренебречь правилами. Я не боюсь... Нет, я, конечно, боюсь, но, если надо, — пойду. Или с Лешкой остаться, ждать спасателей? Шаман, я не знаю!

Шаман. Почему вы только вдвоем?

Вера. Так вышло. Собирались вчетвером, вчетвером до Аккема добирались, стояли под Белухой... А потом у друзей проблема возникла, и они срочно короткой дорогой вернулись в цивилизацию... А я вместо того, чтобы спокойно по хоженной-перехоженной тропе тоже вернуться, уговорила Лешу дальше идти, как мы вчетвером планировали! И этим, друзьям своим, наказала: выйдете на связь — сразу сообщите, что мы, я и Алексей, идем вдвоем по графику до Джазатора! Завтра вечером мы должны быть там. Ждут нас!

Шаман. Вы не придете, и вас будут искать.

Вера. Да! Но сидеть на месте я просто не могу. Надо что-то делать! А вдруг ему будет хуже, а вдруг он не доживет до спасателей и каждый час — дорог, а я сижу здесь... разглагольствую.

Шаман. Но в зимовье — безопасно. Звери не достанут. Крыша над головой. Печка...

Вера. Еды только мало...

Шаман. А что так?

Вера. Да утопили! Как ты думаешь, почему мы в Джазаторе должны быть завтра?

Шаман. Почему?

Вера. Из-за сильного дождя пришлось день переждать. Ну, думали, нагоним. Вышли с рассветом, а все ручьи разлились... При одном переходе вброд Леша сначала мой рюкзак переносил, а потом свой, как всегда... И вот когда второй раз переходил, поскользнулся, упал в воду. Рюкзак поплыл, я Лешку давай вытаскивать, еле вытащила. Потом поскакали по берегу шмотки собирать — порвался рюкзак. Там камни острые... Так вот, тряпки почти все собрали, палатку нашли, рваную, но все же... мешки с крупами порвались, консервы утонули, и котелок один утонул, и фонарики, и зажигалки... Много чего нужного... Там, среди камней, в этой воде бурлящей ледяной ничего не найдешь! Хорошо хоть карта, деньги, паспорта у меня ехали! Ну и кое-что из еды — легкое. И аптечка... Короче, пока искали, собирали, обсыхали — еще день потеряли. А теперь это... торопились, шли как можно быстрее, и вот — как так? Змея...

Шаман. Черная змея...

Вера. Черная! Гадюка... Знаешь, Шаман, я, конечно, технику безопасности уважаю, и как первую помощь оказывать — представление имею. Теоретически. Про змеиные укусы специально в интернете читала, мало ли что, а связи с цивилизацией нет. Обрадовалась, когда узнала, что смертельные случаи крайне редки, надо только правильно все сделать. *(Начинает плакать.)* А если он — редкий случай, а если он умрет из-за меня?

Шаман. Ты не виновата. Ты его не кусала. Это просто случай. Несчастный. И ты все сделала правильно. Твой друг борется во сне с духом черной змеи... Питье, покой — это главное, что ему сейчас нужно.

Вера. А ты не такой уж и сумасшедший! Вполне здраво рассуждаешь... Сам-то что здесь делаешь? Без коня, без огня, и... может быть, тебе ночевать негде? Пойдем в зимовье.

Шаман. Мне и здесь хорошо. Дело есть важное, а огонь при нем — только помеха. *(В сторону.)* Вот и этот костер — скоро погаснет.

Вера. Какое дело, если не секрет?

Шаман *(пристально смотрит на Веру; после некоторого молчания, тихо).* Я должен встретиться с духом... Здесь. Он позвал меня!

Вера *(недоверчиво).* Кто? Учти, я во всякие там привидения не верю.

Шаман. Это не привидение! Это — тсс! Я слышу, бродит он где-то рядом... Не хрусти ветками! Голос его слишком слабый, измученный...

А вокруг много всего сразу происходит — сова летит, мыши шуршат, деревья стонут...

Шаман встает и кружится, прислушиваясь.

Вера (*оглядываясь в испуге*). Знаешь что? Заболталась я с тобой! Стемнело уже... быстро-то как! Не хочешь идти под крышу — не надо, а у меня дел полно.

Уходит, взяв оставшиеся дрова. Шаман что-то напевает, ударяет в бубен. Костер вспыхивает и гаснет. Вера возвращается.

Вера. Пока мы с тобой разглагольствовали — печка погасла! А у меня каждая спичка наперечет. (*Ворошит костер, потом трогает угли.*) Холодные? Не может быть! Костер только что горел...

Шаман. Огонь погнался за духом черной змеи.

Вера. Опять духи! Да замолчи ты о них! Кажется, у меня в голове тоже скоро завоюет и застонет что-нибудь... Но знаешь, Шаман, странная штука... Я, когда в зимовье забежала, сначала начисто про тебя забыла. И про тебя, и про костер... Как будто никакого шамана нет... мы с Лешей одни, и он умирает.

Шаман. А он?

Вера. Спит. Я ему не успела рассказать про тебя.

Шаман. И хорошо. Ты печку заново протопи и спать ложись, тебе завтра силы пригодятся... А я пойду.

Вера. Ты прямо как сказочник: «утро вечера мудреней»! Камлать не станешь?

Шаман. Я сделал все, что нужно. Я уйду.

Вера. Но ты вернешься? Завтра, как договорились? Ты ведь побудешь с ним?

Шаман. Все будет как должно. Прощай до утра!

Шаман уходит, Вера идет в зимовье. Через окно виден слабо разгорающийся свет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Утро второго дня. В зимовье.

Алексей медленно, морщась, ест кашу из котелка, Вера перекладывает вещи.

Алексей. Я не понял, ты зачем мелкий рюкзак достала?

Вера. Вдруг сейчас кто-нибудь придет, а у меня все наготове! Я сразу в Аркыт побегу. (*Складывает в маленький рюкзак все самое необходимое.*)

Алексей. Кто придет?

Вера. Мало ли... охотник или местный житель. (*Смотрит то в одно окошко, то в другое.*)

Алексей. Что-то ты затеяла, подруга! Я тебя одну никуда не пушу... Фу... *(Ему становится плохо, он с трудом выходит, опираясь на палку.)*

Вера. Где же он? Где этот сказочник? Время не ждет...

Алексей *(с трудом заходит и ложится на нары).* Когда ж это кончится!

Вера. Кашу я сварила, ешь. *(Проверяет бутылки.)* У тебя воды мало, сейчас еще принесу.

Алексей. Что ты сказала — «у меня»?! Не у нас — у меня? Ты все-таки собралась! *(Слышны раскаты грома.)* Гроза возвращается! Ты не можешь уйти.

Вера. Только вот спички — поделим или все здесь оставить?

Алексей. А! Делай, что хочешь! *(Заворачивается в спальник.)*

Вера *(в дверях).* Знаешь, не хотела вчера обнадёживать понапрасну, но тут кое-что произошло... сейчас за водой, за дровами сбегая — и расскажу.

Вера уходит.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Лес.

Вера несет сушняк, появляется Шаман.

Вера. Наконец-то! А я уже беспокоилась, что ты не вернешься! Пойдем в дом!

Шаман. Подожди...

Вера. Чего ждать-то? Я собралась...

Шаман *(прислушивается).* Тише!

Вера. Шаман, что ты делаешь?

Шаман. Дерево сосна стонало. Надо помочь...

Вера. При чем тут дерево? Мне надо помочь! Мне и Леше! Ты же обещал!

Шаман. Не надо кричать! Не надо метаться! Хочешь, я скажу — кто ты? Я сегодня вижу и слышу ясно... Ты — Птица! Душа твоя свободна, сострадательна, ты можешь летать! Ты не в силах усидеть на месте, хочешь другу помочь, это хорошо... Но именно сейчас улетать не время! Вот оно... бедное дерево. *(Подходит к одному из деревьев.)* Да не суетись ты! Послушай! Ну, приложи к нему ладони и закрой глаза.

Вера. Ладно... *(Прикладывает ладони к дереву, закрывает и быстро открывает глаза.)* Я ничего не слышу, пойдем!

Шаман. Оттого твоя глухота, что в тебе — суета!

Вера. Да как я могу прислушиваться к какому-то дереву, когда надо бежать в Аркыт!

Шаман *(дереву).* Внутри ствола беспорядок. Энергия проходит трудно... *(Вере.)* Птица! Я буду варганить дерево сосну. *(Достает варган.)*

С помощью звука настроюсь на энергии земли и неба. Я выровняю потоки внутри ствола, до самых тонких веточек, до каждой иголки!

Вера. Ты будешь играть дереву на варгане?

Шаман. Да. (*Играет на варгане.*)

Вера. Варгань скорей — и пошли в зимовье!

Шаман играет, не обращая на Веру внимания.

Вера (*себе*). Ладно, все равно надо принести побольше дров... Этот вряд ли удосужится сделать что-то полезное. (*Уходит в лес, возвращается с дровами.*)

Шаман (*прекращая играть*). О, Птица! Послушай, как свободно и благодарно вздохнуло дерево!

Вера. Да, да, конечно! Прекрасно слышу! Все? Ты свою миссию выполнил?

Шаман. Ты не слышишь... Ты суетишься, Птица... Дерево стонало, отвлекало меня от главного, но теперь оно здорово и я могу услышать его, страдающего духа! О, духи земли и ветра! Я слушаю...

Шаман замирает и, кажется, не дышит.

Вера. Шаман! Ты в порядке?

Шаман (*выходя из транса*). Птица... Мне было видение: тебе надо оставаться на месте — помощь придет!

Вера. Опять! Твои глюки — мне не указ! Я решила идти — и пойду!

Шаман. Не веришь — жаль. Да не размахивай крылышками. Никуда лететь не нужно! Ты должна остаться! Вы оба. Мне кажется, ты и друг твой здесь не случайно.

Вера. Да мало ли что тебе кажется! Не хочешь помогать, так и скажи.

Шаман. Я хочу помочь вам, успокойся. Но помощь бывает разной. Возьми варган — это подарок... Играй, когда душа твоя расстроится...

Вера берет варган и прячет в карман.

Вера. Спасибо. А теперь, Шаман, миленький, брось эти шаманские штучки хотя бы на день! Пойдем в зимовье! Пожалуйста, ну будь ты обыкновенным человеком!

Шаман. Обыкновенным?

Вера. Да!

Шаман. Может, не надо?..

Вера. Надо... Очень тебя прошу.

Шаман. Ты предлагаешь мне, шаману, отвернуться от духов, оглохнуть, перестать слышать их боль, их слабые голоса, когда я только-только настроился?

Вера. Не навсегда, на время! На один день... Пожалуйста.

Шаман (*подумав*). Очень я этого не люблю, Птица, — все обрывать, прекращать, становиться обыкновенным, когда верхний мир откры-

вается... Ладно, видимо, придется, все равно ты мне покоя не дашь. Но только на один день!

Вера. Спасибо, Шаман!

Шаман садится на край валуна, вытаскивает левую ногу из-под одежды, снимает с нее меховую самодельную обувь; потом вытаскивает правую, отстегивает «протез» и, произведя какие-то манипуляции под подолом, разгибает здоровую правую ногу. Вытянув обе босые ноги, шевелит пальцами.

Вера (*в шоке смотрит на его ноги*). Ты — не калека? У тебя правая нога — в порядке? Так ты... врал мне?

Шаман. Нет! Когда я Медведь — хромаю на сосновой ноге, а когда обыкновенный человек... это другое дело. Ладно, раз так, раз надо быть обыкновенным, то хотя бы проведу день с комфортом. Где мои носочки?

Достает из-под верхней одежды сумку, висящую на длинном ремне через плечо — там полосатые носки, стоптанные кеды, спортивная шапочка. Надевает носки.

Шаман. О! Бабушка вязала. Не моя, чья-то чужая бабушка, но все равно — спасибо дорогой бабуле. Теперь кеды. И шапку, а то мои человеческие уши сразу мерзнут. (*Снимает головной убор с перьями, надевает шапочку.*) Ну, я готов.

Вера. Ну ты и... сволочь! Чего еще мне ждать от тебя, одноногий липовый? (*Хватает «протез», пару раз бьет Шамана, он защищается.*) А я его жалела! Как он там, на холоде! Бережет свою единственную ногу! Вот тебе, вот!

Гремит гром.

Шаман. Ой! Ой! Убьешь ведь!

Вера. Тебя убьешь! Убирайся, обманщик! Чтоб я Лешку тебе доверила — да ни в жизнь!

Шаман. Ой, ой! Да уйду я, уйду! И так тебе не нравится, и эдак!

Шаман подскакивает, убегает. Вера кидает вдогонку «протез», Шаман возвращается, подбирает его и убегает совсем. Вера, обессиленная, садится на землю, беззвучно плачет. Слышатся далекие раскаты грома.

КАРТИНА ПЯТАЯ

В зимовье. Алексей один, сидит на нарах с палкой в руке. Смотрит на пол, уставившись в одну точку, в задумчивости равномерно стучит палкой по полу то в одном, то в другом месте. Вдруг он прислушивается к стуку. Потом целенаправленно сильно стучит по разным полам — звук получается то глухой, то гулкий. Алексей слезает с нар и внимательно изучает пол. Берет ножик и, просовывая его между досками, пытается их приподнять. Одна доска поддается.

Алексей. Ого! Да тут погреб... или тайник. (*Достает жестяную коробку размером с небольшой чемодан.*) Интересная коробочка. Надо сказать волшебные слова? Нет, закрыто на обычные крючки. Так, и что здесь? Может, запас еды припрятан... Мыши такую жестянку не прогрызут... Есть! (*С трудом отстегивает тугие застёжки и открывает.*) Е-мое! Это что, мертвый зверь в целлофановом мешке? А это, значит, железный гроб? Брр! Зачем его в подпол засунули? Ладно, разворачиваю на раз-два-три... три! (*Брезгливо разворачивает полиэтилен.*) И правда, зверь, что ли? Нет... только шкура... Интересно девки пляшут по четыре сразу в ряд... Здоровенная... Хвост — не меньше метра... Чтoб мне на месте провалиться. Узор — чёрный по белому, похож на леопарда... Это же... (*Расправляет шкуру.*) Снежный барс! Ого! Обалдеть! Так. Охота на ирисов строго запрещена. Значит — это что? Незаконный схрон. (*Разглаживая шкуру.*) Нет, ну красавец, красавец... Интересно, сколько такая шкурка может стоить? Да что я говорю! Ее же не продашь. Почему — не продашь? Здесь — нет. А в Москве или в Питере? Ага, высунуться с ней и загреметь за браконьерство. Предлагаю себе объяву на сайте типа: «Продам шкуру снежного барса...» Но все равно, не оставлять же ее здесь? Взять с собой, а там — по обстоятельствам. Нельзя же такую шикарную штуку обратно в подпол запихивать! Барса все равно не вернешь, а это — вещь! Только вот что скажет Вера? (*Оглядывается на дверь.*) А что скажет Вера? А Вера ничего не скажет! Ей об этом знать необязательно. Пока. Куда бы ее деть? (*Берет из жестянки целлофан, снова заворачивает шкуру, перевязывает веревкой и кладет на самую верхнюю полку.*) А коробочку лучше пустой не оставлять... (*Берет одно местное одеяло и запихивает в жестянку; закрывает коробку.*) Ну, будем считать это компенсацией за ущерб здоровью! Точно — за укушенную ногу, за измученную спину... И вовсе не обязательно продавать через интернет, есть же другие пути...

Убирает жестянку в подпол и ложится на нары.

Алексей. Теперь — Вера. «Верочка, я тут нашел одну вещицу... Шкуру ириса в отличном состоянии... ты только не волнуйся...» Нет, бред! Лучше так: «Верочка, дорогая, помнишь, мы мечтали купить джип и махнуть на нем куда глаза глядят...»

Заходит Вера с дровами; видно, что она расстроена.

Алексей (*нервно, поднимаясь с лежака*). Ты... что так долго?

Вера. А ты что вскакиваешь, такой перевозбужденный? Опять — жар?

Алексей. Никакого жара, ничего такого особенного... Просто нервничал — вдруг ты совсем ушла... А ты почему такая убитая?

Вера. Дождь начался, ты разве не слышишь? Тропу размочит... куда я пойду? И кто придет? — Никто не придет... Будем поддерживать огонь... (*После некоторого молчания.*) Все! Возвращаемся к плану «А».

Алексей. А у нас был план «А»?

Вера. Не было. И в этом-то наша главная оплошность. Но — никогда не поздно приступить к плану «А». Потому что он до нас придуман и прекрасно действует... Раздевайся.

Алексей. Вер, может, не сейчас? Что-то я себя неважно чувствую... И нога болит...

Вера. Мальчик мой, расслабься, я не про это! План «А» — сигнальный костер и какие-нибудь опознавательные знаки. Футболка у тебя голубая — снимай.

Алексей. А! *(Снимает футболку и отдает ей.)* Что ты будешь делать?

Сумерки сгущаются, Вера достает коробок, но раздумывает и зажигает свечу от печки. Через некоторое время печка гаснет.

Вера. Пять спичек осталось. *(Прячет коробок в карман.)*

Алексей. Делать-то что собираешься?

Вера. Флаг.

Алексей. Чего?

Вера. Флаг сигнальный из ярких тряпок — футболки, банданы, купальник... Нет, купальник новый, и все равно — крошечный, что там у нас еще? *(Разбирает вещи.)* Рюкзачок красный — все сошью вместе и привяжу на палку и на крышу приделаю. Видно будет издалека!

Алексей. Хорошая идея. Давай помогу.

Вера. Только не вставай! Может, у хозяев заваялось что-то яркое... *(Шарит по полкам, хочет забраться на верхнюю, где лежит шкура.)*

Алексей. Вера, подожди! Да что здесь может быть яркого?! Рухлядь полинявшая! Вспомнил! Мой спортивный костюм! Красно-белый!

Вера. А тебе его не жалко?

Алексей. Нет! Ради такого дела — не жалко! Режь, раз надо.

Вера. Ну ладно.

Достает спортивный костюм и садится возле Алексея. Они начинают сшивать вещи в странное полотнище.

Вера. Леш, мы совсем чуть-чуть не дошли до Аргута. Ты еще увидишь, какой он... похож на снежного барса...

Алексей *(настороженно)*. При чем тут барс?

Вера. Аргут — бело-серебристый, под цвет ирбиса, а камни, торчащие из воды — пятна на его шкуре... Какая-то местная легенда с этим связана, жаль, я точно не помню.

Алексей. Ну да, черные пятна на серебристой шкуре... Еще на Аккеме кто-то рассказывал эту сказку у костра... и жути нагонял, про то, как появились шаманы... Вер, ты же на Алтае не первый раз, ты когда-нибудь встречала настоящего шамана?

Вера *(с досадой)*. Все они — шарлатаны! Настоящие давно вымерли, как мамонты. *(Выскакивает на порог и кричит в тайгу.)* Шарла-

таны! Обманщики! (*Удар грома.*) Медведи хреновы! (*Удар грома.*) Пустобрехи!

Алексей. Вер, ты что? Успокойся! Нам-то какое дело? Нам-то от этих шаманов ни холодно ни жарко!

Вера заходит, садится обратно.

Вера. Да, конечно. Извини. Сорвалась. Шаманы ни при чем. Они нам все равно не помогут. Ну и ладно. Мы выберемся. Обязательно выберемся!

Алексей. Вот и хорошо. Где, кстати, бубен, который ты нашла? (*Хочет слезть.*)

Вера. Лежи спокойно. Оно того не стоит! МЧС пока в нашей реальности, так что нам надо продержаться и подать знак. Это и есть наш единственный план.

Алексей. Слушай, а вот все-таки снежный барс... он ведь жутко редкий зверь? Понятно, в Красную книгу занесен, охраняется... Режь, режь вот здесь, не жалей... Много их осталось? Ирбисов? Как думаешь?

Вера. А что тут думать. Здесь, на Аргуте, особой восемьдесят осталось. И это — одна из самых больших популяций в нашей стране! В интернете читала.

Алексей. А если, предположим, какому-то охотнику повезло — и он подстрелил барса... ну, по ошибке...

Вера. Как можно такого зверя подстрелить по ошибке? Его увидеть — и то не всем охотникам удастся! Он осторожен необычайно... Крадется как... Леш, это же — огромная пятнистая кошка с таким длинным пушистым хвостом... Знаешь, алтайцы считают ирбиса священным — говорят, он обитает между небом и землей. Он — чудо природы...

Алексей. Ну а если? Бывают же случаи — попал человек между самкой и детенышами и — в порядке самозащиты — убил... самку.

Вера. И потом маленькие зверята погибают страшной смертью... Про медведей я такое слышала, в смысле, что медведица набросится на всякого, кто встанет между ней и медвежонком, а про ирбисов... И что за ужасы ты выпрашиваешь? Знаешь, какие они — детеныши? Года три назад здесь, в долине Аргута, ставили фотоловушки — ну, такие специальные фотоаппараты, которые на движение реагируют. Много птиц и зверья разного наснимали, но только на одном фотоаппарате оказалось несколько кадров с играющими барсятами! Это была сенсация! Туристические сайты, гринписовцы, всякие любители животных с восторгом репостили! Я себе на страничку тоже сохранила. Такие три котенка...

Алексей. Да, все это мило... В смысле, печально — убить ирбиса, но с трофеем-то что? Воронам на расклевание?

Вера. Не знаю. Летом шкура пушного зверя не та... Вот зимой — другое дело. Говорят, аргутский барс — особо ценный. Я как-то у одного коневода спрашивала... Леш, милый, может, не будем твой костюм кромать?

Алексей. Да пес с ним, режь! И что — он сказал, сколько шкура стоит?

Вера. Да. Тихо... дождь кончился. (*Вера встает, открывает дверь.*) Свежо-то как! Ночь, наверно, будет лунной...

Алексей. Так сколько шкура стоит?

Вера. Да что ты привязался! Сколько, сколько? Пятьдесят-шестьдесят тысяч!

Алексей. Всего-то...

Вера. Долларов.

Алексей. Шестьдесят тысяч долларов! Ничего себе... И неужели здесь правда есть браконьеры?

Вера. Ты как с луны свалился! Если где-то бродит ценный зверь, обязательно найдется и охотник! Вот помнишь, я тебе рассказывала про свой прошлогодний конный поход? Тогда мы были чуть выше слияния Аргута и Катуня, между прочим, не так далеко отсюда, по меркам Алтая. Так вот, коневод показал нам прямоугольную яму, наполовину закрытую бревнами. Это, говорит, все, что осталось от землянки браконьеров. Они, браконьеры, поздней осенью и зимой охотятся, а в землянке шкуры выделяют. Ты же понимаешь, просто содранная шкура долго не хранится! Они их подготавливают, прячут, а при возможности — вывозят и продают. А тебе это зачем?

Алексей. Просто... А вот если бы тебе в руки такая шкура попала — что бы ты сделала?

Вера. Отдала соответствующим органам! У тебя что, опять жар?

Алексей. Да, наверно... И тошнит...

Вера. Потерпи, милый. Все. Готово! (*Импровизированный флаг готов.*)

Алексей. Какая потрясающая штукавина! Ничего более нелепого я в жизни не видел!

Вера. Повезло тебе...

Алексей. Когда выберемся отсюда — сохраню на память... На что крепить будем?

Вера. За зимовьем я видела пару жердей. Пойду, попробую что-нибудь соорудить. А ты пока пересмотри оставшиеся вещи, выбери все резиновое, синтетическое, пластиковое. Только бутылки оставь для воды.

Алексей. Зачем?

Вера. Для сигнального дыма! Будем держать наготове сухие дрова и то, что загорится с дымом. Чтобы с вертолета увидели. Понимаешь?

Алексей. Хорошо. Смотри не упади с крыши!

Вера уходит.

Алексей. Шестьдесят тысяч долларов! Ох, ни фиги себе! Ну, пусть пятьдесят... Только вот Вера... Допустим, я шкуру в свой рюкзак запихну. Эмчеэсники в вещах рыться не станут. Но Вера! Ее не проведешь! Надо такой довод найти... Надо быть с ней поласковой, объяснить, что такой шанс упускать нельзя! А пока шкуру куда-нибудь перепрятать...

Заходит Вера.

Вера. Не стала я на крышу лезть, одной стороной к жерди привязала, а другой стороной к коновязи прикрепила. Флаг больше похож на транспарант, но зато перед ним открытое место, так что издали будет... только надо растяжки, как на палатке, поставить для надежности. Где-то наверху я натыкалась на моток веревки.

Вера снова хочет дотянуться до верхней полки, поворачивается к Алексею спиной. Она почти дотягивается до свертка со шкурой, и тут Алексей задувает свечу. Наступает темнота.

Вера. Что это было? Ты что, свечу погасил?

Алексей. Нет... это сквозняк! *(Раздражаясь.)* Да и зачем сейчас, на ночь глядя, было вешать эту тряпку?! Утром надо было...

Вера. Да, наверно, утром... я по инерции. Ладно. Сейчас печку разожгу... О! О, нет!

Алексей. Что?

Вера. Спички... где?

Алексей. Ты их, кажется, в карман складывала.

Вера. Выпали, что ли? Где-то у коновязи посеяла?

Алексей. У нас что, больше нет огня? Иди ищи!

Вера. Сейчас... Леша, может, они тут на нарах валяются или на полу?.. Давай, ищи тоже!

Ищут спички на полу и, перетряхивая вещи, на нарах.

Алексей. Зашибись! Ну ты и молодец! Походница! За последними спичками уследить не смогла! План «А»!

Вера. А ты на меня не наезжай! Сам ничего путного придумать не смог!

Алексей. Я не смог? Да... не смог. Ну так у меня особого желания по горам шараться и не было! Кто меня в горы чуть ли не силком потащил? Какой, к черту, поход, когда можно спокойно съездить в Турцию, в Египет — не дороже!

Вера. Деньги-то тут при чем? Мы же хотели на природе побыть! В одной палатке!

Алексей. Это ты хотела! А мне вот где спать на буграх! Утром холод до озноба, вода ледянощная! Днем — жара и рюкзаки эти... проклятые... Всю спину разломило. Но я шел и терпел! Ради тебя! Ну, доползли кое-как до Аккема, и — хватит, но тебя же понесло дальше! Ты же делаешь, как тебе надо. И делать будешь. Мое мнение не учитывается!

Вера. Да что ты шипишь на меня?! Змеиный яд в башку ударил?

Алексей. Ах, я теперь виноват, что меня змея цапнула? Сама ты как... змея! Вот и ползай теперь, ищи спички... Может, после похода, если доживем, я — в одну сторону, ты — в другую? ...Вер, ты что притихла? Вер, ты где?

Раздается звук варгана.

Алексей. Что это?

Вера. Настраиваюсь на энергии земли и неба. Выравниваю потоки внутри себя... (*Звук варгана.*) До самых тонких веточек, до каждой иголки!

Звук варгана.

Алексей. Черт, напугала!

Звук варгана.

Алексей. Вер, ты что, обиделась?

Звук варгана.

Алексей. А где варган взяла?

Вера (*язвительно*). Ложись-ка ты спать, а я пойду спички поищу.

Вера, играя на варгане, выходит.

Алексей. Черт, черт, черт! Нашел время жаловаться! Нашел время ссориться! А может, это и к лучшему? Вот мои манатки, вот — Веркины... Вот ее рюкзак, а вот — мой! И нечего туда совать свой нос!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Возле зимовья. Ночь вторая. Сквозь реденеющие облака мелькает луна, но полностью еще не выходит. Шаман, снова в традиционном головном уборе, сидит у костровища. Выходит Вера, опустив голову.

Шаман. Ты грустишь?

Вера. А... Ты снова здесь.

Шаман. Поссорились?

Вера. Сама виновата. (*Начинает внимательно оглядывать землю.*)

Шаман. Бывает... А что ты ищешь?

Вера. Спички последние потеряла. Пока привязывала флаг.

Шаман (*восхищенно*). Значит, это лоскутное одеяло — флаг?

Вера. Да, с тропы сразу будет видно, что здесь кто-то есть. Понимаешь?

Шаман. Здорово! (*Ходит вокруг флага, прячется за него.*) Но у тебя тяжело на душе. Хочешь, я помогу?

Вера. Как дереву сосне?

Шаман. Можно и так.

Вера. Слушай, а как ты шаманом стал, если не секрет? (*Садится рядом, достает варган, иногда играет, пока идет разговор.*)

Шаман. Нет, не секрет. Тебе вполне могу рассказать. В детстве, Птица, у меня часто болела голова... Очень сильно! Боль накаты-

вала приступами... Я словно бы умирал, но не мог умереть до конца, и жить — сил не было. Наш дом стоял на краю села, у самой тайги... И вот я стал убегать в лес, метался там среди сосен... (*Вскакивает и начинает кружиться.*) О, какая дикая боль! О, порождение Эрлика! ...И вот, продираюсь однажды через заросли... Чудовищная пульсирующая боль рывкает голову, и я падаю. Возле самых глаз — муравейник... И тут я замечаю, что муравьи любопытно глядят на меня, я их и спрашиваю...

Вера. Где мои спички...

Шаман. Ты смеешься?

Вера. Нет, что ты, Шаман! Это я спросила бы сейчас у муравьев — где мои спички.

Шаман. Муравьи ночью спят. Так вот, они мне сказали, к какому дереву я должен подойти... Да! О, тайга... И я пошел, нашел это дерево, встал на колени перед тайгой и попросил... взять меня в ученики. Тайга согласилась.

Вера. Попросить тайгу — это я понимаю, я сама словно бы разговариваю с горами и реками, легенды местные люблю, но, Шаман, вот чего я не в состоянии понять и принять — так это говорящих муравьев! Деревья с голосами сосновыми, рябиновыми, кедровыми для меня — метафора...

Шаман (*смеется*). О! Какие слова! Ме-та-фо-ра!

Вера. Да, метафора! А ты ведешь себя... по меньшей мере странно.

Шаман. Ай-яй! Только терпеливый человек может понять суть дыхания шамана!

Вера. Прости, но ты иногда просто смешон!

Шаман. Ну и ладно! Главное, чтобы мне верила тайга! А каким я кажусь для людей — без разницы. Смеются надо мной? Не разубеждаю. Когда люди не принимают меня всерьез, за ними даже удобнее наблюдать со стороны, видеть их недостатки, а самое главное — искренние поступки.

Вера. Но муравьи... Муравьи, муравьи, которые тебе отвечают! Скажи честно, ты наелся каких-нибудь галлюциногенных поганок?

Шаман. Нет! Я их попробовал только один раз — чтобы встретиться с духом гриба. Грибы нужны тем, у кого мало энергии, кто не умеет летать сам по себе. А я умею. Мне достаточно зайти в лес и положить в рот сосновую иголку — по силе вибрации и могуществу духа, поверь, сравнивать не с чем! А психотропные вещества уводят по головокружительно быстрым, но ложным путям и убивают!

Вера. Какие, однако, ты слова знаешь — психотропные вещества, сила вибрации!

Шаман. Что ж, я, по-твоему, неуч? Птица! Много воды утекло, прежде чем я понял, где мое место, кто я на самом деле... Знай, после всех инициаций, проверок и стремлений шаману определяется его ниша. То есть к чему у него больше лежит душа: небо, тайга, земля. Мое предназначение — тайга. Но это не значит, что мне нужно знать только лес, нет! Все окружающее шаман обязан ведать. Он — проводник в иные миры. Ему подвластны взлеты: верхний мир и нижний мир... Помнишь, я варганил дерево сосну?

Вера. Помню...

Шаман. Я проверял сегодня — дереву хорошо! Тайга нуждается в очищении и преобразовании. Вот для чего тайга взяла меня в ученики!

Вера. Так ты чистишь тайгу? По деревцу? По веточке?

Шаман. Шире! Я могу охватить столько пространства, сколько взор беркута с высоты полета... У всех шаманов это по-разному... У меня — так. Внутреннее безмолвие становится ослепительным... Я выбираю поляну, развожу костер и начинаю камлать. Надо мной появляется радужный светящийся круг, но я не смотрю на него, он зыбок, он еле уловим на границе нашего и верхнего мира. И вот из круга спускаются белые всадники, подобные мерцающему туману. Все духи — всадники... Но я не смотрю на них прямо, чтобы не спугнуть, а наблюдаю внутренним оком. Всадники кругами скачут по тайге, удаляясь от меня... Они уничтожают зло, которым люди засорили тайгу! Сжигают грязь от сознания людей, всю эту зависть, горечь, ненависть...

Вера. Шаман! Я верю, ты видишь белых всадников... Почему бы и нет? Но в современном мире, чтобы противостоять злу, этого, боюсь, недостаточно.

Шаман. Еще, когда могу, я освобождаю птиц и зверей из ловушек браконьеров.

Вера. Это — другое дело.

Шаман. Вот, например, ты знаешь, как браконьеры ловят соколов?

Вера. Нет.

Шаман. Представь, ты — голубь. Сизый, толстый и пугливый голубь. На тебя надевают проволочную жилетку, а к ней лески привязывают — несколько лесок, длинней размаха твоих голубиных крыльев. Ты сидишь в руках браконьера, сердечко так и колотится, так и колотится, и вот тебя отпускают... Когда замечают в небе сокола. Ты радостно летишь — свобода, свобода!

Шаман хватает Веру за бока.

Вера. Ой, не щекочи меня!

Шаман. Я — сокол! Я бросаюсь на тебя, я тоже радуюсь — добыча, добыча! Но не тут-то было. Лески развеваются, опутывают соколиные крылья, когти застревают в проволоке, и сокол вместе с голубем падает на землю. Голубь погибает, сокола сажают в клетку и везут куда-то за границу.

Вера. И ты спасал бедных птиц?

Шаман. Да. За это один охотник выстрелил мне в ногу... Правая нога — несчастливая... А в другой раз бубен мой забрал, но сжечь побоялся...

Вера (смеясь). Вдруг ты и правда — колдун. И отправишь его в ад...

Шаман. Не смешно.

Вера. Прости. То, что в ногу выстрелил, — действительно, ужасно.

Шаман. Ну, это — дело прошлое! Все уже зажило.

Вера. А зачем тогда на деревяшке скачешь?

Шаман. Она напоминает мне о боли от жгучего огня! Чтобы я лучше чувствовал муки раненых зверей! Подстреленных, погибших в капканах. Птица, я ведь с недавних пор могу помогать духам убитых животных вернуться на землю и заново родиться.

Вера. А что, они сами не могут?

Шаман. Если зверя убил не другой зверь, старость или природа, а человек, то он, человек, должен произвести специальный обряд, освобождающий дух животного, чтобы дух мог уйти в мир верхний и зверь родился заново.

Вера. Как все сложно...

Шаман. Но это — правда! К сожалению, не все охотники проводят нужный обряд. Сколько неприкаянных духов зверей и птиц носится по тайге и плачет! Хорошо, что ты не разожгла костер — духи животных боятся огня.

Вера. Опять духи... Ну почему я ничего не слышу?

Шаман. Хочешь услышать окружающую тайгу? Что ж, можно попробовать... сейчас полнолуние — подходящее время. Встань у костровища. Вот так. Закрой глаза. Что ты чувствуешь?

Вера. Есть хочу и чаю горячего.

Шаман. А еще? Что вокруг тебя?

Вера. Тишина... движется... тишина?..

Шелест... капля упала с листа...

Холодно... но не до дрожи...

Выходит луна, Вера стоит как раз спиной к ней.

Шаман. Луна... в затылок уставилась!

Вера. Обернуться?

Шаман. Нет!

Черные тени,

подобно лучам

обратной ее стороны,

исполосовали склон.

Резкие лунные тени,

вот они — перед тобой...

Вера (*открывает глаза*). Что это?

Камень? Коряга? Крадущийся зверь?

Замер... Обернуться ли?

Шаман. Нет, это — ты

посреди полнолуния...

Вера. А там, за мою спиной,

белого звона полна...

Обернуться ли?

Шаман. Нет!

Для шаманского бубна

важней обратная сторона!

Вера. Лунные тени... вздрогнули,
заскользили
по белой траве...

Обернуться ли?

Шаман. Нет!

Это птицы Ульгения летят,
быстрокрылые, черные птицы Ульгения,
к ночному шаману.

Вера. Скрежета тонкую взвесь
настороженным ухом ловлю...

Обернуться ли?

Шаман. Нет.

Это седьмая, последняя птица Ульгения
в медных когтях несет
браги сосуд
ночному шаману.

Вера. Чу!

Дыхание чье-то...
Ворохнулась косматая тень,
опадает, растет, падает...

Обернуться ли?

Шаман. Нет!

Это конь вороной,
конь ночного шамана
томится на привязи,
роет копытом
смолистую сырость...

Ом!

Вера. Обернуться ли?

Шаман. Да!

Вот оно, полнолуние —
ночного шамана удар.

Шаман ударяет в бубен, незаметно для Веры уходит. Вера оборачивается — никого. В лунном свете поляна отлично видна. Вера поднимает коробок спичек и медленно возвращается в зимовье.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

День третий. В зимовье. Вера стоит у стола, Алексей сидит на нарах в углу, прислонившись спиной к рюкзаку.

Алексей. Ну, что спички? Высохли?

Вера. Нет.

Алексей. Допрыгалась со своим флагом!

Вера. Что, уже имущество делим? Успокойся, на солнце высохнут.

Алексей. Если будет солнце. Что-то облачно.

Вера. Да ладно тебе, не хнычь! Ну не высохнут спички, буду добывать огонь трением! В конце концов, не минус тридцать, не зима! Мне здесь так даже и нравится! И сегодня — третий день. Нас уже ищут. Главное, чтобы мимо не прошли. (*Достает сухари.*) Один — тебе, один — мне. Тут еще на день-другой хватит. Еды в обрез, так что считай — у нас лечебное голодание. (*Холодно.*) Как себя чувствуешь?

Алексей. Сносно...

Вера выходит.

Алексей (*хватается за рюкзак*). Куда бы ее перепрятать? Нигде не надежно. Вот как эту штуку вывезти незаметно? А может, положить обратно? Или перепрятать, а потом вернуться?

Забегает Вера.

Вера (*радостно*). Леша, там — всадник!

Выскакивает обратно, слышно, как она кричит: «Сюда, сюда!» Алексей вытаскивает сверток, лихорадочно оглядывается на дверь. Хромая, выбегает со свертком, быстро возвращается, садится на нары.

Заходят Вера и Охотник.

Вера. Леша, милый, мы спасены! (*Охотнику.*) Вы не представляете, как я рада!

Охотник (*удивленно*). Вы здесь... вдвоем?

Вера. Да!

Охотник. Давно?

Вера. Третий день.

Охотник. А вы — кто?

Вера. Да какая разница... ой, что я говорю... туристы мы.

Алексей (*показывая рюкзак*). Туристы.

Вера. Лешу змея укусила. (*Алексею.*) Покажи, что ты сидишь, как на именинах? Человек наверняка больше нашего разбирается.

Алексей. Вот, посмотрите... Почти три дня прошло.

Охотник (*смотрит на рану*). Выживешь... Самое худшее — позади.

Вера. О! (*Облегченно.*) Вот и я говорю, самое худшее — позади! Я — Вера, это — Алексей. А вас как зовут?

Охотник (*помедлив*). Амаду.

Алексей (*недоверчиво*). Амаду? Вы вроде бы на алтайца не похожи.

Вера. Леш, ну ты что... (*Охотнику.*) Амаду, а у вас спички найдутся? А то мы чаю горячего со вчерашнего дня... хотим.

Охотник. Сейчас. (*Выходит.*)

Алексей. Еще один за спичками пошел. Не нравится он мне. Глаза так и бегают, словно высматривает что-то.

Вера. Да прекрати ты! Все! Нас нашли! Все хорошо, а ты боялся.

Охотник заходит с арчемаком (седельной суминой), достает из него термос, сверток с едой.

Вера (*радостно глядя на термос*). Это — то, что я думаю? Горячий чай? Неужели?

Охотник наливает чай, угощает их сушеным мясом и хлебом.
Они с удовольствием едят.

Вера. Леш, тебе много не надо, опять затошнит. (*Охотнику.*) Вы прямо сейчас можете поскакать в Аркыт? Сказать о нас?

Охотник. Могу... чуть позже. Пусть конь отдохнет.

Вера. Хорошо. (*Достает бумагу и карандаш, пишет.*) Я вам сейчас напишу — наши номера телефонов, кто мы, откуда — пусть в Аркыте не сомневаются, мы заплатим за коней, пусть пригонят пару... А спички вы нам оставите? Чтобы до завтра продержаться. И пусть, главное, в Джазатор позвонят — обрадуют, что мы живы-здоровы. Ну, почти здоровы...

Охотник. Я все передам, из Аркыта сообщат про вас по спутниковому, а сотовая там не берет. (*С легким пренебрежением.*) Вам я зажигалку подарю, туристы...

Вера. Вот и замечательно! А можно я на вашего коня погляжу?

Охотник. Пожалуйста.

Вера выбегает из зимовья.

Алексей. Коней любит... А я-то смогу на коне до Джазатора добраться?

Охотник. Сможешь. Туристы... В такую даль — и пешком! Отчаянный народ! А что, ты так тут и сидишь, никуда не выходишь?

Алексей. Только до ближайших кустов. Фигово мне... и то в жар бросает, то морозит. И тошнит периодически. Вера говорит — пей больше и лежи...

Охотник (*достает из арчемака фляжку*). Пей — это правильно. Пей. (*Добавляет из фляжки себе в чай и Алексею.*)

Алексей. О! Это коньяк? (*Нюхает.*) А мне можно?

Охотник. Ты же мужчина — значит, можно. Да пей, не робей — мозги прочистятся.

Алексей (*пьет*). Ух! Хорошо!

Алексей пьет, но потом его тошнит, он кашляет, вскакивает.

Алексей. Е-мое! Я сейчас!

Алексей идет к двери, входит Вера.

Вера. А как вашего коня зовут? Он такой замечательный. Ой, Леша... что случилось?

Алексей. Сплохело... Опять...

Вера. Пойдем на воздух! И умыться тебе не мешает! (*Обнюхивает его.*) Ты пил, что ли?

Алексей. А что, скалкой огреешь? Три капли коньяка... Амаду угостил.

Вера. Вот глупый! (*Охотнику.*) Напрасно вы ему капнули — он же... интоксикация у него! А, ладно, пошли к ручью скорее.

Вера и Алексей уходят. Охотник выглядывает за дверь, удивившись, что они ушли, закрывает ее. Быстро приподнимает доску пола, где тайник, достает жестянку, складывает в арчемак. Закрывает тайник. Оглядывает зимовье. Забирает свой термос. Выходит с арчемаком. Слышно ржание коня и удаляющийся топот копыт. Заходят Вера и Алексей.

Вера. А где Амаду?

Алексей садится на нары, а Вера выскакивает и возвращается.

Вера. Ничего не понимаю. Коня — нет. Ускакал в Аркыт, что ли? Странный он какой-то. Даже не попрощался. Может, обиделся, что я на него из-за коньяка наехала? Ну да ладно. Недолго осталось. Знаешь, а мне тут действительно нравится! Жалко покидать этот лес, эти горы... Пойду флаг снимать! Надо вещи складывать. Зря только твой костюм испортили.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

На поляне. Вера выходит, что-то весело напевая. Начинает отвязывать флаг. Появляется запыхавшийся Шаман, в руке у него бубен.

Вера. Шаман, дружище! А нас уже сегодня спасут! Но мы с тобой еще встретимся, правда?

Шаман. Да, да, Птица! Послушай...

Вера. Нет, это ты меня послушай, раз пришел! После всего, что ты рассказывал ночью, после того, как я услышала голоса леса... Знаешь, я тоже хочу помогать тайге! Ты меня научишь?

Шаман. Да, да, Птица, но не сейчас...

Вера. Конечно, не сейчас! Сейчас нас спасать будут, в цивилизацию возвращать... Я вот еще что решила — вернусь в горы, но не как праздничная туристка, попрошусь для начала волонтером в какую-нибудь экологическую экспедицию. Надо начинать уже делать что-нибудь полезное, да? Ну не могу я оставаться в стороне, когда природа страдает!

Шаман. Да... надо... это хорошо... ты сможешь... только сейчас не об этом.

Вера. А я — об этом! Как вспомню про соколов несчастных, так меня саму как будто в клетку посадили! Ты что-то такое сделал со мной, Шаман, сделал такое... меня пронзило как будто, и слух обострился, и видеть я стала иначе... Особенно после танцев под луной. А тут еще и Амаду прискакал! Ну не замечательно ли?

Шаман (*еле отдышавшись, серьезно*). Вот! Амаду! Этому человеку нельзя доверять! Я, как его возле зимовья разглядел, сразу к вам побежал.

Вера. Разглядел? Откуда?

Шаман. Вон с той скалы... неважно... Слушай, это он, он мне ногу прострелил!

Вера. Скала высоко, ты перепутал! Да, это охотник, зовут его — Амаду. Нет, я не верю, что он тот, который...

Шаман. Нет, это — он! И вам здесь лучше не оставаться! Зови друга, пошли со мной, я вас спрячу. У меня тут шалаш недалеко. Я тебе как человек сейчас говорю! (*Снимает шапку с перьями.*) Это — очень серьезно!

Вера. Шаман, ты что? Как это — прятаться, когда за нами помощь вот-вот придет? Амаду поскакал в Аркыт.

Шаман. Да никакой он не Амаду! Вспомни, ты мой бубен в зимовье видела? Видела? Так? А кто у меня его отобрал? Ну...

Вера. Который в ногу стрелял...

Шаман. Правильно. И что ему здесь было нужно на этот раз?

Вера. Ничего!

Шаман. Ты уверена? Ничего-ничего?

Вера. Ничегошеньки!

Шаман. Подозрительно.

Вера. С какой стати? Шаман, что ты придумываешь? Бубен в зимовье — просто совпадение, а этот человек просто ехал мимо, а прискакал сюда, потому что я, как всадника увидела, во все горло заорала! Как сумасшедшая! И он согласился помочь. А сейчас — на пути в Аркыт.

Шаман. Этот человек свернул с тропы на Аркыт. Я видел.

Вера. Может, решил срезать путь!

Шаман. Негде там срезать! Птица, поверь мне — лучше уйти, спрятаться, а я разведу обстановку.

Вера. Тебя не поймешь. То твердил — сиди на месте, то — уходи! Нет. Теперь я никуда не пойду, останусь здесь... Может, я зря поверила, что ты — настоящий шаман? Вернуться к тебе захотела, душу перед тобой раскрывала?

Шаман. Я говорю сейчас как человек, который очень за тебя, девочка, переживает. И за друга твоего. Мне верь, а не этому «Амаду»! Сама посуди, не просто же так он свернул с тропы!

Вера (твердо). Я останусь! Я думаю, ты обознался... Ой, смотри — Амаду возвращается!

Шаман, завидев Охотника, прячется за валун. Вбегает разъяренный Охотник, наставляет ружье на Веру.

Охотник. Где?

Вера. Что — где? Амаду, вы что, что вы...

Охотник. Ах, ты не знаешь? Зови дружка своего. Ну!

Вера (кричит). Леша! Запрись в доме! Амаду сошел с ума!

Алексей выскакивает. Охотник направляет на Алексея ружье.

Охотник. К стене встал, живо! *(Алексей встает к стене зимовья.)*
 Где она?

Алексей. Кто? Что происходит?

Охотник. Я здесь все переверну и все равно найду, так что давай по-хорошему.

Вера. Ой, что же это? Леш? Чего ему надо?

Охотник *(направляя ружье то на Алексея, то на Веру).* Где, я спрашиваю?! Я только неделю назад ее сюда перевез. Кроме вас, тут никого не было. Где она, ну?!

Алексей. Да не брали мы твою шкуру.

Охотник. Шкуру! Ты сам сказал. Где шкура?

Вера. Какая шкура, господи, что происходит? Амаду, ты что, убить нас хочешь? *(В сторону леса, громко.)* Шаман, Шаман!

Шаман сидит за валуном, что-то шепчет, потом надевает шапку с перьями.

Охотник. Молчи, сука! Где шкура, турист малахольный?! Я ведь бабу твою пристрелю первой.

Алексей. Ладно, ладно! Не стреляй! Вера, прости. Знал же — не надо брать. На меня как затмение нашло. Сейчас.

Охотник. Она в доме?

Алексей. Нет, я ее по... под... *(Заикается.)* Веру не трогай! Под крыльцо засунул. *(Засовывает руку под крыльцо, вытаскивает сверток.)* Вот.

Охотник. Разворачивай.

Алексей разворачивает шкуру.

Охотник. Отлично. Теперь сворачивай обратно!

Вера. Что это, господи? Это — снежный барс? Да? Откуда он? *(Охотнику.)* Ты убил его? Ты убил барса? Ты все-таки тот самый...

Охотник *(Вере).* Заткнись. *(Алексю.)* Ну, чего ждешь, давай заворачивай!

Появляется Шаман. Он спокоен. На нем шаманский головной убор, в руках — бубен.

Шаман *(Охотнику).* Опустит ружье!

Вера *(Шаману).* Ты... наконец-то! Уходи, он всех убьет!

Алексей *(Вере, кивая на Шамана).* А это кто?

Охотник *(Алексю).* Местное пугало. Только оно вас не спасет, соколки... *(Шаману.)* Вставай рядом с ними. Как нога?

Шаман спокойно встает рядом с Верой. Охотник держит их на прицеле.

Шаман. Скрипит потихоньку.

Охотник. Я тебя предупреждал, что в следующий раз башку отстрелю?

Шаман. Предупреждал.

Охотник. Зачем снова лезешь в мои дела?

Шаман. Дух снежного барса позвал меня! Я пришел за ним.

Охотник. Духа можешь забрать с собой, когда полетишь на небеса, — я забираю только шкуры.

Шаман. Опустит ружье, говорю по-хорошему.

Вера (Шаману). Прости, я тебе не поверила. Он... убьет нас всех?

Шаман. Нет.

Охотник. Придется! Только вот не знаю, с кого начать!

Алексей. Мужик, у тебя ружье двуствольное, а нас — трое! Брось эти шутки. Давай поговорим спокойно.

Охотник. Хочешь проверить, кто будет первым и вторым?

Шаман (Охотнику). Черная твоя душа попадет в царство Эрлика.

Охотник. Как я испугался! Слушай, ты, шут гороховый, нашел свою погремущку — и радовался бы! Мало добыть зверя! Думаешь, это просто — покупателя найти? И вот — все срослось.

Шаман. Расскажи еще, как ты рисковал, выдельывая шкуру. Прятал ее то там, то здесь... а мы тебя пожалеем...

Вера. Не зли его, Шаман, пожалуйста, он выстрелит.

Алексей (Вере). Успокойся, он не посмеет! Он же не дурак, нас МЧС ищет. И найдет! Помнишь, охотник? Нас ищет МЧС!

Охотник. Не найдет. Тайга большая.

Алексей. Ладно, ладно, Амаду, или как там тебя, я понял, ты суровый мужик, настроен серьезно! Все! Все! Мы отдали тебе шкуру! Забирай и уходи. Мы никому ничего не скажем!

Охотник. Так я вам и поверил. Вы — свидетели. (*Наводит ружье то на одного, то на другого, но стрелять медлит.*) А я ведь хотел сделать все по-тихому.

Вера (Шаману, тихо). Давай я его отвлеку, а ты ружье выдернешь. Думаешь, я не смогу?

Шаман (Вере). Птица, ты смелая, ты сможешь, но это опасно для тебя. Просто стой спокойно. (*Охотнику.*) Брось ружье! Ты не убийца людей! А со шкурой... я проведу обряд и отдам ее тебе... на этот раз.

Охотник. Тебе, чучело, я точно не поверю! Устроишь какую-нибудь пакость, товар испортишь.

Алексей (деловым тоном). Слушай, мужик, а сколько тебе дают за... товар?

Охотник. Тебе-то что?

Алексей. Думаю, настоящей цены ты не получишь. Ее ведь еще пару раз перепродадут, так? А у меня связи в Москве. Спорим, я найду покупателя, который заплатит большую цену? Ну, за сколько ты собирался ее сбывать?

Вера (Алексею, тихо). Ты что несешь, Леша? Какие связи в Москве?

Алексей (Вере). Молчи... (*Охотнику.*) Ну, ведь наверняка тебе предложили не так уж и много?

Охотник (немного опуская ружье). Допустим, тридцать две штуки баксов.

Алексей. Амаду, это же несерьезно! Уверен, что смогу получить за нее все шестьдесят!

Охотник. Ты что, разбираешься в шкурах?

Алексей. Нет, здесь я полностью тебе доверяю! Но я разбираюсь в бизнесе. Итак — шестьдесят тысяч долларов. Сорок пять — тебе, пятнадцать — мне, и никого убивать не надо, мы же в сговоре. (*Осторожно шагает в сторону Охотника.*)

Вера (Алексю). Ты что такое городишь? Сговор — с этим упырем?

Алексей (Вере, тихо). Молчи, дурочка! (*Охотнику.*) Тебе — сорок пять, мне — пятнадцать, уговор?

Охотник. Что-то баба твоя другого мнения.

Алексей. Это она по глупости! Ну хорошо: пятьдесят — тебе, десять — мне! Учти, все расходы по доставке я беру на себя. (*Еще шагает к Охотнику.*) И у тебя преимущество: ты знаешь, кто мы — ну, мы же тебе все написали, а мы про тебя — ничего. Да нам и неинтересно. Амаду так Амаду! Не вопрос! Подумай сам — пятьдесят тысяч долларов!

Охотник (после некоторого раздумья). Заманчиво... Ты — крутой бизнесмен? Что-то не верится! (*Направляет ружье на Веру.*)

Алексей бросается на Охотника, но наступает резко на большую ногу и падает в шаг от него. В тот же момент Шаман выбрасывает руку вперед, как будто что-то хватая и выкручивая. Охотник кривится, роняет ружье. Ему явно плохо, он катается по земле, стонет. Алексей встает, подбирает ружье и направляет на Охотника. Тот продолжает корчиться, а Шаман что-то напевает над ним. Охотник замирает. Все трое стоят вокруг него.

Вера. Он умер?

Шаман. Нет. Он почувствовал все, что пережил перед смертью убитый им зверь.

Алексей. Ни фиги себе! И что теперь? Связать его?

Шаман. Не надо, он больше не опасен. Ни зверю, ни человеку.

Вера. Он... не захочет ни в кого стрелять?

Шаман (кивает). Все правильно, Птица. Вот теперь все правильно.

Алексей обнимает Веру одной рукой, другой держит ружье.

Алексей (Вере). Ты в порядке?

Вера. Да... (*Плачет.*)

Алексей. Ну, ну, все уже позади!

Вера отстраняется от Алексея и успокаивается, а тот вытаскивает патроны из ружья, оружие отбрасывает подальше, хочет снова обнять Веру, но она дает ему пощечину.

Вера. Ты хотел договориться с этим упырем!

Алексей. Ты что, очумела?! Я хотел отвлечь его!

Вера. Все равно ты врун! Врун! Ты нашел шкуру, мне ничего не сказал, прятал ее, юлил, спрашивал, вспомнить противно!

Алексей. Ну да... Прости, Вера, эти долбаные мифические деньги... горело бы оно все синим пламенем!

Вера. Знаешь что? После похода ты — в одну сторону, я — в другую! Я уж точно найду себе занятие поинтересней, правда, Шаман?

Шаман кивает.

Алексей. Да подожди ты! Какой-то абсурд, я вовсе не хотел сосориться с тобой! На меня как затмение нашло, Вера!

Вера. Отстань!

Шаман подходит к ним и кладет руку Вере на плечо.

Шаман. Успокойся, Птица, помолчи.

Алексей (*Шаману*). Убери руки от моей девушки!.. То есть спасибо тебе, конечно, что вовремя вмешался, ты, наверно, реальный колдун, но руки все равно убери.

Шаман спокойно отступает на шаг.

Вера (*Алексю*). Он — шаман, а не колдун! (*Шаману*.) Шаман, друг мой... Я тебе так благодарна!

Алексей (*Вере*). А вот его ты откуда знаешь? С какой стати он тебе уже — друг?

Шаман. Помолчите оба! Тихо! (*Прикладывает палец к губам.*) Тсс! (*Другой рукой показывает вверх.*)

Вера и Алексей прислушиваются — издали доносится шум вертолета.

Вера. Это... вертолет... это за нами, Леша!

Алексей. Вера!

Они смотрят вверх. Потом Вера убегает, Алексей срывает флаг и размахивает им, уходя вслед за Верой. Слышно, как они кричат:

«Мы здесь, сюда!» Шум вертолета приближается.

Шаман что-то шепчет над шкурой, но ничего не слышно, кроме стрекота мотора. Трава яростно колыхается от ветра, поднятого вертолетом. Шаман подходит к Охотнику и проводит над ним рукой. Охотник встает и медленно, как зачарованный, уходит. Шаман возвращается к шкуре и что-то шепчет над ней, делая пассы руками. Трава, одежда Шамана и шкура — все вибрирует от ветра.

Шаман ударяет в бубен, и резко наступает полная тишина, но трава и одежда продолжают шевелиться. Вдруг шкура двигается тоже, непонятно — то ли сама по себе, то ли от ветра. Шаман проводит по ней рукой, и кажется, что зверь встает. Шаман и снежный барс медленно удаляются по колышущейся траве. Как только они исчезают, шум вертолета резко возвращается. Появляется счастливая Вера.

Вера. Шаман! Где ты? Где ты? Опять исчез... Шаман, друг мой, за нами все-таки прилетели! Шаман...

Занавес.

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Алексей ЧЕБОТАРЁВ

ОРУЖЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Оружие сопровождает человечество на протяжении всей его истории — используемое для войны, охоты и защиты от хищников, оружие совершенствовалось вместе с развитием общества. Многие передовые идеи в первую очередь применяются в оружейной сфере, только потом находя место в мирной среде, и множество выдающихся ученых и инженеров непосредственно связаны с разработкой оружия. Оружие является также и объектом приложения сил художников и ювелиров — множество образцов высокохудожественно оформленного оружия украшают залы музеев и частные коллекции.

* * *

Оружейная коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея в настоящее время насчитывает 598 единиц хранения. Коллекция начала формироваться в 1920—1930-х гг. в ходе историко-бытовых и этнографических экспедиций в зонах проживания коренных народов Сибири, «старожильческих» поселениях русских переселенцев, исторических населенных пунктах Новосибирской области.

Значительная часть коллекции сформирована благодаря многочисленным дарителям (жителям Новосибирска и области) — как правило, это трофейные вещи и случайные находки в земле, водоемах и при строительных работах; некоторое количество единиц оружия предоставлено сотрудниками правоохранительных органов. В послевоенный период коллекция пополнялась экспонатами из Государственного исторического музея и Оружейной палаты Московского Кремля (в XX в. в СССР существовала практика передачи предметов из центральных музеев в провинцию для расширения фондов).

Наряду с образцами штатного оружия, использовавшегося в регулярной армии и правоохранительных органах, в собрании нашего музея достаточно широко представлено национальное традиционное оружие и оружие, произведенное в кустарных условиях. Коллекция содержит как огнестрельное, так и холодное оружие; кроме того, имеются и предметы, непосредственно оружием не являющиеся, но имеющие к нему прямое отношение, — каски, доспехи и кобуры пистолетов.

Холодное оружие представлено разнообразными типами: ударное, древковое, оружие с коротким и длинным клинком. Мечи, сабли и палаши относятся к категории длинноклинкавого оружия и практически всегда являются боевым оружием, использовавшимся профессиональными воинами. Прямой меч, хранящийся в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея, поступил в 1956 г. из Государственного исторического музея.

Данный меч, ромбический в сечении, изготовлен из тонкой металлической полосы толщиной 3 мм, клинок с обеих сторон покрыт богатым орнаментом, выполненным в технике травления, а у рукояти украшен рисунком в виде арабской вязи, переплетающейся с растительным орнаментом, над которым в фигурной арке расположено поясное изображение человека в чалме с пером. Вдоль оси клинка изображены две переплетающиеся змеи, а у острия клинка — христианская церковь или часовня; все остальное пространство заполнено растительным орнаментом.

Эфес состоит из металлической рукояти с головкой и крестовиной, выполненных целно из двух пустотелых деталей, спаянных между собой; концы гарды загнуты к острию и украшены стилизованными головами драконов. Меч изготовлен в Персии (территория современного Ирана) во время правления династии Каджаров (1795—1925 гг.) и, вероятнее всего, является церемониальным или сувенирным оружием.

Другой интересный предмет, поступивший в 1983 г. уже из Оружейной палаты Московского Кремля, — сабля-килич (кльч). Клинок изготовлен из булатной стали с мелким рисунком, датируется XVI—XVII вв. и относится к элитному, дорогому оружию. Характерной особенностью сабель типа «килич» является широкая емань (расширение к концу сабельной полосы), занимающая большую часть верхней трети клинка, которая могла быть заточена как с одной, так и с обеих сторон — как у нашей сабли.

Табельное холодное оружие в коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея представлено шашками, саблями и шпагами различных стран и образцов — например, австрийская пехотная офицерская сабля (образца 1861 г.), советская шашка строевого начальствующего состава (образца 1940 г.), японский пехотный унтер-офицерский меч периода Второй мировой войны.

А с историей нашего города непосредственно связан предмет № 20873 — в 1971 г. в газете «Вечерний Новосибирск» (№ 178 от 30 июля) была опубликована заметка «Пока только предположения...», в которой сообщалось о кирпичном склепе, найденном во время земляных работ по реконструкции Красного проспекта у стен собора Александра Невского, где в то время располагался архив Западно-Сибирской студии кинохроники: «Когда были разобраны толстые полуметровые стены, в склепе обнаружили гроб, обитый красивой серебристо-зеленой парчовой тканью. На крышке гроба лежали скрепленные сильно поржавевшая шпага с эфесом из неповрежденного белого металла и ножны».

Как оказалось, в склепе находилась могила Н. М. Тихомирова — инженера-путейца и общественного деятеля, стоявшего у истоков основания Новониколаевска (Новосибирска).

Н. М. Тихомиров сменил Г. М. Будагова на посту главного инженера после перевода последнего в Томск и руководил строительством железнодорожного моста через Обь с 1895 г. до сдачи работ; кроме того, он основал Добровольное

Шпага инженера Н. М. Тихомирова

пожарное общество в нашем городе, инициировал постройку первой пожарной каланчи, а за участие в проведении первой российской всеобщей переписи 1897 г. получил бронзовую медаль. Н. М. Тихомиров также непосредственно руководил строительством собора во имя святого благоверного князя Александра Невского, по завершении его наградили орденом Святой Анны III степени.

Осенью 1900 г., надорвав здоровье, Н. М. Тихомиров умер в возрасте 43 лет от кровоизлияния в мозг и был похоронен на территории построенного им храма, которая в 1927 г. попала в зону расширения Красного проспекта и была заката на асфальтом.

...А шпага, обнаруженная в склепе Тихомирова и сейчас находящаяся в экспозиции нашего музея, являлась частью форменного мундира всех государственных служащих Российской империи.

Клинок шпаги стальной, прямой, плоский, двулезвийный, без долов, клейма не сохранились. Эфес позолочен, состоит из рукояти и гарды; деревянная рукоять полностью обмотана витой латунной проволокой, головка рукояти восьмигранная, расширяющаяся кверху, с пуговкой, навинчивающейся на конец хвостовика. Гарда образована защитной дужкой, переходящей в крестовину, под крестовиной — защитная чашка, выполненная из двух овальных пластин. Внутренняя сторона чашки откидная, закреплена на шарнирном креплении, а головка, верхняя часть дужки и конец крестовины украшены рельефным растительным орнаментом.

Шпага полагалась придворным и гражданским чинам при парадной, праздничной и обыкновенной форме, не полагалась — при будничной

и дорожной одежде. Гражданское оружие также снимали при поклонении иконам, во время брачной церемонии и танцев на балах (гражданские шпаги и правила их ношения сохранялись до 1917 г.).

* * *

Копья, вероятно, являются древнейшим видом оружия из изобретенных человеком. В фондах музея они представлены образцами из археологических памятников, штатным оружием казачьих частей, африканскими копьями и оружием сибирских партизан периода Гражданской войны.

Оружие с коротким клинком более утилитарно по своей сути — если меч или сабля предназначены исключительно для войны, то ножи, кинжалы или тесаки могут выполнять различные функции.

Тесаки — рубящее и колющее холодное оружие, состоящее из короткого (45—70 см) и широкого (4—5 см) клинка и рукояти с крестовиной или дужкой. Клинок — прямой или искривленный, двулезвийный или однолезвийный, а на обухе некоторых табельных видов располагается пила; носились тесаки на плечевом или поясном ремне.

Всеобщая тенденция вооружения специальным короткоклинковым оружием пеших войск (за исключением непосредственно стрелковых пехотных частей) сложилась в последней трети XVIII в. — инженеры, минеры, саперы, артиллеристы, а также военные музыканты получали холодное оружие, которое могли использовать и как рубяще-пилящий инструмент.

Тесак рассматривался скорее как хозяйственный предмет, выполняющий функцию, например, топора и дающий возможность нарубить дров, вырубить кустарник, изготовить фашины (связки хвороста, используемые при строительстве оборонительных сооружений) — отсюда происходит один из вариантов названия подобного рода оружия — «фашинный нож». Примеры боевого применения тесаков показывают, что за них брались только тогда, когда других средств для обороны не оставалось. При необходимости тесаки можно было использовать для изготовления простейших носилок, в силу чего в некоторых армиях тесаками вооружались и санитары. Деревянные рукояти специальных саперных и артиллерийских тесаков подвергались большим нагрузкам (особенно при рубке дерева), вследствие чего часто ломались, поэтому во многих армиях тесаки стали оснащать литыми латунными рукоятями, которые хоть и утяжеляли оружие, но в то же время делали его более устойчивым к механическим перегрузкам. Некоторые тесаки снабжались гардами закрытого типа с защитной дужкой, что подразумевало использование тесака для личной самообороны в рукопашной схватке.

Пехотный солдатский тесак образца 1848 г.

В некоторых образцах тесаков отчетливо прослеживаются формы древнеримского меча-гладдиуса, поскольку обращение к античной культуре было характерно для многих европейских государств, в частности — России. Примером такого оружия является пехотный солдатский тесак образца 1848 г. — клинок тесака стальной, прямой, обоюдоострый, уплощенный, со слабовыделенными ребрами, у основания возле рукояти на обеих сторонах имеются клейма. Эфес простой цельнометаллический, сделан в виде рукояти меча с нанесенной поперечной нарезкой, имитирующей оплетку. Навершие круглое (в сечении — овальное), с пуговкой, в которой расклепан конец хвостовика клинка. Крестовина прямая, длиной 100 мм, концы крестовины закруглены. На крестовине клейма: «Н» и число 22 в круге — с одной стороны, а с другой — изображение российского двуглавого орла в круге, дата «1854» и клеймо. Такой тесак являлся оружием нижних чинов пехоты отдельного Кавказского корпуса (в качестве табельного присвоен им в 1848 г.), нижних чинов пешей артиллерии и саперов, нижних чинов гвардейской пехоты и саперов, военных музыкантов. Тесак этот применялся в 1855—1868 гг., заменив тесаки образца 1834 г., а в 1880 г. был с вооружения снят и оставлен только в гвардейской пехоте и лейб-гвардии Саперном батальоне на мирное время для ношения в тех случаях, когда солдат не имеет при себе винтовки (в других войсках оставлен лишь музыкантам и барабанщикам); являлся принадлежностью формы до Первой мировой войны. Со временем тесаки в русской армии стали заменять кинжалами.

Кинжал — колюще-режущее холодное оружие с относительно коротким двулезвийным клинком, предназначенное для охоты или рукопашного боя.

В 1908 г. на вооружение нижних чинов русской пешей артиллерии был принят кривой кинжал — бевут, вполне пригодный для решения всех задач, ранее выполняемых с помощью тесака. Клинок бевута стальной, изогнутый, обоюдоострый, с глубокими узкими долами; рукоять деревянная, кавказского типа. Состоял бевут на вооружении нижних чинов жандармерии в 1907—1910 гг., с 1908 г. — пулеметных команд, с 1909-го — всех нижних чинов артиллерийских войск, кроме конной и конно-горной артиллерии, фельдфебелей и фейерверкеров в полевой, горной и парковой артиллерии и трубачей в управлениях пешей артиллерии, а с 1910 г. — на вооружении нижних чинов конных разведчиков пехотных полков. Применялся до 1917 г. и был широко распространен в период Гражданской войны.

* * *

В некоторых случаях холодное оружие — не только образец кузнечного ремесла, но и произведение ювелирного искусства. Турецкий кинжал XVIII в., хранящийся в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея, имеет рукоять, изготовленную из кости ископаемого носорога и украшенную коралловыми вставками. Ножны покрыты серебряными и позолоченными накладками с чеканным рисунком, а клинок выполнен из дамасской стали и имеет глубокую гравировку.

Ножи и кинжалы часто являются и элементом национального костюма — с традициями ношения, уходящими в глубину веков. Кинжал-кама с длинным (до 60 см) обоюдоострым клинком распространен среди народов Кавказа (у которых был перенят русскими казаками, служившими в горных регионах) — мужчины носили это оружие постоянно, начиная с подросткового возраста. Нередко кинжалы украшались гравировкой и драгоценными материалами.

Турецкий кинжал XVIII в.

Кинжал-джамбия имеет сильноизогнутый, относительно короткий и широкий у рукояти клинок с ребром жесткости посередине. Оружие происходит из Йемена, где является традиционной принадлежностью мужского костюма и носится заткнутым за пояс из дубленой кожи или плотной ткани. Роговая рукоятка имеет фигурную форму с узкой средней частью и украшена двумя латунными бляшками, имитирующими монеты, изогнутые ножны джамбии обтянуты кожей и оплетены кожаным шнурком. Традиционно джамбия — боевой кинжал, однако сегодня это скорее парадный элемент костюма — отцы дарят их подросткам, когда те достигают возраста зрелости.

Кинжалы и их разновидности в виде кортиков были и остаются частью парадной формы одежды военнослужащих разных государств. В Новосибирском государственном краеведческом музее хранятся кинжалы и кортики нацистской Германии, являющиеся военными трофеями; отличительной особенностью подобных предметов являются сбитые или спиленные элементы нацистской символики, характерной для украшения подобного оружия.

Кортик офицеров и унтер-офицеров ВВС Германии образца 1935 г. — стандартный офицерский кортик, модель для люфтваффе (изготовлен на фабрике Solinger Metallwaffenfabrik Stoecker & Co, дизайн заимствован у Немецкого авиационно-спортивного союза). Личное оружие люфтваффе предназначалось для «утверждения нового духа нашей эры — простоты, честности и дерзости». Кортик носили все унтер-офицеры и офицеры, а также офицеры в отставке с 1935 по 1937 г., а после принятия на вооружение кортика образца 1937 г. и до конца Второй мировой войны — только офицеры в отставке и унтер-офицеры всех категорий. Экспонат, находящийся в нашей коллекции, был подарен фронтовыми товарищами отцу сдатчицы, служившему в период Великой Отечественной войны в частях Смерша — на этом кортике вместо свастики на головке рукояти имеется медная пластина с гравировкой «Память с фронта», свастики же на перекрестье заменены медными медальонами с выгравированными звездами.

* * *

Штыки, появившиеся в XVII в., на долгое время стали основным оружием пехоты в рукопашных схватках. Штык — холодное колющее оружие, примыкаемое к стволу оружия огнестрельного; разновидностей штыков очень много, но в целом их можно разделить на две основные группы: игольчатые и клинковые.

К игольчатым штыкам относится известный всем классический четырехгранный штык к винтовке Мосина, применявшийся с винтовкой Мосина образца 1891 г., ее модификациями (драгунской и казачьей винтовками) и винтовкой Мосина образца 1891/1930 гг., а также с карабинами 1907 и 1907/1938 гг.

Штыки клинкового типа — это штык-ножи и штыки-тесаки. В собрании Новосибирского государственного краеведческого музея имеются штык-ножи к карабину Маузера, винтовке Арисака, винтовкам Гра и Ремингтона.

* * *

Огнестрельное оружие в нашей коллекции представлено образцами охотничьего и боевого оружия, а также пистолетами и револьверами.

Самое первое огнестрельное оружие появляется в Китае в XII в., а в Европе — лишь в XIV в. В России же в XVI в. появляются специализированные подразделения стрельцов, вооруженных фитильными пищалями, в которых пороховой заряд поджигался с помощью тлеющего фитиля.

В начале XVI в. в Европе изобрели ударно-кремнёвый замок, в котором искры, воспламенявшие заряд, высекались из ударявшегося о стальную пластину кусочка кремня, закрепленного на курке.

Фонды Новосибирского государственного краеведческого музея располагают несколькими экземплярами ружей с кремнёвым замком, использовавшихся на охоте как местным населением, так и русскими переселенцами. Несмотря на архаичность конструкции оружия, охота с применением кремнёвых ружей осуществлялась в Сибири и на Дальнем Востоке вплоть до середины 1950-х гг.

Большая часть этих ружей относится к категории так называемых «сибирок» — ружей, изготовленных кустарным способом: ствол чаще всего приобретался на фабрике или заводе, а ложе и замок делали своими силами. «Сибирки» подгонялись под каждого охотника индивидуально, и найти два одинаковых ружья практически невозможно.

На смену ударно-кремнёвым замкам пришли замки с капсюльным механизмом — в них для поджигания пороха использовался капсюль, по которому бил ударник. Процедура переделки кремнёвого ружья в капсюльное была достаточно проста и доступна любому кузнецу, поэтому большое количество охотничьих ружей с капсюльным замком из фондов музея являются такими переделками.

В середине XIX в. совершается переход от дульнозарядного оружия к казнозарядному и от раздельного заряжания к унитарному патрону — появляется сначала магазинное оружие, затем автоматическое.

Одним из самых успешных и массовых ружей как своего времени, так и всего XX века является самозарядное гладкоствольное охотничье ружье Browning Auto-5, разработанное Джоном Браунингом в 1898 г. и производившееся до 1998 г.

Browning Auto-5 использует для перезарядки энергию отдачи ствола при его длинном ходе; в подствольном трубчатом магазине помещаются четыре патрона, и это с учетом патрона, находящегося в стволе, дает общую вместимость в пять боеприпасов, что и отражено в названии ружья — Auto-5.

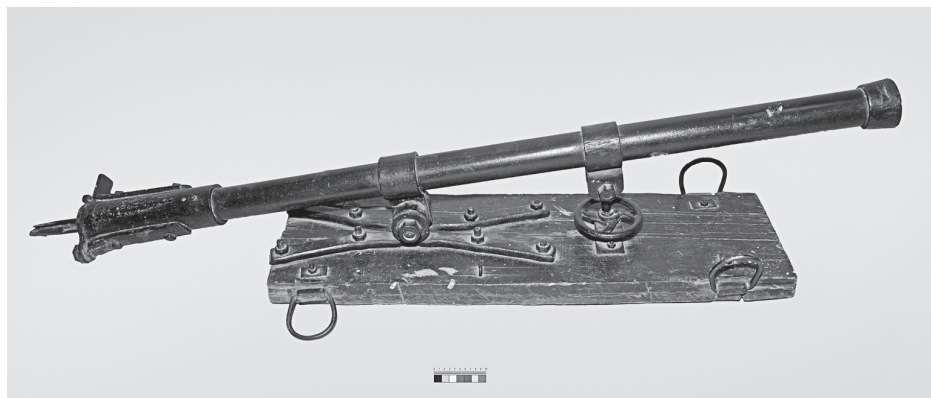
Два таких ружья находятся в фондах нашего музея — первое принадлежало революционеру, видному советскому государственному и политическому деятелю Сергею Мироновичу Кирову (1886—1934) и было передано в комплекте с другими вещами из Ленинградского музея С. М. Кирова, войдя в экспозицию организованного в 1947 г. дома-музея Кирова в Новосибирске. Экспозиция располагалась в доме городского извозчика Евсея Метлина, построенном

в 1905 г., — в этом доме в 1908 г. снимал комнату другой революционный деятель, Александр Иосифович Петухов, у которого и останавливался Сергей Миронович Киров.

Второе ружье связано с именем нашего земляка, советского летчика-испытателя и Героя Советского Союза Георгия Филипповича Байдукова, который с В. П. Чкаловым и А. В. Беляковым 18—20 июня 1937 г. на самолете АНТ-25 совершил первый беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Ванкувер протяженностью 8 504 километра. По имеющейся информации, это ружье входило в состав аварийного снаряжения самолета.

Кроме ружей, изначально предназначенных для охоты, существует и категория так называемых переделочных ружей. Переделочные ружья — оружие, промышленным или кустарным образом переделанное из боевого в охотничье. В Российской империи (а впоследствии и в СССР) всегда имелось много боевого оружия, не пригодного к дальнейшему использованию в армии или морально устаревшего. Охотничьи ружья изготавливались путем рассверливания стволов на базе винтовок Крнка и Бердана, для чего использовались запасы винтовок с военных складов. В конце 1920-х гг. на Тульском оружейном заводе разрабатывались конструкции дробовых ружей на основе оставшихся после окончания Гражданской войны винтовок зарубежного производства (Гра, Пибоди, Веттерли, Мартини, Маузер). В эти же годы на Тульском оружейном заводе конструктором П. Н. Фроловым были созданы и запущены в серийное производство ружья, переделанные из трехлинейной винтовки С. И. Мосина и получившие название «фроловки». Со временем название «фроловка» стало применяться практически ко всем переделочным ружьям, даже более раннего производства.

Интересным экспонатом, находящимся в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея, является охотничье ружье, изготовленное из чугунной трубы длиной 170 см и имеющее калибр 52 мм, — оно размерами больше напоминает пушку, имеет деревянный лафет и четыре скобы для переноски. В музей данный предмет поступил как «кустарно изготовленная партизанская пушка времен Гражданской войны», а фактически это — почти забытое оружие охоты на водоплавающую птицу. Ружья такого типа назывались «уточницами» и позволяли добыть за один выстрел до нескольких десятков птиц. Чаще всего орудие устанавливалось на лодку — имея заряд дроби весом более полукилограмма и соответствующий заряд пороха, «уточница» не требовала точной наводки, ее целью служили большие птичьи стаи. Это достаточно распространенное в XVIII—XIX вв. оружие после значительного уменьшения поголовья птиц потеряло свою актуальность, и его использование прекратилось.

«Уточница» — забытое оружие охоты на водоплавающую птицу

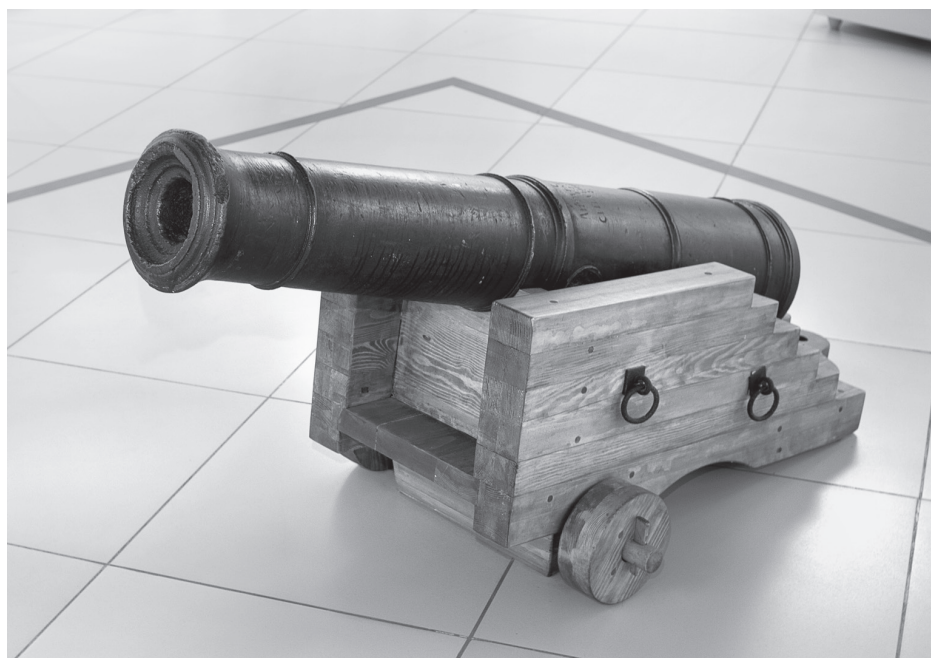
В фондах музея есть и экземпляры настоящих пушек как заводского, так и кустарного изготовления — например, дульнозарядная пушка, находящаяся в зале, открывающем экспозицию, происходит из Кузнецкого острога. Основанный в 1618 г. как опорный пункт для сбора ясачных платежей с местного населения, Кузнецк долгие годы был пограничным городом, защищавшим южные границы Российского государства от вторжений кочевых племен, и артиллерия Кузнецкого острога в разное время насчитывала от 13 до 23 орудий разного калибра. Пушка, хранящаяся в Новосибирском государственном краеведческом музее, отлита из чугуна в 1815 г. на Каменском казенном чугунолитейном заводе и обработана на Нижне-Исетском заводе на Урале. Длина пушки — 133 см, диаметр канала ствола — 8 см. На пушке имеется надпись: «СА ЛИТАВКАМЕНС 1815Г СВЕРЛЪННЖНОЙСК ГЗ» (Сухопутная армия. Литана в Каменске, 1815 год. Сверлена в Нижне-Исетске).

Один из самых запоминающихся наших экспонатов — самодельная партизанская пушка из села Куликово (Алтайский край), изготовленная из чугунной трубы, окованной металлическими пластинами, кузнецом Никифором Егоровичем Крутяковым в период Гражданской войны в Сибири (пушка имеет длину 153 см, диаметр канала ствола 78 мм). В фондах музея сохранилась и фотография автора орудия со своим творением.

В музейной экспозиции представлено также вооружение нашей армии периода Великой Отечественной войны, в которую Советский Союз вступил, находясь на стадии реформирования и перевооружения армии, поэтому наряду с передовыми и современными для того времени видами оружия все еще использовались и старые разработки времен Первой мировой.

Основным оружием советских солдат начального периода войны была винтовка системы Мосина, принятая на вооружение еще в 1891 г. под обозначением «трехлинейная винтовка образца 1891 года». Вместе с винтовкой был принят и новый трехлинейный (7,62 мм) патрон, имевший гильзу бутылочной формы с выступающей закраиной, заряд бездымного пороха и тупоконечную оболочечную пулю. Винтовка образца 1891 г. состояла на вооружении в трех базовых вариантах, слабо отличавшихся друг от друга: пехотная винтовка имела длинный ствол и штык; драгунская, или кавалерийская, винтовка имела чуть более короткий ствол и также снабжалась штыком, кроме того, у драгунской винтовки был изменен способ крепления ружейного ремня (вместо антабок сделаны сквозные отверстия на ложе); казачья винтовка отличалась от драгунской только отсутствием штыка. Поскольку на момент принятия на вооружение отечественные производства еще не были готовы начать выпуск новых винтовок, первоначальный заказ был размещен во Франции, на арсенале в городе Шательро. Серийное производство винтовок на Сестрорецком оружейном заводе под Петербургом под руководством самого Мосина началось в 1893—1894 гг., в Туле и Ижевске несколько позже. В ходе Первой мировой войны из-за неспособности российской промышленности удовлетворить потребности фронта пришлось заказывать винтовки в США, на заводах фирм «Ремингтон» и «Вестингауз», в 1916 г. После Октябрьской революции 1917 г. значительная часть этих винтовок так и осталась в США — была продана на гражданском рынке оружия или использовалась для первоначального обучения солдат в армии. Внешне винтовки американского заказа (кроме маркировки) отличались от отечественных материалом ложи — ореховые вместо березовых.

Первая модернизация винтовки Мосина образца 1891 г. проведена в 1908—1910 гг., когда в связи с принятием на вооружение современного патрона

**Чугунная пушка, отлитая в 1815 г.
на Каменском казенном чугунолитейном заводе**

с остроконечной пулей и улучшенной баллистикой оружие получило другие прицелы, а также были внесены еще некоторые незначительные изменения вроде новой конструкции ложевых колец. Модернизированные винтовки получили обозначение «образец 1891/1910 гг.» и во всех трех вариантах служили вплоть до 1923 г., когда командование Красной армии в целях унификации приняло решение оставить на вооружении только драгунскую винтовку, которая и оставалась основным индивидуальным оружием пехоты вплоть до 1930 г.

А в 1930-м происходит очередная модернизация — изменяются способы крепления шомпола и штыка, при этом последний по-прежнему постоянно должен быть примкнут к винтовке. Винтовка получает новые прицельные приспособления, градуированные в метрах, а не устаревших аршинах. Снова меняется конструкция ложевых колец. И под обозначением «винтовка системы Мосина образца 1891/1930 гг.» это оружие становится основным для Красной армии на предвоенный период и большую часть Великой Отечественной войны. В дополнение к данной винтовке в 1938 г. на вооружение также приняли укороченный карабин образца 1938 г., отличавшийся (кроме меньшей длины ложи и ствола) еще и отсутствием штыка. В 1944-м происходит последняя модернизация винтовки Мосина — на вооружение принимается карабин образца 1944 г., отличающийся от карабина 1938 г. наличием складного вбок неотъемного штыка. Карабин 1944 г. заменяет в производстве и винтовку Мосина образца 1891/1930 гг., и карабин образца 1938 г., — как оружие, более пригодное для современной войны.

По окончании Второй мировой войны производство винтовок системы Мосина продолжается до конца 1940-х, после чего часть станочного парка и оборудования передается Польше. Кроме России (СССР), винтовка системы Мосина состояла на вооружении еще в ряде стран, в том числе в Польше, Югославии, Венгрии, Китае, Северной Корее и Финляндии.

* * *

Станковый пулемет, разработанный британским оружейником американского происхождения Хайремом Максимом в 1883 г. и известный как «пулемет Максима», стал одним из родоначальников автоматического оружия; он широко использовался в ходе колониальных войн, Англо-бурской войны 1899—1902 гг., Первой и Второй мировых войн, а также во многих малых войнах и вооруженных конфликтах XX в. В фондах музея хранится пулемет образца 1910/1930 г., переданный из военной части № 63779 в июле 1969 г.

Одним из первых образцов автоматического стрелкового вооружения, созданных в СССР, был ручной пулемет системы Дегтярева — ДП-27, массово использовавшийся в качестве основного оружия огневой поддержки пехоты вплоть до конца Великой Отечественной войны, после чего он и его модернизированный вариант ДПМ были сняты с вооружения в СССР, но широко поставлялись дружественным странам. На вооружении стран — участниц Организации Варшавского договора этот пулемет состоял до 1960-х гг., применялся в Корее, Вьетнаме.

* * *

Пистолеты-пулеметы ППШ и ППС, разработанные конструкторами Г. С. Шпагиным и А. И. Судаевым, являлись основными пистолетами-пулеметами советских бойцов во время Великой Отечественной войны. Пистолет-пулемет системы Шпагина образца 1941 г. (ППШ-41) был принят на вооружение Красной армии, где должен был заменить более сложный и дорогой в производстве пистолет-пулемет Дегтярева (ППД-40).

Всего в годы войны было выпущено порядка 6 000 000 штук ППШ-41, и долгое время он комплектовался магазином барабанного типа на 71 патрон калибра 7,62 мм, однако из-за низкой надежности и необходимости индивидуальной подгонки барабана было принято решение заменить его на рожок с 35 патронами. В конце 1942 г. на вооружение принимается пистолет-пулемет конструкции А. И. Судаева — ППС-42.

К середине 1960-х гг. пистолеты-пулеметы Шпагина и Судаева были сняты с вооружения Советской армии и заменены автоматом Калашникова, но продолжали использоваться в большом количестве военных конфликтов по всему миру.

В зале, посвященном событиям Великой Отечественной войны, экспонируется и 45-мм противотанковая пушка — легендарная «сорокапятка», ставшая одним из символов войны. Принятое на вооружение в 1932 г. 45-мм противотанковое орудие (создано на базе 37-мм противотанковой пушки образца 1930 г., являвшейся в свою очередь лицензионной копией 37-мм пушки немецкой фирмы Rheinmetall) в дальнейшем неоднократно модернизировали, и до появления более мощных орудий оно являлось основным средством борьбы с вражеской бронетехникой.

В экспозиции музея находится и пистолет-пулемет Томпсона модели M1928A1. Изобретенный в 1918 г. Д. Т. Томпсоном «Томми-ган» известен в первую очередь как оружие американских гангстеров времен «сухого закона», но в 1938 г. он поступает на вооружение армии США. По программе ленд-лиза в период Великой Отечественной войны Советскому Союзу было поставлено более 100 000 экземпляров пистолета-пулемета Томпсона.

Среди оружия времен Великой Отечественной войны в нашей коллекции находится и пистолет Walther РРК. Являясь примером массового пистолета, производившегося с 1931 г., этот экземпляр интересен тем, что принадлежал нашему знаменитому земляку А. И. Покрышкину.

Револьвер Смита — Вессона русской модели

В целом арсенал короткоствольного огнестрельного оружия в коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея невелик, но достаточно разнообразен и включает в себя как дульнозарядные капсюльные пистолеты, так и револьверы и автоматические пистолеты.

Так, у нас имеется револьвер Смита — Вессона русской модели — массивное оружие под мощный патрон, производившееся в Америке по заказу российского правительства и с 1871 по 1915 г. находившееся на вооружении русской армии. По информации, полученной от сдатчика, наш экземпляр принадлежал члену боевой ячейки Обской группы РСДРП.

В 1895 г. на вооружение русской армии был принят револьвер системы Нагана, который был значительно легче и компактнее револьвера Смита — Вессона и производился в огромных количествах. Со временем само название модели стало в России нарицательным, и любой револьвер называли просто наганом. Непосредственно же револьвер Нагана состоял на вооружении русской (затем и советской) армии вплоть до окончания Второй мировой войны, а в дальнейшем использовался милицией и в системе военизированной охраны.

В 1892 г. на оружейной фабрике «Штейер» в Австро-Венгрии был изготовлен первый автоматический пистолет. В фондах Новосибирского государственного краеведческого музея хранятся автоматические пистолеты производства Германии, Чехии, Испании и Советского Союза. Пистолеты Коровина (ТК) и Токарева (ТТ) были оружием начальствующего состава армии, но пистолет Коровина официально не ставился на вооружение, являясь по сути гражданским и спортивным оружием. Пистолет же ТТ (тульский Токарева) разрабатывался как замена револьвера Нагана и был принят на вооружение Красной армии в 1930 г. (с некоторыми модификациями в 1933 г.).

В 1947—1948 гг. в СССР проводился конкурс на новый компактный пистолет для старшего командного состава Советской армии, поскольку ТТ и «наган» считались уже устаревшими. Победителем признали пистолет Макарова, под обозначением ПМ принятый в 1951 г. на вооружение армии и правоохранительных органов. Одновременно с пистолетом Макарова был принят на вооружение и автоматический пистолет, разработанный И. Я. Стечкиным, получивший название АПС (автоматический пистолет Стечкина). Он предназначался для вооружения офицеров, принимающих непосредственное участие в боевых действиях, а также для солдат и сержантов некоторых специальных подразделений. Пистолет Стеч-

кина мог вести как одиночный огонь, так и стрелять очередями, кобура, изготовленная из прочного пластика, пристегивалась к рукоятки пистолета специальной защелкой и использовалась как приклад, что повышало точность стрельбы.

* * *

Защитное вооружение представлено в фондах музея в основном шлемами и касками времен Великой Отечественной войны, но имеются и экземпляры, использовавшиеся на Первой мировой войне.

Немецкий шлем «пикельхаубе» изготавливался из плотной кожи с черной лакированной поверхностью, усиленной металлической отделкой с металлической же пикой наверху. Шлем был введен в прусской армии в 1842 г. по приказу короля Фридриха Вильгельма IV и, прослужив до 1916 г., стал постепенно заменяться новым стальным шлемом, защищавшим голову лучше.

Интересным экземпляром защитного вооружения является стальной нагрудник образца 1942 г. (СН-42, масса в комплекте 3—3,5 кг), разработанный инженером Корюковым. Нагрудник производился из стали толщиной около 2 мм и обеспечивал защиту от удара штыком, некрупных осколков и пуль.

Состоит СН-42 из двух пластин сложной формы — верхняя, большая пластина защищает грудную клетку и верхнюю часть живота, а малая, пристегивающаяся снизу, прикрывает нижнюю часть живота. Нагрудник надевался поверх ватника и сам был дополнительно оснащен амортизирующей прокладкой, что увеличивало защитные свойства. Применялся СН-42 не только в качестве бронжилета, но и как щиток с амбразурой для стрельбы, и как щит для закрытия головы, боков и других частей тела. В первую очередь таким нагрудником оснащались штурмовые и инженерно-саперные бригады, участвовавшие во взятии мощных укреплений и в уличных боях.

Наряду с кольчугами, применявшимися воинами в наших краях, в фондах музея имеется и экзотический для нашего региона доспех. «Окэгава-до» (или, точнее, «ёкохаги окэгава-до» — «доспех в форме бочонка с горизонтальным расположением полос») — японский доспех, появившийся в конце XVI в., состоящий из двухсекционной кирасы с шарнирным соединением на левом боку, к которой с помощью шелковых шнуров подвешены пластины для защиты бедер. Кираса собрана из горизонтальных металлических полос, соединенных заклепками, и покрыта черным лаком. Комплект доспеха дополняется шлемом «тётин-кабуто» («шлем в форме фонаря»), получившим свое название за сходство с традиционным японским складным фонарем. «Тётин-кабуто» изготовлен из нескольких горизонтальных полос стали, с небольшой выпуклой вершиной, полосы соединены друг с другом шелковыми шнурами так, что могут складываться друг в друга. На макушке шлема имеется поворачивающийся штырь, который, входя в прорезь металлической дугообразной пластины, шарнирно закрепленной по бокам шлема, играет роль замка, поддерживающего форму шлема в разложенном состоянии. Экзотический даже для Японии шлем не давал такой защиты, как классические формы, и был скорее курьезом даже для региона происхождения.

В заключение хочется сказать, что, к сожалению, оружейная коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея сильно пострадала в период Великой Отечественной войны — была утрачена довоенная документация (книги поступления, паспорта предметов, содержащие основную информацию об их происхождении), но наши сотрудники ведут активную работу по дальнейшему изучению предметов коллекции и восстановлению информации о них.

Заметки на полях

Константин КОМАРОВ

ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ

О поэзии сурово, но искренне

Россия вместе с остальным миром с трудом выбирается из пандемии — и выбираться, судя по всему, будет еще долго. Однако литературные журналы исправно выходят, и столь же исправно публикуются в них стихи — хорошие и разные. Бросим обзорный, но внимательный взгляд на поэтические новинки «Журнального зала», «Журнального мира» и других сетевых ресурсов. Поговорить есть о чем — радующем, удивляющем, огорчающем...

Начнем с «Журнального мира».

В поэтическом разделе журнала «Этажи» (№ 2, 2020) очевидна установка на неоакмеизм: авторы текстов, опубликованных в этом номере, внимательны к деталям, нюансам, оттенкам действительности — таковы, например, стихи Феликса Чечика¹, который, пожалуй, наиболее последовательно в современной русской поэзии продолжает акмеистическую линию пополам со следованием заветам «неслышанной простоты» позднего Пастернака:

**Сидя у Красного моря,
где голубая вода,
в существование горя
верится как никогда.**

**И, как ни странно — в ненастье,
где тишина на кону,**

**в существование счастья
верится, как никому.**

**Так и живет, где-то между
горем и счастьем навек,
веру, любовь и надежду,
обожестьив, человек.**

В этом же ключе сделаны и «Путевые заметки» Всеволода Константинова, посвященные путешествиям в Армению и Францию². Погружение в иную атмосферу и культуру у Константинова неотделимо от напряженной рефлексии над увиденным и размышлений над вечными вопросами существования. Так, в стихотворении из «Армянских записей» мысль лирического субъекта о величественной в своей простоте данности человеческого существования пробуждается минималистическим, но просторным армянским пейзажем:

**До простых вещей тут жизнь
растерта.
Я точу глаза о красный камень.
Тут пейзажи в стиле натюрморта,
как любил седой французский
парень,**

**рисовавший гору-гору-гору
каждый день, как делают зарядку.**

¹ <http://журнальныймир.рф/content/kak-lyudi-krylaty-kak-pticy-beskrily>

² <http://журнальныймир.рф/content/putevye-zametki-0>

**Разве это вдохновенье? Впору
оторвать ненужную заплатку.**

**Пусть уж плоть откроется на язве.
По уму, наитью, волшебству ли —
как все это делается разве
так уж важно, если существует?**

**Об отце мы скажем и о сыне,
а о духе что за разговоры.
Ехала машина по равнине
и пропала, потому что горы.**

Порой же туристическая рефлексия выливается в совсем лапидарные и компактные формы, как в завершающем цикле двестишести «Солнце Аквитании»:

**не я отбрасываю тень на эту стену
а колокольня за моей спиной**

Не возгордись, человек, помни, что твое пребывание на земле преходяще и скоротечно не только по сравнению с вечной и мудрой природой, но и по сравнению с делами рук человеческих, с культурой, — таким мне видится посыл этого изящного поэтического афоризма...

Подборка петербуржца Валерия Черешни «Бездомный рыцарь» уже своим названием отсылает к пушкинскому «Жил на свете рыцарь бедный...» и пронизана пушкинскими же интонациями «чувства доброго», «милости», сочувствия. Впрочем, в заглавном стихотворении подборки упоминается не Пушкин, а Некрасов, а точнее — его новации в области стихосложения. Но сквозь Некрасова слышится Пушкин, что вполне естественно, если вспомнить, что Некрасов был наследником пушкинской линии русской поэзии ничуть не в меньшей степени, чем, например, Тютчев:

**Кораблик, жизнью траченный,
ржавеющий в порту,
с изломанными мачтами,
с прорехою в борту...**

**Некрасовский, жалеющий
размерчик раскачал**

**тебя, кораблик преющий,
уткнувшийся в причал.**

<...>

**Красивые кораблики
(прикольный новый стиль!)
возьмут тебя за жабрики
и отвезут в утиль.**

Здесь сходятся и гамлетизм, и донкихотство (вспомним известное эссе Тургенева о двух типах личности). Взрослое, зрелое, горькое мироощущение как бы высказывает себя языком детским, игровым, отзывчивым, а «корабельная» тема позволяет предположить еще один интертекстуальный источник — стихотворение Маяковского «Военно-морская любовь» о трагедии, произошедшей в «семействе миноносин». Но если Маяковский панически, больше смерти, боялся старости, то Черешня приемлет и ту, и другую вполне рационалистически, с легкой ноткой элегической горечи о неуклюжей и прекрасной жизни. Квинтэссенцией жизни сколь парадоксально, столь и закономерно оказывается смерть, осмысляемая натурфилософски, как растворение во вселенной, в природном космосе (и тут возникает аллюзия на предсмертные строки Маяковского — «Ты посмотри, какая в мире тишь...»):

Старость — время обратной перспективы:

**вновь тасуешь все те же мотивы,
но они стремятся не в точку схода,
а в хаос расхода.**

<...>

**Стать пучком летящих
в пространстве линий,
пронизающих синий**

**межзвездный иней
в остановленном времени,
став его частью...**

Это счастье.

В журнале «Дон» (№ 4-6, 2020) — подборка верлибров одного из наиболее

внятных и адекватных представителей этого в целом, на мой взгляд, тупикового для русской поэзии вида стихотворной деятельности — Вячеслава Куприянова («Кровные узы»). Центральное стихотворение подборки — «Кровь речи»¹:

**не хочу ничего видеть
не хочу ничего слышать
ничего не скажу**

**закусываю губы
чувствую вкус
крови**

**закрываю глаза
вижу цвет
крови**

**затыкаю уши
слышу
шум крови**

**невозможно
уйти в себя
разорвать с миром
кровные узы**

**остается вечно
говорить и слушать
слушать и говорить**

**слово
у всех
в крови**

Интересно здесь выявление фундаментальной сущности молчания и говорения через энергичный телесный образ крови, мысль о том, что поэт, как человек, говорящий о последних, предельных вещах, реализует себя всем своим телесным существом, всем «шумом крови», что слова произнесенные — это прямое и органическое продолжение не только артикуляционного аппарата пишущего, но всего его телесного состава. «Шум крови» как первооснова поэтического

высказывания — это такая локальная космология, мифология творения, уместяющаяся в рамках одного человеческого существа — поэта. Здесь и скрытая полемика с тютчевским «Молчи, скрывайся и тай...», и солидарность с пушкинским «Пророком», способным ценой страшных мучений расслышать «и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье».

...И все-таки не могу отделаться от мысли, что выбранная форма верлибра этот ценный образно-смысловый комплекс низводит до уровня любопытной эссеистической зарисовки в столбик, не более того! Мне кажется, что в рамках рифмованной силлабо-тоники подобные мысли прозвучали бы мощней, убедительней, метафоричней...

Впрочем, я далек от желания сбить Вячеслава Куприянова с выбранного им давно и, вероятно, навсегда пути — верлибры Куприянова хотя бы лишены претензий на «актуальность» и мейнстримность, поэтому их можно читать. Тем более что под свою стихотворную практику Куприянов подводит и теоретические обоснования, с которыми я бы, конечно, развернуто поспорил, но не в этот раз. Пока просто предоставляю читателю пару цитат для дальнейшего размышления:

«Зачем нужен свободный стих, для краткости прозванный нами верлибром?»

Затем, что он дает возможность умеющим писать в рифму приблизиться к прозе, не обязательно позволяя прозе поглотить поэтическое начало.

Затем, что он дает возможность сочинителям прозы приблизиться к поэзии, воплощая в изящном виде тезис о краткости как сестре таланта.

Затем, что он дает возможность спотыкающимся о рифму научиться ходить без запинки по морю речи, как посуху.

Затем, что он дает еще одну, третью возможность рыцарям пера, застывшим

¹ <http://журнальныймир.рф/content/krovnye-uzy>

на распутье между дальней дорогой прозы и ухабами поэзии...»

«Верлибр отнюдь не следствие негативных устремлений бунтующих поэтов, а попытка создать новую категорию вкуса, по-своему возрождающую античную калокагатию, насущное взаимопроникновение этики и эстетики слова»¹.

В целом же надо отметить, что с современным русскоязычным верлибром все очень плохо. Предсказуемо плохо. Об этом можно судить хотя бы по недавнему, опубликованному на «Кольте» интервью Дмитрия Кузьмина², под крылом которого и расцвели на неприспособленной для этого никак почве русского стиха сорняки «актуальной» верлибристики. Приведу (опять же без комментариев) цитату из данного интервью: «Я всегда пытался, насколько это возможно, разделять личное и профессиональное и не заводить романов с коллегами, но двое моих возлюбленных в итоге печатаются как поэты, потому что поэзия вообще штука заразительная. Благодаря одному из спутников нескольких лет моей жизни, прекрасному трансгендерному юноше, у нас теперь растет дочь. По поводу современной поэзии у нее к ее пяти годам твердого мнения пока нет, а по поводу моей роли в ней — уже есть, супруг за ней записал: “Редактор — он что делает. Если плохо работаешь, говорит: “Иди вон!” Если хорошо работаешь, дает медаль. Редактор — он такой. Он еще не то может”. И я стараюсь соответствовать».

Как и обещал — без комментариев...

Я бы и говорить об этом не стал, но уж больно активно вмешиваются подобные персонажи в нынешнюю словесность. Так, например, верлибры Кузьмина на излюбленную «орально-анальную» тематику, ничего, кроме физиологического отращения, вызвать априори неспособные,

цитируются в журнале «Артикуляция» (№ 11) как пример прямого лирического высказывания. Хочется разочаровать автора статьи «Что такое прямое высказывание?»³ Алексея Масалова: прямота тут если и есть, то даже бледной тени высказывания она не создает.

Подобные «плевелы» необходимо безжалостно отделять от «зерен» настоящей поэзии, чего и хочу пожелать равнодушному читателю.

Ну и в завершение этого нелирического отступления не могу не высказаться о всколыхнувшей весь летний томящийся фейсбук верлибристической исповеди Галины Рымбу под названием «Моя вагина». Фейсбучная «полемика» вокруг этого ничтожного во всех отношениях текста оказалась покруче любой абсурдистской пьесы. А ведь, например, в бодлеровской «Падали» гораздо больше художественно обработанной физиологии, она гораздо концентрированней — но там и поэзии несоизмеримо больше...

Так давайте обсуждать Бодлера! Давайте обсуждать текстуализацию телесности! Давайте, в конце концов, перечитаем Баркова, у которого известное слово из трех букв «летает под застрехой, как в сарае воробей» — и это залихватски поэтично!

Помимо графоманов с амбициями никуда не делись и обычные кондовые графоманы, основным местом выпаса которых остается портал Стихи.ру (он же — «стихира»). Так вот, хороший остроумный критический текст, иронически-пародийно разоблачающий «звезд» стихировской графомании, опубликован в журнале «Нож» за авторством Себастьяна Грезящего (остается только гадать, кто скрывается за этим псевдонимом)⁴. Всячески рекомендую ознакомиться и привожу небольшую выдержку для затравки:

¹ <https://stihi.ru/avtor/verlibr5&book=34>

² <https://www.colta.ru/articles/literature/24745-dmitriy-kuzmin-bolshoe-intervyu>

³ <http://articulationproject.net/7206>

⁴ <https://knife.media/stikhi-ru/>

«Отправной точкой для путешествия в мир курского сегмента “Стихи.ру” для нас станет Зинаида Березина, среди прочего — номинантка большой литературной премии “Наследие” Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Владимировны за 2014 год. Свои творческие цели она сформулировала в лаконичном четверостишии:

**Пишу о них, ведь скоро времена
Придут другие в хаосе забвенья...
И только лишь мои стихотворенья
Напомнят людям эти имена.**

Поэтика Березиной работает с пресловутым фолкнеровским клочком земли размером с марку. <...> Героями ее поэтического тезауруса становятся писатели Курской области, имена которых вряд ли известны кому-то, кроме специалистов по актуальной литературе данного региона. В качестве характерного примера приведем посвящение Николаю Гребневу:

**Гребнев Николай —
знаменитый курский писатель!
Он не просто писатель,
а писательской организации
председатель!
На его неггибаемых плечах
держится вся организация,
Как на президентских — нация!
И днем и ночью он книги издает!
Очень сильно от этого устает!
Но денег за это себе не берет,
А все пускает в оборот!
Все для того,
чтобы пополнять сокровищницу
мировой литературы!
И не абы какой мукулатурой!
А настоящими жемчужинами
словесности
На курской местности!»**

Немного о молодых поэтах. В августовском «Знамени» — стихи не по годам

известного в литературном сообществе воронежца Василия Нацентов. Подборка называется «гулкое и пудовое»¹. Стихи, действительно, весомые и зримые, но порой Нацентов то перебарщивает, то недобарщивает с суггестией. Virtuозного владения темпоритмом суггестирования, то есть мастерством уплотнения и развоплощения поэтического образа (которое демонстрирует, например, Александр Кабанов в великолепном стихотворении «Мой милый друг! Такая ночь в Крыму...»), Нацентову еще предстоит добиться. Но заявка на это имеется:

**Да и зачем, если вокруг такое:
от щелканья воздух лопается,
и из прорех
стекает золото царственного покоя.
Насвистывать свою песню
в эти мгновенья — грех.**

<...>

**О еще будет время! в июле,
может быть, в первых числах
или к середине месяца. Все затихнут.
И дрозд поет:
столько в песне его надежды,
нот светлых, чистых,
что птенцы навсегда запомнят,
в собственный отправляясь полет, —
«Фи-липп, фи-липп, при-ди,
при-ди, чай-пить, чай-пить...»
И дроздица подумает:
счастье такого дрозда любить.**

Не менее интересным, чем само процитированное стихотворение, представляется орнитологическое примечание к нему: «По утверждению любителя певчих птиц И. К. Шамова (1876 год), некоторые крики дрозда можно передать словами: “Деньги есть! выпьем! Василий! кто велит!”» Сразу хочется пойти послушать дрозда и проверить гипотезу.

¹ <https://magazines.gorky.media/znamia/2020/8/gulkoe-i-pudovoe.html>

* * *

В финале своих заметок хочу поделиться любопытным наблюдением: считается, что одним из основных мерил состоятельности и востребованности писателя являются литературные премии, однако имеется такое количество исключений из этого правила, что поневоле задумаешься — а правило ли оно вообще? Вот, например, прогремела в прошлом году премия «Поэзия». О ней в журнале «Эмигрантская лира» (№ 2, 2020) пишет обозреватель Юлия Шокол¹:

«Напоследок хотелось бы упомянуть телеграм-канал “Метажурнал”, первоначально созданный Евгением Никитиным для рецензий на стихотворения, номинированные на премию “Поэт года”, а после разросшийся до самостоятельного ресурса. Каждый день на канале публикуется современная поэзия, критика и переводы иностранных поэтов».

Почти год, получается, миновал с первого сезона вручения премии «Поэзия», а рецензенты и обозреватели до сих пор бессознательно путают ее с замшелой «стихировской» премией. Бессознательное рецензента в данном случае — отличный лакмус искусственно раздутой статусности премии «Поэзия» и ее де-факто малого значения для собственно современной поэзии и поэтической критики. Мораль: хотите всерьез познакомиться с современной поэзией — не ограничивайтесь премиальными списками, а читайте

журнальный поэтический контент в максимально доступном вам объеме.

Справедливости ради — и у премии «Поэзия» случаются достойные лауреаты. Например, хороший поэт Дмитрий Веденяпин, чьими духоподъемными и на редкость верными словами из интервью Борису Кутенкову, опубликованного на сайте «Современная литература» (недавно появившийся ресурс, заслуживающий внимания)², я и закончу сегодняшний обзор:

«...Стихотворение — в этом его отличие от прозаической или публицистической вещи — нечто вроде летательного аппарата. Встречаясь со стихотворением, ты не просто читаешь, ты летаешь. Музыка, образ и то, что можно назвать содержанием или смыслом, присутствуют, разумеется, и в прозе, и в публицистике, но в стихотворении их соотношение, или, если угодно, иерархия иная: на первом месте музыка, потом смысл и затем образ. В прозе, как мне кажется, сначала — образ, потом музыка и смысл, ну а в нон-фикшн на первом месте смысл, потом музыка и только затем — образ. Читая прозу, ты успеваешь соотносить прочитанное с собственным опытом, посмотреть в окно, согласиться или не согласиться. Стихотворение — гораздо более стремительная вещь. Раз — и ты в неведомости!»

Счастливых полетов, читатель!

¹ https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/shokol-yuliya/2020-2-1?fbclid=IwAR1dlt-7zrcr4eIrvhWj0Wys_mQ-LVzX4IG6W2h1DmGH7Dey7sQiuddIh5Q

² <https://sovlit.ru/tpost/rz1ukhlbst-dmitrii-vedenyapin-papa-govorit-po-telef>

Вячеслав ЛЮТЫЙ

**«ПО РАВНОВЕЛИКИМ КРАЯМ
МАТЕРИНСКОЙ ЗЕМЛИ...»**

*Расторгуев А. Земля крылатых яблонь: Стихи. —
Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2019.*

*Я никому надежды не продаю —
так отдаю. Осталось еще чуть-чуть.*

Андрей Расторгуев

Стихи екатеринбургского поэта Андрея Расторгуева несут на себе достаточно отчетливый отпечаток стиля. В нынешнее время, когда стилевые особенности лирического письма очень часто подменяют собственно содержание поэтического высказывания — глубоко прочувствованного автором и лично окрашенного, это обстоятельство, в отличие от прошлых литературных десятилетий, скорее настораживает, нежели привлекает: обман сочинителей-версификаторов в последние годы стал слишком частым.

Однако острота зрения поэта и его способность видеть в густоте примет и деталей самую важную для него черту отодвигают в сторону прецеденты «поэтического иллюзионизма» и заставляют читателя поверить, что сейчас потаенный разговор будет вестись всерьез и безо всякой пощады по отношению к alter ego автора.

Стилевая поэтическая походка Андрея Расторгуева берет начало в устной речи. Здесь нередко так же скрадываются промежуточные слова и сообщается сразу о главном: «не говорим, как пишем — а пишем, как говорим».

В таком поэтическом приеме присутствуют свойства эллиптической организации письма и синтаксического целого, но это, конечно, уже рациональные ка-

чества лирики Расторгуева. Куда важнее не фиксация языковых приемов, но сама внутренняя мотивация такого построения стихотворного наблюдения или рассуждения. И вот тут очевидно, что дистанция между автором и читателем уже определена заранее органическим «устройством» голоса поэта. Перед нами — разговор людей, друг друга понимающих и думающих похоже. Но не задушевных друзей, а скорее — единомышленников. Потому в стихах Андрея Расторгуева не часто встретишь исповедальные строки.

Наиболее близок автору он сам, и признания лирического героя адресуются себе же. А читатель — свидетель происходящего и возможный судья. Но одновременно — товарищ, который поймет и протянет ему дружескую руку.

В стихах Расторгуева чрезвычайно распространена консонансная рифма. Автор почти всегда заключает в нее новый смысловой импульс, который выводит прежде сказанное на иную высоту. Консонансная рифма здесь — это и вариация поэтического звука, и дополнительный оттенок смысла, который «держит» как целое слова стихотворения и сообщает строке энергию и волю. В применении такой стиховой практики видно желание автора отойти от гармонического сочетания

элементов поэтического рассказа. Что, в свою очередь, наводит на мысль о душевном изломе, скрытой трещине в душевном устройстве лирического героя. И прежде всего — это отпечаток его принадлежности к современным дням, когда гармония в отношениях, в созерцании, в рассуждении кажется почти недостижимой.

Но, как бы подсознательно ощущая некий тревожащий душу ракурс, вознившую дистанцию в собственном восприятии гармонии, в развитии сюжета Андрей Расторгуев старается закрыть эту трещину всем существом своим, всем остатком любви своей к земному миру. Не случайно в стихах его новой книги «Земля крылатых яблонь» наряду с парадоксальными образами и сближениями есть вечные акценты, которые остаются в сознании и сердце человека как изначально ему принадлежащие — они пропадут только с исчезновением его самого. Впрочем, в природе все останется, но нас это обстоятельство уже никоим образом касаться не будет...

Речь о весне, о цикличном обновлении, а в бытийных координатах — о пасхальном воскресении Спасителя:

**Пора надеть иные вещи нам —
земная тает седи́на.
Явилась вновь на Благовещенье
бесповоротная весна.**

**Бесповоротная, беспутная —
какие, к лешему, пути,
когда вода летит пробудная?
Ни переплыть, ни перейти...**

**Сошествие — не снисхождение,
когда по кругу, да не вспять
рождение и возрождение
соединяются опять.**

Расторгуев видит пасхальные знаки во временах года — *поднимая* смысл и не отрицая естество. По-весеннему у него происходит борьба «между яростным светом и тенью». Примечательно вот что: наряду с присущей поэту сдержанностью речи и

даже некоторой ее «суховатостью» в иных сюжетах у Расторгуева ткань стиха словно прорывает природная эмоциональность, когда человек просто не может не оценить могучие проявления стихии. Вместе с тем автору свойствен и иной путь: его поэтический взгляд может следовать от Огня у Гроба Господня — к этапам жизни, к зрелой мысли и зрелому чувству, то есть — к нашему телесному присутствию в мире. Соединить далеко отстоящие предметы — умение редкое, тем более — соединить протяженно, в лирическом рассуждении, а не в мгновенном образе-искре.

**По равновеликим краям
материнской земли,
на волю ветров полагаясь
и вышнюю волю,
порой молодою мы тоже зажгли —
и сожгли
страстей и желаний немереных
добрую долю.
Но смысла завидовать
нынешней юности нет,
без точки страница,
не время еще устрани́ться —
не молниеносный
и не ослепительный свет
яснее горит и ровней
на дорогу струится.**

**Души не травы и смятенного
сердца не рви.
Кто истинно веда́ет: вечное —
не за горами,
поймет, сколько в ярое пламя
добавить любви,
чтоб и малoverные лицами
не обгорали.**

Надо сказать, что стремление сопрягать далекое и близкое — для поэзии свойство почти родовое. В одном случае это проявляется едва заметно, как будто на уровне акварели, в другом — подчеркнуто и колко, словно являя собой «лирическую смелость» автора.

У Андрея Расторгуева, кажется, все вещи равновелики и находятся в пределах прямой досягаемости. Однако это не чер-

та тайного демиурга, но — примета частицы мира, которая равноправна со всеми иными его частицами и в состоянии быть с ними рядом, а порой — и заменить их в случае надобности.

Поэт пронизывает поколения и эпохи, культурные слои и языковые пласты, житейское и одухотворенное — и нигде не выглядит ряженым странником, а предстает вовлеченным в бытие человеком, который всякий раз находит верные краски и слова, дабы передать наиважнейшие оттенки события и облик его участников.

В одном из стихотворений автор как бы «проговаривается», обозначая то, что движет им изнутри: «Это тяга к земле, а не в землю...» Признание звучит в памяти и накрывает своими отголосками другие сюжеты и картины...

Чувство пространства и чувство земли, изменчивой и прекрасной, насыщают стихи Расторгуева. И он, как будто осязая движение времени, прикрепляет эти чувства к живому окоему, в котором сам находится, проживая свой век.

Ориентиры и приметы небесные для автора, несомненно, важны — однако все вышнее в его стихах так или иначе отдалено от лирического героя. Видны незримые силовые линии, которые притягивают человека к Небу, но всякий раз в интонациях Расторгуева при разговоре о «высшей инстанции» неуловимо присутствует отчетливо ощущаемое расстояние между земным поступком, земной душой — и непостижимым законом, которому подчиняется мировой распорядок. Можно сказать, что поэт со скрытой горечью поверяет Небо простой жизнью — иной раз рационально, житейски: сердце тянется к сокровенному и святому, а ум, подобно Фоме неверующему, стремится найти реальные воплощения Царства Небесного. Тем не менее сочетание «плотного» и «тонкого», пройдя поверку душевную и художественную, порой претворяется у Андрея Расторгуева в удивительные образы, развернутые текстуально и опрокинутые

в русскую природу, русскую историю и русский характер.

**Дождя и ангела в дорогу.
Дорога мокрая — так что ж?
Езжай пораньше, понемногу,
не превышай — на то и дождь.**

**А после в воздухе высоком
под паволокой голубой
следящий ястреб или сокол
крыла расправит над тобой.**

**Но ты недоброю приметой
не почитай их зоркий труд —
то ангелы нас эстафетой
из клюва в клюв передают.**

Постоянно в стихах всплывают подобные подтверждения его привязанности к родной почве: «жить, не тужить о чужой земле — хоть бы и лес валить»; «по открытому минному русскому полю не окончены наши пути».

Наперекор холодному зверю левиафану, пожирающему неприкаянные души, «придет веселый зверь единорог и приведет горбатого коняшку». Здесь «левиафан» — эмблема надменного западного мира, а «горбатый коняшка» — иносказательное изображение Конька-Горбунка, воплощения доброй метафизической силы, тепло укорененной в русской традиции.

Непостижимая роль России, лежащей между «восходом»-Востоком и рациональным Западом, между сгорающими лесами и поlyingающей степью, изображена поэтом в историософском смысле, кажется, вполне отвлеченно. Но поэтический образ Деревя, отзывающегося на все события в мире — на «примороженный ветер» и «затяжные дожди», у раскинутой кроны которого «обуливаются края», — паразитически точно выражает чувственное восприятие родной земли русским человеком как драгоценной сердцевины бытия. Не уходящая с веками грусть, тень какого-то почти необъяснимого жизненного ущерба соединяются здесь с интуитивным ощущением великой и трагической судьбы:

**Вот и стою пока, укрепляем то ли
страхом посмертным,
то ли семейным долгом.
Да вот еще — не смейтесь —
родное поле:
слово короткое, а на дыханье долгом.**

Следует сказать о роли цвета в стихах Андрея Расторгуева. Цветовая палитра у него весьма скупая, живопись автору менее близка, нежели графика. Как уже было в истории русского изобразительного искусства, здесь в черно-белый рисунок вводится одна-две краски — и это добавляет тепла в изображение происходящего, придает авторскому голосу дополнительную мягкость.

У Расторгуева движутся предметы и люди, меняют свой облик стихии, реальная жизнь соизмеряется с запредельной, житейское правило становится рядом с идеалом. Не будь цветовых оттенков в этой поэзии, она, возможно, выглядела бы жесткой и даже отчасти ригористичной. Однако стихи Расторгуева находят свой, весьма необычный путь к сердцу читателя, не исключаящий компромисс и грусть, иной раз — сомнение в порядке вещей и в собственных словах. Дистанция между автором и читателем незаметно сужается, а слова поэта без напряжения вписываются в яркую картину окружающего мира. Притом что в самой материи стиха у Расторгуева отчетливо видно стремление к *остранению* изображаемого («речка Белая Холуница земляные породы трет»; «пока вороха крылатые подымутся на юга») и конструктивистскому ходу речи, вполне самобытному. Хотя Семен Кирсанов и аукнется на мгновение в стихотворении «Не своди устало рот...» — но тут же и исчезнет, потому что вещь Расторгуева хороша уже сама по себе.

Драматургия поэтических сюжетов у Андрея Расторгуева охватывает устройство мира и взаимоотношения мужчины и женщины, несовпадение важнейших смыслов Земли и Неба, едва ли не противостояние собственной молодости и зрелости. Здесь неизменно присутствует

глубинное чувство рода, а временами — внимательный и отстраненный взгляд на холодный Запад. И всякий раз в интонации автора проявляется мужская воля и сознание собственной ответственности за родное и близкое. Мысль не гасит чувство, но как бы обручается с ним посредством филигранного художественного образа. Порой само течение лирического рассказа у поэта вовлекает в поле зрения и слуха, кажется, необязательные вещи: звук или сочетание слов представляются слегка нарочитыми. Но всегда последние строки стихотворения объемно и точно заключают движение событий и картин.

**А возвращается крупцами...
Но сладкой жалости не трать.
Ирга испробована птицами —
пора и нам пособирать.**

**Пускай летят на ягоды они —
неисчерпаем летний сад,
пока рожают наши яблони
и женщины плодоносят.**

Андрей Расторгуев в поэтическом поле — фигура достаточно одинокая. Его слегка суховатая речь, умение пробовать на излом строку, парадоксальное соединение вещей взаимно далеких, высокая культура стиха, впитавшая в себя наработки прежних литературных эпох, — все это делает Расторгуева узнаваемым и разительно непохожим на коллег по лирическому цеху. Герой его стихотворений — человек рубежа тысячелетий, в котором почва и цивилизация соединились особым, причудливым образом. В нем не найти согревающих душу упований на завтрашний день, в котором возобладает справедливость и правда. В каком-то смысле его лирический герой — человек изверившийся. И все-таки, не отделяя себя от многострадального и стоического русского мира, интуитивно чувствуя дыхание истины, поэт уже поэтому оказывается частью общей надежды на лучшее — хотя бы и противореча порою самому себе.

Владимир ЧИРКОВ

СЕРГЕЙ ДЫКОВ, ИДУЩИЙ СКВОЗЬ СНЫ

Искусствоведческие письма

Если вы устали от глобализма, от всяких «квартирников» и разлитого моря «либеральных» ценностей — тогда вам дорога на Алтай, где, к слову, столетие назад собирался поселиться великий «мироносец» Николай Константинович Рерих, да не получилось. В наших палестинах коммунизмы начинались...

Итак, отправляемся на Алтай, к Сергею Владимировичу Дыкову — замечательному, чистому, как родники вдоль говорливой Катунь, Сергею Дыкову, художнику-поэту, сумевшему чудесным образом найти опору в древних народных культурах Сибири, чтобы не пропасть среди нынешнего бездуховного массового житья-бытья.

Письмо первое, историческое

Познакомились мы с Дыковым в 1996 г. на выставке-конференции «Человек в пространстве времени», прошедшей в Омске при небывалом стечении художественного и научного народа со всей страны — от Москвы до Иркутска.

Из названия мероприятия понятен и основной вопрос, интересовавший нас: что же происходит с современным человеком, где его ориентиры, его идеалы? На той «хронотопической» выставке стало очевидно, что в условиях стремительного растворения советских идеалов и начина-

ющейся агрессии масскультулы надо искать истоки в других эпохах, как это бывало и ранее в истории культуры, истории цивилизации.

Сергей Дыков тогда представлял свою керамику и графику (тушь), и уже тогда было понятно, что неоархаическое направление в современном искусстве Сибири возрождает поиски начала века («сибирский стиль», «северный изобразительный стиль»), продолжает открытия, сделанные шестидесятниками (В. Капелько, Н. Третьяков) и восьмидесятниками (Н. Рыбаков, С. Лазарев, А. Суслов, А. Цыбикова, Л. Пастушкова, В. Бугаев, Е. Дорохов, Г. Райшев), а уже в 2000-е — поздним В. Смагиным и другими.

В перечисленном ряду выдающихся имен современного искусства Сибири исключительная роль принадлежит Сергею Дыкову. Почему исключительная? Поясню: он единственный в этой плеяде, кто соединил, простите за научные выражения, визуальное и вербальное в одном лице.

Письмо второе, про Дыкова раннего

В начале 1990-х гг. один за другим вышли сборники стихов Сергея: в 1991-м в Барнауле напечатана книжка с незатейливым названием «Стихи», а в 1994-м в Горно-Алтайске — «Линия жизни», подзаголовки к которой кажется точнее:

«книга стихов и рисунков». Изданные без полиграфических затей тоненькие сборники как бы случайно попадают прямо в цель: мир художника имеет архаические, примитивные истоки и корни, на которые намекает дешевая серенькая бумага, — это первое. А второе — читаем в аннотации: книга ставит задачей поиск путей взаимопроникновения слова и изображения.

Идея не нова в искусстве, но в случае с Сергеем она оказывается уникальной. Из статьи Владимира Берязева 1997 г. узнаем: «Дыков вырос среди слепых. Деды и бабки Сергея не знали, что такое дневной свет, то есть практически совсем ничего не видели, однако умудрились нормально жить, жениться, рожать детей... <...> ...Сергей вырос в некоей паузе, в тишине сосредоточения, а воспитывался на принципах, которые можно условно обозначить как *осязательные*...»^{*}.

Из «осязательных» стихов Дыкова:

**тонкий-тонкий месяц.
черная сосна.
тихо-тихо светясь
шелестит волна.**

**на песке сыпучем
только птиц следы.
и сосны дыханье
у живой воды.**

На раннем творчестве Сергея (конец 1970-х и 1980-е гг.) лежит печать традиции русского искусства — пленэрного, этюдного наблюдения-зарисовки. Фиксация видимого и наблюдаемого достигает порой натуралистического перевода на бумагу — словом и изображением — с еще и непременно авторским умозаключением.

Судите сами:

**рука как ветвь склонилась над огнем
и ждет тепла и тихого покоя
так вешних трав зеленый хоровод
встречает утром солнце золотое**

С последней четверти XIX в. известно такое понятие, как эмпатия (способность к сопереживанию), — так вот, можно с уверенностью утверждать, что эмпатия сопровождает нашего художника и поэта с детства — и по сей день. Это его органическое состояние, он так живет. А истоки (продолжим их хотя бы обозначать) такого состояния разнокорневые, но один из них мы знаем точно: он осязательный, от незрячих дедов и бабок, и, в свою очередь, уходит корнями в славянскую ментальность, ибо предки Сергея — из русских переселенцев, пустивших глубокие корни в алтайскую почву.

Судя по всему, в самом естестве Сергея изначально было заложено некое безотчетное уподобление окружающей природе и истории, в которой мощнейшими слоями, одновременно проникая друг в друга и сохраняя собственную сердцевину, залегают культурные архетипы. Чего стоит уже один Алтай, где и произошел переток славянского начала, славянских кровей Сергея во все то, что его с детства окружало, что его питало: природа, история, мощнейшая мифология щедро разветвленных родов алтайских этносов, уклад жизни современного социума, сохраняющего традиции. Да только ли традиции алтайские?

Мы же хорошо помним, что в 1960-е началось возвращение к сибирским корням, о чем я упомянул в первом письме, возвращение на многоэтнической мифологической почве. Вспомним эти корни, которые имеют названия культур: андроновская, окуневская, афанасьевская, тагарская, кулайская — от первых наскальных рисунков-граффити до каменных баб — балбалов, сохранившихся до наших дней на безбрежных просторах Сибири, — знакомство со всеми этими древними богатствами влияло на Дыкова, сверхвосприимчивого ко всему подлинному, чистому...

Сергей, не знающий и по сей день межвидовых и жанровых преград в искусстве, первые, чисто изобразитель-

^{*} <https://beryazev.livejournal.com/186646.html>

С. Дыков. Отдыхающая Волна. 2007

ные обретения пережил в графике. И мне кажется, этим обретением является рисунок-стих: «перышко / деревце / вырванное / ветром / птица / оборвавшая / перышко / это / может / быть / плачет / где-/то».

Графическая архитектоника изобразительного листа строится на вертикальном мотиве дерева-птицы, два перышка которой являются пластической метафорой «ветра» в его движении, — и это яркий пример раннего графического минимализма Сергея Дыкова.

Письмо третье, про живопись

Не знаю ни одного человека в профессиональной среде, кто бы оставил без внимания то, что делает Сергей Дыков в живописи. Возникающее из истории и глубин авторского сознания живописное пространство Дыкова предельно насыщено — оно не имеет (в отличие от черно-белой графики) изобразительных пауз. Условные фигуративные антропо-, зоо- и орнитоморфные изображения, имеющие плоскостную форму, превращаются в декоративное панно, мгновенно отсылая просвещенного зрителя к памятникам первобытного искусства — прежде всего к знаменитым коврам из Пазырыкских курганов, открытых в 1929 г. академиком С. И. Руденко.

Достоинство композиций Дыкова в том и заключается, что живописное пространство, становясь самоценным (что может быть важнее для живописца?), не заслоняет собою тематической, жанровой нагрузки картины.

Приведу в пример одно из самых ярких и талантливых полотен художника («Месяц кукушки», 1999) — плоскостная живописная композиция подчинена круговому ритму холодных и теплых пятен. Когда все компоненты композиции кажутся невероятно ценными, художник принимает единственно верное решение — остаться в пространстве тематической

картины. Центр композиции занимают мужчина и женщина, их телесная пластика перетекает одна в другую, усиливая тем самым господствующий в картине мотив вечной «реки времени». А если помнить взаимоисключающие смыслы образа кукушки в мировой культуре, то можно предположить тут и взгляд умного Сергея Дыкова: жизнь сложнее всяких теоретических построений, каждый выбирает свой путь — важно, чтобы он был гуманным, человечным, это особенно актуально в нынешние времена тревог и испытаний.

В наших предыдущих беседах мы цитировали великих представителей русской культуры — Тютчева, Мандельштама, а теперь давайте вспомним еще одно знаковое для нашей духовности имя — Арсения Тарковского:

...Живите в доме —

и не рухнет дом.

**Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем...**

Я убежден, что в этот ряд избранных органично вписывается и Сергей Дыков, художник и поэт:

**Из семечка, оброненного мною,
Там из подполья яблоня растет —
Приподнятый, очнулся над землей
Забывший дом, и ветвь
в трубе цветет.**

**А сердце темной бабочкой летает
По древним, блеклым,
высохшим цветам —
Как будто жизнь свою припоминает,
Вернувшись к дедовским крестам...**

...Сергей Дыков как-то признался, что в одном из его детских снов ему дали имя, в чем-то похожее на древнее шаманское прозвище — «Идущий Сквозь Сны». И добавил: «Мне кажется, что печать этих детских воспоминаний до сих пор согревает мне сердце...»

АВТОРЫ НОМЕРА

Васильева Владислава Вячеславовна родилась в 1971 г. в Тульской области. Окончила Тульский педагогический институт и Нижегородскую правовую академию. Работала библиотекарем, судебным приставом-исполнителем, юрисконсультом государственных учреждений. Публиковалась в журналах «Приокские зори», «Сибирские огни». Живет в г. Узловая Тульской области.

Комаров Константин Маркович родился в 1988 г. в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Публиковался в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор нескольких книг стихов и литературно-критического сборника «Быть при тексте». Член Союза российских писателей. Живет в Екатеринбурге.

Косовская Мария Геннадьевна родилась в 1979 г. в Москве. Окончила Московский государственный горный университет и Литературный институт им. А. М. Горького. Работает менеджером по аренде яхт. Публиковалась в журналах и альманахах «Литературная учеба», «Волга», «Знамя» и др. Член Союза писателей Москвы. Дипломант ряда литературных конкурсов и семинаров. Живет в Москве.

Лютый Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 г. в Легнице (Польша). Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Работал радиоинженером, звукооператором театра драмы, заведующим московской редакцией журнала «Континент». В настоящее время — заместитель главного редактора журнала «Подъем». Публиковался в журналах «Подъем», «Наш современник», «Москва» и др. Автор нескольких книг о современной литературе. Лауреат ряда литературных премий. Председатель Совета по критике Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Малыгина Александра родилась в 1987 г. в Барнауле. Окончила Алтайский государственный университет, по специальности филолог, преподаватель. Печаталась в журналах «Барнаул», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Алтай» и др. Автор книг стихов «Музыка чернил», «О тебе», «Дуреха». Член союза писателей России. Живет в Барнауле.

Михеева Светлана родилась в 1975 г. в Иркутске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, эссеист. Автор нескольких книг прозы и стихов. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни», «Юность» и др. Участник ряда литературных фестивалей. Член Союза российских писателей. Живет в Иркутске.

Пожарская Алина Евгеньевна родилась в 1989 г. в Москве. Окончила Московский государственный лингвистический университет. В настоящее время фрилансер. Публиковалась в изданиях «Дальний Восток», «Байкал», во многих детских журналах. Участница семинара Союза писателей Москвы, Форумов молодых писателей России и СНГ, а также семинаров молодых писателей, пишущих для детей. Автор книги прозы «Другие вольеры». Живет в Москве.

Сатпаева Нурайна родилась в 1978 г. в городе Атырау (Казахстан). Окончила Казахский технический университет по специальности «инженер-системотехник». Участник форума молодых писателей в Липках, Форума детских писателей фонда СЭИП. Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов и конкурсов драматургии. Публиковалась в журналах «Нева», «Литерра Нова», в сборнике рассказов издательства АСТ. Живет в Алма-Ате.

Сорокотягин Денис родился в 1993 г. в Екатеринбурге. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт. Лауреат международных конкурсов вокалистов, чтецов. Автор учебных пособий для ДМШ и ДШИ. Режиссер, художественный руководитель «DAS-театра». Актер Театра музыки и поэзии Елены Камбуровой. Живет в Москве.

Чеботарёв Алексей Сергеевич родился в 1974 г. в Искитиме. Учился в Новосибирском государственном педагогическом университете на историческом факультете. Старший научный сотрудник службы главного хранителя ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей». Хранитель фонда оружия НГКМ. Живет в Новосибирске.

Чирков Владимир Федорович родился в 1947 г. Кандидат философских наук. Заслуженный деятель культуры Омской области, член комиссии по искусствоведению и художественной критике ВТОО СХР, почетный член Российской академии художеств. Автор более 300 публикаций и научных трудов, куратор выставочных и научных проектов. Живет в Омске.

Чолокин Владимир Тигранович родился в 1994 г. в Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного университета по специальности «английский язык». Живет в Пензе.

Шелленберг Вероника Владимировна родилась в 1972 г. в Омске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Арион», «День и ночь», «Урал», «Москва» и др. Автор девяти стихотворных сборников. Лауреат ряда литературных премий. С 2017 г. — председатель Омского регионального отделения Союза российских писателей и редактор альманаха «Складчина». Живет в Омске.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 07.09.2020. Дата выхода № 10 за 2020 г. в свет 15.10.2020.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.